

ЮСУПОВА А.Ш.

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА
(XIX век)**

УДК

Печатается по решению кафедры прикладной лингвистики и переводоведения (протокол №)

Рекомендуется для студентов факультета татарской филологии и истории

Юсупова А.Ш. Лексикографическое наследие татарского языка. – Казань: Алма-лит, 2010. – 133 с.

Введение

Одним из основных источников при изучении тех или иных языков, а также показателем их места и роли в истории культуры являются филологические словари. На основании комплексного изучения словарей прошедших эпох и современных можно судить о важных тенденциях развития соответствующих языков.

Лексический состав каждого языка отражает различные стороны жизни определённого народа на протяжении всей его истории. Современный татарский язык также формировался в историческом контексте становления татарского народа как нации. В связи с этим анализ татарской лексики, зафиксированной в словарях, создаваемых на протяжении нескольких столетий, важен не только для изучения истории татарской лексики, изменений словарного состава татарского языка, но и для более точной характеристики изменений, происходящих в общественно-политической и культурной жизни татарского народа.

Особенно ценным источником для историко-лингвистических исследований являются двуязычные словари. Взятые в совокупности, они позволяют документально подтвердить роль и место тех или иных языков в истории культуры в определённые исторические периоды, взаимоотношения

данных языков, в том числе их связи с третьими языками. Причем при исследовании таких словарей можно без ущерба для требований научной объективности сосредоточиться на лингвистическом материале одного из двух языков.

Словари фиксируют состояние языка на определённом отрезке исторического развития того или иного народа – носителя языка. Словари общего характера отражают наиболее важную часть лексики соответствующего времени, имеющую отношение ко всем важнейшим сферам жизни, тогда как другие виды источников по истории языка (газеты, журналы, художественная литература, официальные документы) содержат, как правило, круг понятий, принадлежащих к отдельным сферам жизни. Двухязычный словарь представляет собой расположенную определенным образом совокупность зафиксированных правил замены элементов лексики (слов, словосочетаний, предложений, морфем) одного языка его смысловыми эквивалентами на другом языке [Берков, 1971, с.3]. Но они не являются столь репрезентативными для изучения общих тенденций и закономерностей развития языка. Рассматриваемые нами двухязычные словари общего характера обладают дополнительной источниковедческой ценностью, поскольку в них отражены особенности корреляции соответствующих языков.

В России филологические словари стали объектом специальных научных исследований с середины XX века. Особенно важную роль в этом плане сыграли работы Х.Касареса «Введение в современную лексикографию» (М., 1958), Л.С.Ковтун «Русская лексикография эпохи средневековья» (М.; Л., 1963), В.П.Беркова «Вопросы двухязычной лексикографии» (Л.,1973), В.П.Беркова «Слово в двухязычном словаре» (Таллин, 1976), Ю.Н.Караулова «Словарь как компонент описания языков» (М., 1976), Л.С.Ковтун «Древние словари как источник русской исторической лексикологии» (Л., 1977), Л.Л. Кутиной «Словари русского языка XVIII века» (Л., 1984), В.П.Беркова «Двухязычная лексикография»

(СПб., 1996), В.Г.Гака «Учебный словарь – краткая энциклопедия языка» (М., 1971), «Проблемы лексикографии» (СПб., 1997), «История русской лексикографии» (СПб., 1998), «Проблемы современной лексикографии» (Белгород, 1999) и т.д. Исследование же тематических словарей нашло отражение в таких трудах, как «Идеографические словари» В.В.Морковкина (М., 1970), «Общая и русская идеография» Ю.Н.Караулова (М., 1976), «О происхождении рубрик тематических словарей» А.Бертельса (М., 1979) и т.д.

Среди теоретических работ для данного исследования особое значение имела статья Л.В.Щербы «Опыт общей теории лексикографии» (1939). Л.В.Щерба одним из первых в отечественной науке поставил вопрос о необходимости развития специальной теории лексикографии. Свое понимание её основ ученый изложил в докладе, прочитанном им на заседании Отделения литературы и языка АН СССР в 1939 г., а затем развил в упомянутой статье. В ней Л.В.Щерба рассмотрел различные типы словарей, их общие черты и отличия. Особенно ценными были его рассуждения о «противоположении словаря-справочника и нормативного словаря». Нормативный словарь, по его мнению, должен с чисто лингвистической точки зрения «иметь своим предметом реальную лингвистическую действительность – единую лексическую систему данного языка» [Щерба, 2004, с.266]. Л.В.Щерба считал, что «хороший нормативный словарь не придумывает нормы, а описывает ту, которая существует в языке, и уже ни в коем случае не должен ломать эту последнюю» [Щерба, 2004, с.276]. Это чрезвычайно существенно в том случае, если норма допускает два способа выражения. «Словарь-справочник, в конечном счёте, всегда будет собранием слов, так или иначе отобранных, которые сами по себе никогда не являются каким-то единым фактом реальной лингвистической действительности, а лишь более или менее произвольным вырезом из неё» [Щерба, 2004, с.276]

Плодотворной следует признать идею Л.В.Щербы о создании толковых иностранных словарей на родном языке для лиц, пользующихся ими. Эту мысль он развил в «противоположении»: «толковый словарь – переводной

словарь». По мнению Л.В.Щербы, «толковые словари предназначены, в первую очередь, для носителей данного языка. Переводной же словарь возникает из потребности понимать тексты на чужом языке» [Щерба, 2004, с.297].

Л.В.Щерба писал: «Хотя человечество очень давно начало заниматься составлением словарей разных типов, однако какой-либо лексикографической теории, по-видимому, не существует ещё до сих пор» [Щерба, 2004, с.265].

Через несколько десятилетий, в 1973 г., известный отечественный филолог-лексикограф В.П.Берков отметил: «Людьми накоплен огромный опыт составления переводных словарей. Однако до сих пор в силу различных объективных и субъективных причин переводная лексикография не получила обобщающего изложения своей теории, хотя давно уже говорится о необходимости, с одной стороны, обобщения и осмысления опыта словарной практики, а с другой – определения путей развития лексикографии на основе учёта результатов, достигнутых всем языкознанием» [Берков, 1973, с.3].

Следует отметить, что в учебнике «Двуязычная лексикография», опубликованном тридцать лет спустя, В.П.Берков отмечает, что «серьёзных работ по теории лексикографии, по сравнению с работами в других областях языкознания, немного. Причин этого парадоксального явления несколько, и одна из них: лексикография не считается «престижным» разделом лингвистики, и крупные исследователи редко обращаются к лексикографической проблематике» [Берков, 2004, с.3].

При всём этом определённая работа в области теории лексикографии осуществлялась. В середине XX века стали проводиться теоретические исследования по разным направлениям лексикографии.

Особый вклад в развитие методологии и методики лексикографических исследований внесли труды Л.С.Ковтун. Её монография «Русская лексикография эпохи средневековья» (М.; Л., 1963) важна с точки зрения

формирования отечественной методологии лексикографической науки. Основные источники она систематизировала по четырем группам: словари-ономастиконы, словари символики, словари славяно-русские, словари-разговорники. Л.С.Ковтун показала динамику их развития с ранних периодов вплоть до XVII века. При этом выяснилось, что на протяжении этого периода наряду с предшествующим лексикографическим материалом в словарях появлялись новые разнообразные слова и их описания.

В книге «Древние словари как источник русской исторической лексикологии» (Л., 1977) Л.С.Ковтун обстоятельно проанализировала списки Азбуковника. Материалы статей словарных сводов, которые отражены в этих списках, распределены по группам: 1) заимствования; 2) книжные и обиходные эквиваленты иноязычных слов; 3) славянизмы и иные славянские параллели с их русскими версиями.

Большую роль в формировании общей теории лексикографии сыграли труды В.П.Беркова. Он дал обстоятельную интерпретацию самого термина «лексикография». В его работе «Вопросы двуязычной лексикографии» (1973) критически оценивается «то обстоятельство, что многие лингвисты отказывают лексикографии в статусе самостоятельной лингвистической дисциплины и видят в ней лишь вид сугубо практической деятельности, совокупность чисто практических приёмов описания словарного состава, который они противопоставляют лексикологии как высокой и чистой науке» [Берков, 1973, с.3].

Поставив вопрос, насколько правомерно считать лексикографию самостоятельной лингвистической дисциплиной и, следовательно, наукой, он ответил, что ответ может быть «только положительным». «В процессе лингвистического описания какого-либо конкретного языка составитель словаря на каждом шагу сталкивается с проблемами, успешное практическое решение которых возможно лишь в том случае, если он обладает теоретическими знаниями в самых различных областях языкознания. ...Если

у переводной лексикографии есть теоретическая проблематика, то, очевидно, у нее есть и своя теория» [Берков, 1973, с.4–5].

В рамках исследования нашей темы в методологическом и методическом плане особо ценно то, что В.П.Берков рассматривает и теоретические вопросы словника большого двуязычного словаря. Естественно, что автор, являясь филологом-скандинавистом и обладая опытом составления ирландско-русских и русско-норвежских словарей, привлекает значительную часть иллюстративного материала именно из этих языков, хотя и не ограничивается им. Он использовал также материалы различных германских и романских языков и некоторых других. При этом В.П.Берков осветил ряд таких общетеоретических проблем, как соотношение лексикологии и лексикографии, объекты и способы перевода, способы и объём фиксации словарного состава языка и т.д.

В другой своей работе – «Слово в двуязычном словаре» (Таллин, 1976) В.П.Берков освещает теоретические аспекты проблемы снабжения слова (переводимого и переводящего) информацией о его фонетических и грамматических особенностях, об определении смысловой структуры слова и нахождении адекватных переводящих эквивалентов.

В учебнике В.П.Беркова «Двуязычная лексикография» (М., 2004) также излагаются теоретические проблемы, связанные с составлением филологических словарей большого и среднего объёма, разработкой словника, построением словарной статьи, подбором эквивалентов и т.д.

Таким образом, в отечественной лексикографии на протяжении середины и второй половины XX века были сформулированы многие основополагающие идеи этой научной дисциплины. Они имеют значение для последующих теоретических и прикладных работ в самых разных направлениях лексикографии.

В тюркологии, в том числе и в татарском языкознании, теоретические аспекты лексикографии стали рассматриваться в основном с 70-х годов XX века. В исследованиях А.А.Юлдашева «Принципы составления тюркско-

русских словарей» (М., 1972), Р.А.Аганина «Турецкая лексикография в СССР (1917– 1977)» (Баку, 1978), Л.В.Решетовой «О принципах построения русско-узбекского словаря» (Баку, 1979), К.Хусаинова «Русские заимствования в «Опыте словаря тюркских наречий» (Караганда, 1979), Ф.М.Хисамовой «Русско-татарские словари XVIII – XIX вв. как источник по исторической диалектологии татарского языка» (М., 1979), М.Х.Тахтаходнаевой «Двуязычные учебные словари и принципы их составления» (Ташкент, 1981), Г.Х.Ахунзянова и М.Г.Мухамадиева «Инструкция по составлению Татарско-русского словаря полного типа: в 3 томах» (Казань, 1982), С.Алтаева «Вопросы туркменской лексикографии» (Ашхабад, 1986), А.А. Алексеев «К истории создания и издания «Корневого чувашско-русского словаря» Н.И.Золотницкого» (Чебоксары, 1986), Г.З.Мамулиной «Способы толкования слов в русско-туркменском толково-переводном учебном словаре» (М., 1986), Е.И. Оконешникова «О типе общих двуязычных словарей» (Якутск, 1987), Э.А.Умарова ««Бадай-ал-лугат» и «Санглах» как лексикографические памятники и источники изучения староузбекского языка XV – XVIII вв» (Ташкент, 1989) анализируются теория составления словарей, роль и место в словарях литературных слов, диалектных единиц и заимствованной лексики.

В современном татарском языкознании одной из актуальных проблем является лингвотеоретическая интерпретация татарско-русских и русско-татарских словарей XIX века, исследование эволюции их языковых арсеналов в диахронно-синхронной данности. Об этих словарях информативно упоминается в «Биобиблиографическом словаре отечественных тюркологов (дооктябрьский период)» А.Н.Кононова (М., 1974), в статье М.З.Закиева «Казанская школа тюркологов и грамматики татарского языка» (*Turcologica*. – Л., 1976). В учебнике «Современный татарский язык. Лексикология» («Хэзерге татар теле. Лексикология») (Казан, 1999) Ф.С.Сафиуллина дает краткую характеристику словарям И.Гиганова, А.Троянского, Л.Будагова, К.Насыри, А.Воскресенского.

В литературе можно найти определённую информацию о составителях изучаемых нами словарей. Лексикографической деятельности К.Насыри посвящена статья В.Хангильдина (Казан, 1948) и отдельный параграф в диссертации Г.Насыровой (Казан, 2002). В труде «Словарь диалектов сибирских татар» Д.Г.Тумашевой (Казань, 1992) словари И.Гиганова указаны как информационные источники, а о словарях Ш.Габдельгазиза упоминается в исследованиях А.Фатхи (Казан, 1968).

Информация о научно-педагогической деятельности составителя одного из анализируемых нами словарей С.Кукляшева дается в монографиях С.М.Михайловой «Формирование и развитие просветительства среди татар Поволжья» (Казань, 1972), Х.Миннегулова и Ш.Садретдинова «XIX йөз хрестоматияләре» («Хрестоматии XIX века») (Казан, 1981).

Выявление особенностей этих лексикографических памятников, научное описание принципов их составления, интерпретация содержания включённых в них словарных единиц и т.д. – это те вопросы, при поиске ответов на которые можно реконструировать важнейшие процессы в развитии словарного состава татарского языка XIX века.

Татарско-русские и русско-татарские словари XIX века рассматриваются нами как единый историко-культурный феномен. Лишь для удобства научного анализа, зафиксированные в них языковые факты можно условно рассматривать с учётом их хронологической, культурно-исторической, этносоциальной, семантической принадлежности и соотнесённости с той или иной концептосферой языка. При этом мы сознаём, что вопросы о формах и приёмах перевода и толкования лексических единиц в татарско-русских и русско-татарских словарях XIX века, равно как и другие теоретико-методологические проблемы татарской лексикографии, могут рассматриваться разными специалистами с иных позиций.

О роли татарского языка в общественно-политической жизни России XVI – XIX вв

В развитии татарского языка, по мнению академика М.З.Закиева, можно выделить три больших исторических периода. Первый – период относительно самостоятельного развития поволжско-булгарского и кыпчакского языков. Начало его трудно установить, продолжается он до присоединения Казанского ханства к Русскому государству (середина XVI века). В этот период формируются общие черты языков предков татар. Второй период – с XVI века до середины XX века. В это время постепенно формируется общенародный разговорный татарский язык. Третий период – с середины XX века до наших дней – характеризуется сильным влиянием на татарский народно-разговорный язык литературных норм [Закиев, 1997, с.358 – 359].

Сформировавшаяся на базе официальных традиций Золотой Орды и Казанского ханства, старотатарская деловая письменность в XVI–XVIII веков использовалась далеко за пределами расселения татар. Одна из сфер её применения – дипломатия. Количество грамот и писем, составлявшихся на татарском языке, увеличивалось по мере расширения восточных границ Русского государства. На его новых восточных окраинах создавались административные центры, ведущие переписку и на татарском языке. Документы от имени кумыкских, чеченских, кабардинских и других подданных составлялись на татарском языке, а в канцеляриях российских крепостей переводились на русский. В большинстве случаев переводчики для этих канцелярий отбирались из числа казанских татар. Чтобы более конкретно очертить ареал активного функционирования татарской письменной традиции, восходившей к периоду Золотой Орды и Казанского ханства, следует отметить, что татарский язык был в России одним из

языков деловой письменности не только для Поволжья. В XIV–XVI веках на татарском языке велась административная переписка с Индией, Китаем, Ираном. На этом языке было составлено большое количество документов официально-делового стиля, написаны исторические сочинения, относящиеся к XVII – началу XVIII веков [Хисамова, 1990, с.16–17; Каримуллин, 1992, с. 93 – 94].

В XV – XVI веках Московская Русь активно использовала татар во внутренней и внешней политике, в частности – на дипломатической службе: «...персонально значительный процент бояр и других служилых людей московского царя составили представители татарской знати» [Трубецкой, 1993, с.72 – 73]. Многие из них выступили в роли российских послов: Беклемешевы – в Крыму, Карачаровы – в Италии, Бахтияровы – в Польше, Литве, Агишевы – в Англии [Пыляев, 2000, с.32].

Как отмечает В.Бартольд, русское правительство, благодаря находящимся у него на службе татарам, для поддержки отношений с правительствами мусульманских стран располагало готовыми кадрами переводчиков. Татарский язык некоторое время был языком дипломатических сношений России с Персией [Бартольд, 1925, с.182].

После завоевания в 1552 году войсками Ивана IV Казани и край становится центром российско-восточной торговли. Я.Г.Абдуллин отмечает, что в определённый исторический период татарский язык выполнял дипломатическую функцию. По мнению В.Н.Шкунова, не только в XVI веке, но и на протяжении последующих столетий (включая XIX век) татарский язык использовался Российской властью в качестве средства общения со среднеазиатскими государствами [цит. по: Шкунов, 2007, с. 181].

В XVI–XVIII веках деловая татарская письменность имела широкую географию распространения и была представлена большим числом официальных, частноправовых и других актов, а также служебными и частными письмами членов российских миссий. На татарском языке составлялись некоторые документы, связанные с крестьянскими

выступлениями, в том числе отдельные воззвания и письма предводителей крестьянских восстаний [Хисамова, 1990, 34–35].

XVIII век ознаменовался активной «восточной» политикой Петра I, соответственно, в России заметно усилилось стремление к изучению различных сфер жизни современного Востока. Были предприняты первые шаги по формированию российского востоковедения. В условиях возраставшего интереса к Востоку особое внимание стало уделяться татарскому населению России [Бартольд, 1925; Кононов, 1972; Усманов, 1972; Шкунов, 2007]. С середины XVIII века в России появляются учебные заведения, в программы которых был включен татарский язык.

Однако интерес к восточным языкам в России возник намного раньше. С самых ранних периодов своей истории Русь поддерживала тесные контакты с тюркскими народами, задолго до монгольского нашествия в русский язык проникли тюрко-татарские слова [Корш, 1893, с.1], знание тюркских языков в Древней Руси «было широко распространено давным-давно» [Кононов, 1972, с.203]. Практическое знание татарского и других тюркских языков было явлением очевидным в Киевской Руси, и в Московском государстве [Каримуллин, 1992, с.82].

Официальное преподавание восточных языков во второй половине XVIII века, отмечал В.Веселовский, было предпринято из чисто практических побуждений [Веселовский, 1879–1880, с.100], но в дальнейшем оно привело к их научному изучению.

Широкое изучение татарского и других восточных языков, увеличение числа учебных заведений, в которых преподавался татарский язык, обуславливали необходимость издания соответствующих учебников и двуязычных словарей.

В XIX веке эта практика обучения татарскому и другим восточным языкам расширялась. Так, преподавание татарского языка как отдельного предмета было введено в учебную программу Санкт-Петербургского и Харьковского университетов, в ряде профессиональных школ, духовных

академий и гимназий. Обучение татарскому языку в русских учебных заведениях было жизненной необходимостью, обусловленной внутренней и внешней политикой царского правительства, расширявшего торгово-экономические и научные связи со странами Востока. В этот период возрастает потребность в создании русско-татарских и татарско-русских словарей.

Развитие просвещения среди татар в конце XVIII – первой половине XIX веков непосредственным образом связано с деятельностью в Казани Первой мужской гимназии. Обучение татарскому языку в гимназии подготовило почву для дальнейшего преподавания этого и других восточных языков в университете, так как уже существовали первые учебные пособия, словари, азбуки по татарскому языку, был накоплен определенный опыт, разработана методика преподавания [Михайлова, 1972, с.33].

5 ноября 1804 года императором Александром I был подписан устав Казанского университета. В созданный на его базе Казанский учебный округ вошли учебные заведения Поволжья, Урала, Сибири, Средней Азии, южных регионов России. Казанский университет стал центром общественно-политической и культурной жизни обширной территории. Его влияние на просвещение нерусских народов края значительно, оно явственно прослеживается по следующим направлениям: а) постановка преподавания и научного изучения восточных языков; б) борьба за создание разветвленной сети низших и средних учебных заведений в округе; в) роль университета в проявлении общественно-политической активности татар и других нерусских народов в их просвещении [Михайлова, 1972, с.33].

В 1812 году татарский язык был введен и в учебную программу Казанского университета. Первым его начал преподавать Ибрагим Хальфин (с 1823 года – адъюнкт восточной словесности Казанского университета). Он известен как автор «Азбуки и грамматики татарского языка...» (1809, 1812), первой хрестоматии татарского языка «Жизнь Чингизхана и Аксак – Тимура» (1819, 1922) [ТЭС, 1999, с.625]. На созданной в Казанском университете

кафедре турецко-татарского языка работали видные российские тюркологи: А.М.Казем-Бек, И.Н.Березин, мусульманскую каллиграфию преподавал М.Махмудов. И несмотря на то, что в результате создания единственного для всей России факультета восточных языков в Петербургском университете (1854–1855) Восточный разряд 1–го отделения философского факультета Казанского университета прекратил свое существование и изучение татарского языка в университете продолжалось [Кононов, 1974, с.24–25; Михайлова, 1990, с.199 – 200; Закиев, 1965, с.357–394; Валеев, 1998; Закиев, 2008].

Преподавание тюркских языков, в том числе татарского, в гимназиях в XIX веке распространилось довольно широко. Эта тема подробно освещена в трудах А.Н.Кононова, посвященных истории изучения тюркологии в России. Татарский язык изучался в Тобольской, Томской, Оренбургской, Саратовской, Астраханской, Ставропольской, Симферопольской гимназиях. В Неплюевском кадетском корпусе в Оренбурге преподавались арабский, персидский и татарский языки. Учителями татарского языка в этом училище были Салихджан Кукляшев – автор «Татарской хрестоматии» (1859), Мартиниан Иванов, являвшийся автором «Татарской грамматики» (1842) и «Татарской хрестоматии» (1842), Мирсалих Бикчурин – автор «Начального руководства к изучению арабского, персидского и татарского языков» (1859). В 1866 году Неплюевский кадетский корпус был преобразован в Оренбургскую военную гимназию, где татарский язык изучался до 1875 года [Кононов, 1974, с.34; Мицнегулов, Садретдинов, 1982, б.3–16].

Кроме светских учебных заведений, подготовкой специалистов по восточным языкам, в том числе по татарскому, занимались также духовные православные учебные заведения: Казанская православная духовная академия, Казанская духовная семинария. Первым преподавателем татарского языка в Казанской духовной академии был А.А.Троянский, автор одной из первых «Грамматик татарского языка» (СПб., 1814) и «Словаря татарского языка и некоторых употребительных въ немъ реченій арабскихъ и

персидскихъ, собранный трудами и тщаниемъ учителя татарского языка въ Казанской семинаріи священника Александра Троянского и напечатанный съ дозволенія комиссіи духовныхъ училищъ» (1833–1835). В октябре 1846 года кафедру арабского и татарского языков академии возглавил Н.И.Ильминский. В качестве преподавателя естественно-научных дисциплин, турецкого и татарского языков духовной академии он работал до 1858 года [Кононов, 1974, с.169].

В 1863 году из Казанской духовной семинарии в Казанскую духовную академию для преподавания татарского языка был переведен С.Е.Малов – выпускник Казанской духовной академии.

В Казанской духовной академии в звании ординарного профессора работал Н.Катанов, автор «Краткого татарско-русского словаря» (1912) и ряда других научных трудов по тюркологии.

В России возрастали интерес и потребность в изучении татарского языка, поддерживаемые государственной политикой в течение почти всего XIX столетия, что способствовало созданию новых грамматик, учебников, словарей, хрестоматий и пособий по татарскому языку [Закиев, 1976; Мифтахова, 1999; Юсупова, 2002].

Значительное развитие в России лексикографии как науки в XIX веке, издание словарей русских и иностранных слов послужили своеобразным фоном для составления татарско-русских и русско-татарских словарей. В этот период появилось около 140 двуязычных словарей русского языка.

Издание иноязычных словарей на протяжении столетий являлось показателем особенностей развития той или иной страны, ее международного положения, а также изменений, происходивших в судьбах тех или иных народов.

Выбор для составления иноязычных словарей определенных языков, их словарного запаса и т.д., как правило, отражал демографическую ситуацию в соответствующих странах, уровень их экономического, политического и культурного развития, международные приоритеты и особенности. Поскольку

все эти факторы были подвержены постоянным изменениям в ходе исторических процессов, менялась и ситуация с изданием иноязычных словарей в тех или иных государствах. Поэтому иноязычные словари, в том числе, издававшиеся в России, необходимо подвергать не только сугубо филологическому анализу, но и изучать их в историко-филологическом и историко-лингвистический ракурсах.

Отметим, что до второй половины XIX века в России издавалось крайне мало (единичные случаи) словарей с переводом языков народов Российской империи (если не считать словарей с использованием польского языка). Можно встретить лишь отдельные словари с переводом татарского или украинского («малороссийского») языков: словари учителя Тобольского главного училища Иосифа Гиганова составленные при содействии юртовских мулл (Гиганов, 1801, 1804), «Украинско-русский словарь» М.Максимовича (1827), «Словарь татарского языка...» А.Троянского (1833, 1835), изданный для учебных целей.

Особой популярностью в России на всем протяжении XIX века пользовались словари с переводами немецкого и французского языков, что соответствовало интенсивным политическим отношениям России с Германией и традиционной ориентации российской политической и культурной элиты на Францию. В то же время заметно полное отсутствие, особенно в первой половине XIX века, русско-английских и англо-русских словарей. Это объясняется тем, что крайне отсталая в социально-экономическом и политическом отношении Россия не могла стать значимым партнером для самой передовой на тот период Англии.

Положение с изданием в России иноязычных словарей начинает существенно меняться с середины XIX века. Появляются все новые и новые словари по переводам с языков народов, входивших или только что включенных в состав Российской империи: «Зырянско-русский и русско-зырянский словарь» П.Савваитова (1850), «Украинско-русский словарь» Н.Закревского (1862), «Краткий русско-калмыцкий словарь, составленный

священником П.Смирновым» (1857), «Русско-калмыцкий словарь...» К.Голстунского, «Отрывки из чувашско-русского словаря» Н.Н.Золотницкого (1871–1874) и др.

Тогда же в России начинают публиковаться словари с переводами таких языков, как китайский (Исаия (1870)), корейский (М. Пуцило (1874)), японский (Г. Суткова (1860)), что явилось следствием активизации России на Востоке после Крымской войны 1853–1856 годов. Завершив во второй половине XIX века присоединение всех казахских земель, Российская империя захватила туркменские и узбекские земли, дойдя до границ с Ираном и Афганистаном. На Дальнем Востоке она начала активные отношения с Китаем, Кореей, Японией, продолжала активные связи с Османской империей. Эти обстоятельства способствовали поддержанию роли татарского языка как испытанного средства общения для налаживания связей с восточными государствами.

Татары вместе с другими народами России принимали участие в борьбе с внешним врагом, в частности – с войсками Наполеона. Татарская конница была мощной силой русской армии. Активное участие татар в Отечественной войне 1812 года, укрепившее дружбу русского и татарского народов, способствовало взаимообогащению двух культур [Михайлова, 1972, с.58–67]. Этот фактор, по нашему мнению, также имел значение для появления татарско-русских и русско-татарских словарей в XIX веке.

Следует отметить, что в России всё более востребованным в XIX веке был не только татарский язык для русских, но и русский для татар, которые по своей численности находились на втором месте. Особенно заметно они проявили себя в экономической сфере, внося значительный вклад в развитие российской промышленности. По данным исследователей, владельцами крупных заводов и фабрик Поволжья и Урала были татары, в связи с чем к концу 50-х годов XIX века значительная часть промышленного производства была сосредоточена в руках татарских предпринимателей. Татары составляли значительную часть рабочей силы на заводах и фабриках.

Татарские купцы активно занимались крупной и мелкой торговлей на территории России, в крупных торговых центрах работали татарские коммерсанты [Каримуллин, 1992, с.102; Хабутдинов, 2001, с.50; Шкунов, 2007, с.177–214].

Политические и экономические условия, развитие торговых связей требовали знания русского языка. Образованная часть татар, не ограничивалась знаниями, полученными в медресе, и самостоятельно изучала русский язык. В 1871 году в Казанском медресе «Гусмания» был открыт первый русский класс. В таких медресе, как «Касимия» [ТЭС, с.268], «Марджания» [ТЭС, с.344], «Буби», Кшкарском, также преподавался русский язык [ТЭС, с.314, с.346, с.91].

Результатом буржуазных реформ 1860–1870 годов стало возникновение на территории России русско-татарских школ. Обучение в этих школах с начала должно было вестись на татарском языке или с его помощью, а затем, по мере усвоения детьми устной русской речи, преимущественно и, наконец, исключительно на русском языке.

Русско-татарские школы сыграли положительную роль в развитии просвещения татарского народа, способствуя развитию диалога русской и татарской культур в национальном образовательном пространстве [Мухаметшина, 2007, с. 69].

В 1876 году, на основании «Положения о татарских учительских школах в городах Уфе и Симферополе» от 27 марта 1872 года, была открыта Казанская татарская учительская школа – одно из первых светских учебных заведений для нерусских народов с преподаванием на русском языке. Инициатором открытия этого учебного заведения в Казани являлся инспектор татарских школ В.В.Радлов, стремившийся сделать его «главным центром для всех татарских народных школ» [Казанская татарская учительская школа, 2005, с.3]. Питомцами этой школы были будущие видные представители татарского народа: Г.Исхаки, Г.Камай, Г.Кулахметов, С.Максуди, М.Фазлуллин, Х.Ямашев и др. [ТЭС, с.241].

Издавались азбуки русского языка. Отметим «Русскую азбуку» («Кавагыйд кыйраэт русия») К. Насыри, которая вышла в свет в 1889 году и заняла достойное место среди учебных пособий того времени.

Знание русского языка было необходимо для того, чтобы найти достойное место в таких сферах, как политика, экономика и образование в масштабах всей России. Изучение русского языка, знакомство с достижениями русского народа в области культуры, науки и техники предоставляли татарам возможности и условия для развития и социологизации. Таким образом, издание двуязычных татарско-русских и русско-татарских словарей соответствовало потребностям времени.

Деятельность татарской интеллигенции была одной из важных объективных предпосылок, способствовавших составлению подобных словарей. В XIX веке в разных медресе и школах Российской империи учителя-татары обучали чтению и письму на татарском языке, вели среди тюркских народов просветительскую работу [ТЭС, 1999, с.21; Госманов, 2004, б.104].

В XIX веке татарские ученые выходят на мировую арену. Ш.Марджани, Р.Фахретдинов, Р.Ибрагимов, Г.Баруди, Ш.Ахмеров, Х.Фаезханов, К.Насыри были известны не только в России, но и на Востоке, а также в Европе. К примеру, ученый Ш.Марджани «дважды фотографировали – для американского консула и по просьбе издателя энциклопедического словаря в Лондоне» [Валидов, 1923, с. 42–43].

На рубеже XIX–XX веков мусульманская элита России стремилась получать русскоязычное образование, т.е. сформировалась группа, способная организовать диалог мусульманской, русской и европейской культур, что привело к массовым переводам произведений русских классиков, общеобразовательной, политической и учебной литературы [Мухаметшина, 2007, с.72].

В XIX веке типографии Казани и других городов России приступили к массовому изданию татарских книг. Так, в 1801 году Габдельгазиз Бурашев

открыл в Казани первую типографию и начал печатать татарские книги [ТЭС, 1999, с.96]. Открывшаяся в 1809 году типография Казанского университета занимала «ведущее положение среди других типографий Казани по печатанию татарских книг» [ТЭС, 1999, с.250]. В 1829 году эти типографии были объединены [ТЭС, 1999, с.16, Каримуллин, 1992, с. 89, с.129–171].

В 1848 году купец Н.П.Коковин приобрёл типографию у Л.Щевица. С 1853 года она была известна как «Типография купчихи Коковиной», а с 1894 года, после передачи в аренду С.И.Чирикову, – как «Типография наследников Чирикова». Здесь издавались книги на татарском языке [ТЭС, 1999, с.282, Каримуллин, 1992, с.147].

В 1881 году И.Гаспринский – в Бахчисарае, в 1897 году Гатаулла Баязитов – в Петербурге, в 1899 году братья Каримовы – в Казани открывают собственные печатные дома, занимаются изданием и распространением книг [Каримуллин, 1992, с.124; Хабутдинов, 2001, с.34].

В 1830–1850 годы, по подсчетам А.Г.Каримуллина, включая издания ученых университета с применением арабского шрифта, во всех типографиях Казани была издана 281 татарская книга [Каримуллин, 1992, с.162]. В число этих книг вошел татарско-русский словарь А.Троянского.

В XIX веке делаются первые попытки по формированию татарской периодической печати. Газета «Тарджеман» (1885–1918), издававшаяся И.Гаспринским в г. Бахчисарае (Крым), стала одним из первых периодических изданий для всех тюркских народов [ТЭС, 1999, с.556]. В 1900 году в Петербурге начинает публиковаться серия книг и брошюр журнального типа под названием «Миръат» («Зеркало») [ТЭС, 1999, с.361]. Эти первые издания начала XX века представляли собой сигнальные экземпляры быстро развивающейся татарской периодической печати, которой суждено было сыграть значительную роль в распространении татарского языка и культуры в разных регионах страны.

Большой вклад в развитие татарского литературного языка внесли такие известные писатели и поэты, как А.Каргалый, Х.Салихов, Ш.Заки, Г.Чукрый, Акмулла, Г.Кандалый, Г.Самитова, М.Акъегетзаде, З.Бигеев и др. Татарский язык, представленный в текстах их произведений, несмотря на то, что сохранял традиционные черты, восходящие к кыпчакскому литературному языку Золотой Орды, значительно отличался от языка поэм «Хосров и Ширин» Кутба, «Китабе Гулистан бит-тюрки» С.Сараи, «Нахдж-уль-Фарадис» М.Булгари. Произведения данных авторов по своему лексическому составу и базисной системе грамматических форм в значительной мере приближались к современным нормам татарского языка. Особенно «примечательны в этом плане стихи и поэмы Г.Кандалыя. Художественно-стилистические приемы, применяемые в его произведениях, очень близки к татарскому народно-разговорному языку» [Хисамова, 1999, с.37]. Благодаря его произведениям, книжный стиль татарского языка стал более доступен для демократических языковых элементов, а нейтральный стиль – приближенным к разговорной речи.

В этот период публикуются научные труды, написанные на основе татарского народного языка, авторами которых были известные ученые, просветители, писатели. В частности, отметим «Белек» («Знание», 1872) В.В.Радлова, «Дөнья вә мәгыйшәт» («Мир и жизнь», 1883) Г.Баязитова, книги Т.Яхина, учебники и грамматики И.Хальфина (1809, 1812), М.Махмудова (1856), Х.Фаезханова (1862) [Хаков, 2003, б. 157]. Эти труды сыграли важную роль в процессе формирования научного стиля татарского языка.

В XIX веке появляются образцы публицистического стиля и стиля «сәяхәтнамә» («путевые заметки») на татарском языке: «Хажнамә» («Хадж-намә») Г.Чукри, «Мавараэннаһердә сәяхәт» (Путешествие по Междуречью, 1908), З.Бигиева, «Яуропа сәяхәтнамәсе» (Путешествие по Европе, 1902) Ф.Карими являются примером данного стиля [Хаков, 2003, б. 156].

Одной из причин издания большого количества татарско-русских и русско-татарских словарей являлась активизация миссионерского движения в

России в XIX веке. Ярким его представителем был Н.И.Ильминский.

Н.И.Ильминский разработал систему просвещения «инородческих» меньшинств – тюркских и финно-угорских народов Волго-Уральского региона, имевшую целью распространение религиозного образования на языке нерусских народов и их постепенную русификацию через специальные миссионерские школы, созданные по инициативе Н.И.Ильминского и при активной поддержке Братства святителя Гурия.

Эрудированный филолог Н.И.Ильминский являлся составителем ряда алфавитов на базе русской графики для некоторых народностей края, переводчиком христианской литературы на языки народов Поволжья, Урала и Сибири. Отношение Н.И.Ильминского к просвещению этих народов определялось миссионерскими установками. Например, преимущественное внимание с его стороны к изучению народного, а не книжного татарского языка было продиктовано тем, что книжный язык с его арабско-персидскими элементами затруднял процесс христианизации татар. В своих трудах и письмах Н.И.Ильминский с большим уважением отзывался о татарском языке, рассматривая его в качестве объекта научного исследования. «Всякое лингвистическое исследование должно основываться на действительном факте, на наречии живом, народном», – отмечал он во вводной лекции курса турецко-татарского языка, читаемого им в Казанском университете.

Не забывая о миссионерской направленности деятельности Н.И.Ильминского, нельзя не отметить его научно-педагогические заслуги, а равно отрицать вклад Н.И.Ильминского-ученого в развитие отечественной тюркологии [Михайлова, Коршунова, 1997, с.43-44].

Со второй половины XIX века заметно возрастают роль и значение Казани как одного из крупнейших торгово-экономических центров Российской империи. Являясь на протяжении многих веков важным центром торговли с Востоком, Казань превращается в один из главных транзитных пунктов российско-восточной торговли, а татарские купцы – в её ведущих посредников. Этому способствовали многовековые связи татар с другими

мусульманскими народами, общность их культур и т.д. [Шкунов, 2007, с.180].

Заметную роль в развитии татарской культуры и созданию более благоприятных условий для органичного включения татарского населения в жизненно важные процессы, происходившие в Российской империи, сыграли известные татарские предприниматели-меценаты: Аппаков, Бурнаев, Юнусов, Галиев, Галикиев, Хусаиновы, Казаков и др. Они содействовали открытию школ, изданию книг, развитию печати и т.д. [Ибрагим, Султанов, Юзеев, 2002, с.121; Хабутдинов, 2001, с.36; Шкунов, 2007, с. 177-217].

В каждом татарско-русском и русско-татарском словаре XIX века нашли свое отражение не только объективные обстоятельства, но и личностное отношение их составителей и издателей, их знания, положение, занимаемое ими в обществе.

На те или иные особенности соответствующего словаря могли повлиять и место жительства автора, и условия его жизни, деятельности, круг общения. А.Троянский, К.Насыри жили и работали в Казани; А.Воскресенский – в Казани и Астрахани; И.Гиганов – в Сибири; Л.Будагов – в Санкт-Петербурге; С.Кукляшев – в Оренбурге; Н.Остроумов – в Казани, Ташкенте, Туркестане; Ш.Габдельгазиз проживал в деревне Чукри Алемово (ныне деревня Чукри Аланово Кайбицкого района Республики Татарстан); М.Юнусов избрал местом проживания Чистополь [Кононов, 1974, с.272, с.224, с.141, с.146, с.130, с.201, с.229, с.246, с.293].

Безусловно, важным фактором являлся уровень образованности авторов-составителей словарей. С.Кукляшев обучался в классическом университете. Он окончил факультет филологии Казанского Императорского университета [Кононов, 1974, с.201].

К.Насыри, Ш.Габдельгазиз получили образование в медресе. К.Насыри учился в известном казанском медресе «Касимия» [ТЭС, 1999, с.388], был вольнослушателем Казанского университета; Ш.Габдельгазиз закончил Апанаевское медресе в Казани [ТЭС, 1999, с.465].

А.Троянский, Н.Остроумов, А.Воскресенский – выпускники Казанской духовной академии, обучались на богословском и миссионерском противомусульманском отделениях [Кононов, 1974, с.272, с. 229, с.141].

Словари, составленные И.Гигановым и М. Юнусовым, также свидетельствуют об уровне их филологических знаний.

Отдельные особенности словарей обусловлены профессией их составителей. Многие из них были преподавателями: И.Гиганов преподавал в Тобольском народном училище, А.Троянский – в Казанской духовной академии, С.Кукляшев – в Неплюевском кадетском корпусе (Оренбург), М.Юнусов – в городском медресе Чистополя, К.Насыри – в Казанской татарской учительской школе. Они обучали татарскому языку русскоязычных слушателей и русскому языку – татар.

Н.Остроумов и А.Воскресенский были активными членами Миссионерского общества святителя Гурия. Н.Остроумов преподавал в Казанской духовной академии и учительской семинарии, работал инспектором Туркестанского народного училища, выполнял обязанности директора мужской гимназии в Ташкенте, был редактором газеты. А.Воскресенский обучал богословию в Казанской крещёно-татарской школе, был инспектором в казахских школах Астраханской губернии, работал директором Казанской и Преславской учительских семинарий [Кононов, 1974, с.229]. Татарско-русские и русско-татарские словари были необходимым в их повседневной деятельности.

Специфические черты словарей были обусловлены и религиозными верованиями их составителей. Большинство авторов рассмотренных словарей – представители христианской религии. Работа по составлению словарей была тесно связана с их миссионерской деятельностью.

В словарях, выпущенных Миссионерским обществом святителя Гурия [1880, 1882, 1886, 1888, 1891], даётся лишь перевод слов и в них отсутствует какая-либо информация филологического характера.

В татарско-русские и русско-татарские словари XIX века включены лексические единицы, находившиеся в активном употреблении, а также варианты разговорной речи. К тому же в них фиксировались и диалектизмы, и сложные арабско-персидские заимствования, и религиозные термины.

В заключении отметим, что формирование в XIX веке корпуса двуязычных словарей явилось результатом комплекса объективных и субъективных факторов, обусловленных изменениями в общественно-политической жизни России. В определённой степени сам факт их (словарей) создания свидетельствовал о росте национального самосознания татар и усилении роли татарского языка и культуры в общественно-политической и экономической жизни Российской империи. В ещё большей степени расширение корпуса татарско-русских и русско-татарских словарей, повышение их качественных характеристик указывали на существенное усиление процессов многопланового встраивания татарского народа во все важнейшие сферы жизни России и сближения татарского и русского населения.

Общий историко-лингвистический анализ татарско-русских и русско-татарских словарей XIX века

На протяжении предшествующих столетий были созданы тысячи двуязычных словарей. В них использованы различные системы построения и толкования материала, в некоторых более удачные, в других – менее.

Языковые словари выполняют важные социальные и культурные функции. С одной стороны, они помогают представителям разных народов лучше узнать и понять друг друга, решать совместно жизненные проблемы. С другой стороны, такие словари концентрируют в себе основную массу знаний, накопленных ко времени их создания у того или иного народа и общества. Как писал выдающийся отечественный филолог XIX века, почетный член

многих научных академий мира И.И.Срезневский, «хороший словарь должен удовлетворить каждого из тех, кто к нему прибегает. Чем образованнее народ, чем значительнее в нем масса людей просвещённых, тем у него лучше, богаче, полнее, удовлетворительнее словарь его языка» [Отечественные лексикографы XVIII – XX века, с.125].

Двухязычный, или переводной, словарь является важнейшим практическим пособием при изучении другого языка. Вместе с тем, это результат лингвистических исследований его составителя, поскольку в процессе лексикографического описания какого-либо конкретного языка часто сталкивается с проблемами, успешное решение которых возможно лишь в случае «обязательного обладания теоретическими знаниями в различных областях лингвистики» [Берков, 1971, с.3].

В идеале в каждом словаре должен быть воплощён основной лексикографический принцип – «максимум информации на минимуме места без ущерба интересов читателя». Создание таких словарей, естественно, предполагает овладение специальными знаниями. Самое основное в двухязычном словаре – подбор точных переводных эквивалентов [Берков, 2004, с.4]. При этом составители и издатели словарей должны осознавать, что они способствуют лучшему взаимопониманию и сотрудничеству разных народов.

Знаковым в истории тюркской лексикографии стал словарь Махмуда Кашгари «Дивану лугат-ат тюрк» («Словарь тюркских наречий» XI век), в котором зафиксирована бытовавшая в тот период лексика тюркоязычных племён Средней Азии и отчасти Поволжья [Хаков, 2003, б.48]. Существовали и другие тюркоязычные словари. К примеру, словарь под названием «Китаб-и Меджмугу терджуман тюрки ве аджами монгол иве фарси» («Общая книга толкований тюркского, монгольского и персидского языков»), составленный на основе персидской, тюркской и монгольской лексики. В 1875 году рукопись этого словаря была обнаружена профессором В.Р.Розеном. П.М.Мелиоранский осуществил лингвистический анализ тюркской части

рукописи. Грамматическую часть словаря он адаптировал к грамматикам европейских языков, а лексический материал разместил на основе арабского алфавита, сохранив при этом фонетические особенности слов. Поскольку в то время автор словаря не был известен, профессор П.М.Мелиоранский в 1900 году опубликовал рукопись под названием «Араб-филолог о турецком языке» [Кононов, 1974, с. 216].

Впоследствии был найден новый экземпляр рукописи и установлен её автор. Им оказался арабский филолог Ибн Муханна. По мнению известного языковеда, тюрколога, С.Е.Малова, словарь был составлен в конце XIII – начале XIV века.

Важное место в истории тюркских языков занимает «Кодекс Куманикус» – памятник кыпчакского языка конца XIII – начала XIV века, составленный христианскими миссионерами и неоднократно переиздававшийся в разных странах. В словаре отражён разговорный язык западно-хуннский тюркских языков, глоссы даны латинскими буквами. Словарь имеет важное значение для изучения складывавшегося в то время письменного языка тюркоязычных народов [Наджип, 1989, с.87; Хаков, 2003, б.48].

Ещё один ценный источник для изучения истории тюркских языков был составлен в 1313 году Абу-Хайяном Гарнати. Созданный в Каире в первой половине XIV века, т.е. в период правления в Египте кыпчаков, словарь отражает язык смешанного кыпчакско-огузского населения государства. Второе издание этого труда, переведённое на турецкий язык профессором А.Джафероглу, стало результатом серьёзной текстологической работы [Наджип, 1989, с. 84–85].

Особое место среди словарей занимает «Китаб-и ат-тухфат уз-закита фил-лугати ит-тюркита» («Приятный подарок для изучения тюркского языка»). Этот труд дошёл до нас в единственном экземпляре. Впервые о нём сообщил профессор М.Ф.Кепрюлюзаде в одном из венгерских журналов в 1922 г. Качество перевода и содержание лексического материала этого

словаря намного выше, чем словаря Абу-Хайяна Гарнати. Опубликован «Китаб-и ат-тухфат уз-закита фил-лугати ит-тюркита» был в Стамбуле с фотокопии оригинала. Сделан перевод и на турецкий язык. Словарь насчитывает 3000 единиц, из которых треть составляют глаголы. Ещё одно отличие: словарь Абу-Хайяна Гарнати арабско-тюркский, а «Китаб-и ат-тухфат уз-закита фил-лугати ит-тюркита» тюркско-арабский [Наджип, 1989, с. 85].

Инициатором и активным участником составления ряда тюркских и словарей других народов был известный государственный деятель и крупный учёный В.Н.Татищев (1686–1750), внесший большой вклад не только в развитие филологии, но и истории, географии, этнографии и горного дела в России. Будучи в 1737–1740 годах начальником Оренбургской экспедиции, основал в Самаре татарско-калмыцкую школу, при которой, по его указанию, стали переводить книги с восточных языков на русский и приступили к составлению татарско-калмыцкого словаря [Булич, 1825, с. 405; ТЭС, 1999, с. 568].

По примеру В.Н.Татищева лексическим материалом в России заинтересовались многие. Императрица Екатерина II поручила капеллану английской фактории в Петербурге, почётному члену Петербургской Академии наук Д.Дюмареску составить «Сравнительный словарь восточных языков». Как пишет А.Н.Кононов, «этой работе придавался характер государственного предприятия» (лексический материал собирался путём посылки анкет светскому и духовному начальству), позже систематизацией лексического материала и составлением словарей стали заниматься ученые и в регионах Российской империи. В 1785 году под наблюдением епископа Дамаскина был представлен оставшийся в виде рукописи «Словарь языков разных народов, в Нижегородской епархии обитающих, именно Россиян, Татар, Чувашей, Мордвы и Черемис». Работа снабжена кратким историко-этнографическим и статистическим введением [Кононов, 1974, с.16–17].

В том же году был закончен анонимный рукописный «Словарь чувашского языка», в который вошло около 30 000 слов. С проектом «Сравнительного словаря», видимо, был связан и объемный рукописный «Русско-киргизский словарь», составленный «старанием генерал-майора и кавалера Скалона» (1774). В лингвистической коллекции Л.И.Бакмейстера, которая впоследствии перешла к Ф.П.Аделунгу, был и недошедший до нас большой башкирский словарь [Кононов, 1974, с.17].

В XIX веке изучение языков и быта тюркских народов приобрело в России ещё большие масштабы. Создавались новые словари, в которых одним из языков был русский, а другим – язык одного из тюркских народов, проживавших в России. Увеличивалось число языковедов-тюркологов, среди которых были прекрасные специалисты. К примеру, одним из наиболее известных знатоков такого тюркского языка, как чувашский был основоположник отечественного чувашского языкознания, автор капитальных трудов, инспектор чувашских школ Казанского учебного округа, выпускник филологического факультета Казанского университета Н.Н.Золотницкий. На протяжении 1871–1884 годов им было издано 8 чувашско-русских и русско-чувашских словарей, в их числе тематическая работа «Отрывки из чувашско-русского словаря» (1871–1874) и «Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других» (1875).

Большой вклад в изучение языков, этнографии и фольклора тюркских народов внесли представители Алтайской духовной миссии. Не потеряли своей ценности и в наши дни алтайско-русские словари, которые были опубликованы ими ещё в 1868 – 1869 годах.

Словарей башкирского, азербайджанского, киргизского (казахского), турецкого, сартского (узбекского) языков было намного меньше по сравнению с татароязычными словарями. В XIX веке, в основном во второй его половине, издаётся всего несколько таких словарей, что свидетельствует о незначительном использовании данных языков в России в тот период.

Пожалуй, можно назвать лишь «Турецко-татарско-русский словарь с приложением краткой грамматики» Л.Лазарева (1864) (под «татарским» в этом случае подразумевался азербайджанский язык [А.Ю.]).

Несмотря на то, что в XIX веке большую роль в жизни Востока играл турецкий язык, в России было издано не так много турецко-русских и русско-турецких словарей. Из их числа можно выделить русско-турецкий словарь 1854 года, включавший 3000 лексических единиц (этот труд был приложением к пособию для изучающих турецкий язык, написанному А.М.Казем-Беком), и упомянутый выше словарь Л. Лазарева.

В деле издания башкирских двуязычных словарей особую роль сыграли «Краткий русско-башкирский словарь» (1893) и «Башкирско-русский словарь» (1899) В. Катаринского, опубликованные в Оренбурге. По мнению башкирских учёных, в них отразились лексические единицы, характерные для говоров башкирского языка, распространённых на территории Оренбургской области [Кононов, 1974, с.56].

Киргизские (казахские) двуязычные словари были составлены в условиях завершения присоединения к России во второй половине XIX века Средней Азии. Отметим «Русско-киргизский (казахский) и киргизско-русский словарь» (1883) Ишмухаммада Букина и «Краткий киргизско-русский словарь» (1895), «Киргизско-русский словарь» (1897) и «Русско-киргизский словарь» (1899-1900) В.В. Катаринского. Все словари инспектора В.В.Катаринского были изданы Миссионерским обществом святителя Гурия [Кононов, 1974, с.59].

В 80-е годы XIX века создаются грамматики и словари узбекского языка. Так, в 1884 году В.П.Наливкин издаёт свой «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов, с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда». В 1895 году появляется «Карманный русско-узбекский словарь...» С.Лапина [Кононов, 1974, с.61].

Многие принципы, разработанные авторами двуязычных словарей XIX века, получили широкое применение в тюркской лексикографии XX века.

Татарская двуязычная лексикография уходит своими корнями в XVI–XVII века. На протяжении этого периода было составлено несколько русско-татарских рукописных словарей, предназначавшихся для разных целей. Задолго до этого среди купечества были в употреблении маленькие рукописные разговорники и карманные словари, необходимость которых была вызвана самой жизнью [Ногман, 1969, б.25–42]. Эти постоянно пополнявшиеся книжечки послужили прообразами для создания новых словарей.

Со второй половины XVIII века в России появляются сравнительно большие по объему словари турецкого языка в переводе на французский, английский и немецкий языки. Тогда же был подготовлен рукописный русско-татарский словарь С.Хальфина (1785), содержащий около 25 000 слов. В предисловии своего труда автор писал: «...Поскольку до нынешнего времени словаря татарского для дел с оным народом потребного, еще не находилось, то я, имея дирекцию над казанскими гимназиями, с радостью предпринял о сочинении онаго тоже краткой татарской грамматики...» [Хальфин, 1785, с.1]. Слова в словаре расположены по трем столбикам: первый включал русские слова, во втором дана русская транскрипция татарских слов, в третьем – татарские слова в арабской графике [Ногман, 1969, б.41].

История и теория издания двуязычных словарей до сих пор не были предметом монографического исследования в татарском языкознании. В то же время существует большое число татарско-русских и русско-татарских словарей, которые хранятся в Научной библиотеке им. Н.Лобачевского Казанского государственного университета, Национальной библиотеке РТ, в Российской государственной библиотеке (г. Москва) и в Городской библиотеке (г. Берлин).

Следует отметить, что отдельные сюжеты данной темы оказывались в поле зрения татарских исследователей. Большой вклад в изучение рукописных двуязычных словарей татарского языка внес М.Нугман. В 1964 году М.Нугман защитил кандидатскую диссертацию «Русско-татарские рукописные словари XVII – XVIII веков», на основе которой в 1969 году им была опубликована монография. Рассмотренные им рукописные русско-татарские словари XVII – XVIII веков были обнаружены автором в рукописных фондах архивов Санкт-Петербурга, Москвы и Казани [Нугман, 1969].

В трудах М.Нугмана проанализированы исторические условия создания русско-татарских рукописных словарей, подробно освещена лексика 11 словарей с учетом различных диалектов и говоров татарского языка. Труды М.Нугмана внесли большой вклад в изучение истории татарского языка.

Достойное место в становлении татарской лексикографии заняла кандидатская диссертация Р.Нурмухамметовой «Основные тенденции развития лексики татарского литературного языка в первой половине XX века (по татарско-русским словарям)» (2005). Это первое монографическое исследование татарской лексики по материалам татарско-русских словарей первой половины XX века – периода весьма интенсивного развития лексики татарского литературного языка. Основной тенденцией, определявшей её развитие в этот период, было стремление к синтезу в татарском языке всех жизнеспособных лексических средств, независимо от источников их происхождения. В татарско-русских словарях эта тенденция нашла наиболее полное и яркое отражение.

О словарях татарского языка XIX–XX веков упоминается в работах В.Н.Хангильдина (1948), Л.З.Заляя (1955), Р.С.Газизова (1954, 1958.), Ф.С.Фасеева (1956, 1958), Г.С.Амирова (1962, 1964, 1971, 1963), И.Ш.Авхадиева (1965), Ш.С.Ханбиковой (1968, 1976, 1980), В.Х.Хакова (1970), Р.Г.Ахметьянова (1976), М.Г.Мухамадиева (1976), М.З.Закиева (1976, 1978, 1979, 1981, 1982, 1995), Ф.М.Хисамовой (1979), Э.Н.Наджиба (1989),

Ф.А.Ганиева (1988, 1992, 1992, 1995), Ф.С.Сафиуллиной (1986, 1988, 1995, 1997, 1998, 2000, 2001) и т. д. В то же время татарско-русские и русско-татарские словари XIX века явно обделены вниманием исследователей, хотя они являются ярким примером и памятником двуязычной лексикографии. В этих словарях отражён опыт более ранних русско-иностранных (немецких, английских, французских и т.д.) словарей. Отметим, что составителями двуязычных словарей татарского языка XIX века были заложены методологические и методические традиции формирования словарного корпуса XX века.

В нашей диссертации предложена классификация двуязычных словарей по входному языку, т.е. по языку, с которого осуществляется перевод. Первую группу – группу татарско-русских словарей – составляют труды И.Гиганова (СПб., 1801), А.Троянского (Казань, 1833, 1835), С.Кукляшева (Казань, 1859), К.Насыри (Казань, 1878), Л.Будагова (1869, 1871), словари, изданные Миссионерским обществом святителя Гурия (Казань, 1880, 1882, 1886, 1888, 1891), Ш.Габдельгазиза (Казань, 1893), Н.Остроумова (Казань, 1876; 1892), М.Юнусова (Казань, 1900). В этих словарях входным языком является татарский, выходным – русский язык. Данные словари для русского пользователя являлись пассивными, потому что были предназначены для чтения текстов на татарском языке, для перевода татарских текстов на русский язык, а также для запоминания татарских слов. Однако с помощью этих же словарей татароязычный пользователь мог перевести слова, тексты с родного языка на русский язык, и для него они являлись активными.

Словари И.Гиганова (1804), К.Насыри (1892) и А.Воскресенского (1894) являются русско-татарскими, т.е. входным языком этих словарей является русский, и они составляют вторую группу, которой нами посвящён отдельный параграф.

Татарско-русские и русско-татарские словари XIX века отличаются также по структуре. Структурой называется соотношение частей словаря и принципы его организации. Различают несколько типов структур словарей:

мегаструктура, или рамочная структура – взаиморасположение частей словаря (предваряющий текст, корпус, заключающий текст), макроструктура, или порядок расположения слов в словаре [Берков, 2004, с. 15]. По макроструктуре исследуемые нами словари делятся на алфавитные и тематические. К алфавитным относятся словари И.Гиганова (1804), А.Троянского (Казань, 1833, 1835), С.Кукляшева (Казань, 1859), К.Насыри (Казань, 1878, 1892), Л.Будагова (1869, 1871), Н.Остроумова (Казань, 1876; 1892), М.Юнусова (Казань, 1900), к тематическим, т.е. словарям с систематической микроструктурой, – словарь И.Гиганова (1801), словари, изданные Миссионерским обществом святителя Гурия (Казань, 1880, 1882, 1886, 1888, 1981), Ш.Габдельгазиза (Казань, 1893), которые рассматриваются отдельным параграфом.

Отметим также, что при анализе словарей мы старались придерживаться хронологического порядка.

Словарь И.Гиганова

Первый русский тюрколог Иосиф Иванович Гиганов (? – 7.09.1800) родился в религиозной семье. Он был священником Софийского собора в Тобольске и одновременно преподавал татарский язык в Тобольском главном народном училище. Для своего времени И. Гиганов считался одним из лучших знатоков татарского языка, чем и объясняется его тяга к преподавательской и научной деятельности.

Одним из первых среди европейских тюркологов И.Гиганов составил грамматику татарского языка. Работу он завершил в 1798 году, однако грамматика вышла в свет лишь после смерти автора, в 1801 году. В.В.Григорьев в своей рецензии на грамматику А.М. Казем-Бека, довольно высоко оценил труд И.Гиганова [Кононов, 1974, с.147].

И. Гиганов известен и как автор трудов в области лексикографии. Он создал словари: «Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и

Юртовскими муллами свидетельствованные» (СПб., 1801) и «Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском народном училище учителем татарского языка И.Гигановым и муллами юртовскими» (СПб., 1804), которые послужили основой для изучения языка татар, проживавших в Тобольске и являются одним из ценнейших источников в тюркологии.

Н.И.Ильминский, в частности, подчёркивал: «Народныя училища, созданныя Императрицей Екатериной II, были открыты въ 1780-хъ годахъ; около 1803 они были ещё довольно новыми, и потому модными заведениями. Въ тобольскомъ главномъ народномъ училище, вероятно, имелось въ виду давать воспитание и инородцамъ – татарамъ или по крайней мере приспособлять русскихъ къ образованию татаръ. Въ этихъ, конечно, видахъ было учреждено въ сказанномъ училище преподавание татарскаго языка. Священникъ Гигановъ былъ избранъ въ Тобольске лучшимъ знатокомъ татарскаго языка» [Ильминский, 1888, с.188].

Достоинство словарей И.Гиганова Н.И.Ильминский видел в том, что они прошли предварительную «экспертизу» у носителей языка «свидетельствованы юртовскими муллами, но изъ напечатанных, какъ въ грамматике, такъ и въ словаре, что саманчи Яръ-Мухаглидовъ и бухарець Ниятъ-Бакый Атнометевъ помогали Гиганову при составлении этихъ учебниковъ, исправляли ошибки и выписывали арабскіе и персидскіе слова. Бухарець Ниятъ-Бакый Атнометьевъ составил букварь татарскаго и арабскаго письма подъ руководствомъ учителя татарскаго языка Гиганова» [Ильминский, 1888, с.188–191].

Работа И. Гиганова под названием «Слова коренные, нужнейшіе къ сведенію для обученія татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарскаго языка, Софійскаго собора священником Иосифом И.Гигановым и Юртовскими муллами свидетельствованные» (СПб., 1801, 75 с.) была представлена автором в качестве приложения к его татарской грамматике. Следует отметить, что это первый опыт составления печатнаго тематическаго словаря татарскаго языка. 1800 лексических единиц

расположены в нем по тематическим группам: «Область и его части с принадлежностями», «Дом и его части», «Разные вещи», «Конский прибор», «Вещи, принадлежащие к одеянию», «Школа со школьными пособиями», «О стихиях и других естественных вещах», «О человеке, его возрастах и его частях», «О родстве», «О различных состояниях людей», «Месяцы с зодиакальными созвездиями», «О промыслах», «О животных», «О рыбах», «О деревьях и плодах», «О птицах», «О насекомых», «Об огородных растениях», «О луговой зелени», «О камнях и металлах», «Об именах, встречающихся в других книгах», «О времени», «О добродетелях и пороках», «Имена, означающие качества».

В татарской лексикографии словарь И.Гиганова считается и первым диалектологическим словарём, так как в нём зафиксирован большой лексический материал местных говоров, слова, которые относятся к говору сибирских татар, то есть принадлежат восточному диалекту татарского языка. Большинство этих слов и в настоящее время активно функционируют в языке сибирских татар, но в соответствующем фонетическом звучании, характерном для восточного диалекта. Это слова, обозначающие продукты питания, предметы быта, природные явления и т. д. Например:

ястугачь [Г., 1801, с.7] означает маленькую подушку [Тумашева, 1992, с.72] **сэртэ** [Г., 1801, с.14] употреблено в значении «топлёное масло» [Тумашева, 1992, с.168], а в качестве перевода **шешбэрэ** [Г., 1801, с.15] автор даёт «пилмэн». У этого слова есть несколько фонетических вариантов (чүчпэрэ, сүсбэрэ, дюшбере, чүпчара), и они встречаются в различных говорах сибирско-татарского языка и в некоторых тюркских языках. Приведены интересные диалектные единицы, которые смогли бы обогатить лексический состав и татарского литературного языка. Например, **итликь** – анбарь [Г., 1801, с. 6], **кибирянь** – наволочка нижняя [Г., 1801, с. 7], **дунгальякь** – кольцо [Г., 1801, с. 8], **цямберь** – обруч [Г., 1801, с.9], **тарчумаль** – утюг [Г., 1801, с. 10], **кялябашь** – девичий колпак [Г., 1801, с.

11], **самай** – виски [Г., 1801, с. 27], **юша** – олень [Г., 1801, с. 36], **акъкиякъ** – дикая коза [Г., 1801, с. 36] и т.д.

В качестве слов, обозначающих природные явления, представлены такие слова, как **шаалья** [Г., 1801, с.22], **илдрумь** [Г., 1801, с.22].

Шөглә – арабское заимствование [ГТРАС, б.71], обозначающее «пламя». Но в словаре И.Гиганова оно приводится в более узком значении и переводится как **луч**. Слово **йылдырым** в говорах сибирских татар означает «гром» [Тумашева, 1992, с.103]. В говорах среднего диалекта татарского языка **йылдырым** является синонимом **яшен**, т.е. «молния» [ТТДС, 1993, с.417].

Не менее интересная часть словаря – содержащиеся в нём историзмы:

дивань – сенат [Г., 1801, с.33], **яу** – война [Г., 1801, с.33], **би** – князь [Г., 1801, с.33], **явць** (в литературном языке звучало бы как *яучы*) – воин [Г., 1801, с.34], **ляшкяр**, **чярик** – войска [Г., 1801, с.34], **базаргян** – купец [Г., 1801, с. 34], **асламцы** – ростовщик [Г., 1801, с.33], **юмушь** – служба [Г., 1801, с.34] и др. Слово **диван** зафиксировано в значении «сенат». Если на сегодняшний день это слово употребляется в значении «мягкое сиденье, кресло», то во времена Казанского ханства государственный совет называли **диваном**, а спикера — **диван башы**. По мнению Р.Г.Ахметьянова, это слово пришло в татарский язык из персидского, а корень произошёл от слова **дәүүана** (письмо) [Әхмәтъянов, 2001, б.84].

чәрик – древнейшая форма слова «войско». Со временем, пережив фонетические изменения, оно превратилось в «чирү». Активно употреблявшееся в лексике XVIII века, оно, потеряв смысл, перестало использоваться в XIX веке, и вместо него появляется слово «гаскәр» [Ногман, 1969, б.103].

Относительно этимологии слова **би** можно сказать, что оно уходит корнями в эпоху гуннов. Из тюркских языков оно проникло во многие другие языки, в том числе в арабский [Әхмәтъянов, 2001, б.99].

В словаре И.Гиганова, наряду с татарскими лексемами, встречаются арабо-персидские заимствования, которые дополняют синонимический ряд данных единиц. Например, **баскыць, нардыбань** – лестницы [Г., 1801, с.6], **кюзкю, айня** – зеркало [Г., 1801, с. 8], **яулокъ, румаль** – платокъ [Г., 1801, с.18], **куць, куввать, дармань** – сила [Г., 1801, с. 30] и т.д. Обилие арабо-персидских заимствований, на наш взгляд, объясняется тем, что словарь проверяли местные муллы, которые по мере возможности добавляли в него слова.

Словарь И. Гиганова, объёмом в 75 страниц, считается первым двуязычным словарём, который появился в начале XIX века. По структуре он близок к рукописным словарям и разговорникам XVIII века. Распределение лексических единиц в нём осуществлено по тематическому принципу, и основным доказательством этого является включение в него только активно употребляемых в речи того времени.

Русско-татарский словарь И. Гиганова

Русско-татарский словарь И. Гиганова известен под названием «Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище учителем татарского языка И.Гигановым и муллами юртовскими». Он был издан в Санкт-Петербурге в 1804 году при Императорской Академии наук. Как указывает сам автор, словарь «печатан по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению». Его объём составляет 672 страницы.

Согласно гипотезе С.М.Михайловой, в основу своего труда И.Гигановым положен словарь С.Хальфина: «Сочинение И.Гиганова не является оригинальным; в значительной степени, если не в абсолютной, в основу его приложен словарь С.Хальфина. Результаты структурного, лингвистического и лексического анализа рукописного оригинала сочинения С.Хальфина и отпечатанного экземпляра труда И.Гиганова показывают полную идентичность.

Словарь С.Хальфина был создан в 1785 году и получил распространение только в рукописи, тогда как «Словарь российско-

татарский» Гиганова вышел из печати в 1804 году» [Михайлова, 1972, с.100]. Против этой гипотезы выступил А.Н.Кононов. Обоснованно доказывая свою точку зрения, учёный утверждал, что И. Гиганов прекрасно владел татарским языком, к тому же в то время существовало всего лишь 3 экземпляра словаря С.Хальфина [Кононов, 1972, с.260], поэтому факт использования И.Гигановым данного словаря остаётся под сомнением.

В словаре И.Гиганова слова даются тремя колонками: в первой – русские слова в алфавитном порядке; во второй, соответствуя законам орфоэпии, с помощью русских букв приводится татарское слово, в третьей – то же самое татарское слово в арабской графике. Точный алфавитный порядок слов свидетельствует о знакомстве автора с принципами построения словарей. В некоторых случаях к переводу прилагаются однокоренные или близкие по смыслу леммы, что облегчает работу со словарём и способствует быстрому запоминанию лексики татарского языка.

Глагол – наиболее часто встречаемая часть речи в словаре. Форма **-мын, -мен**, т.е. глагол в изъявительном наклонении, настоящем времени, 1-ом лице, единственном числе, принимается за изначальную.

В словарь включены не только такие части речи, как имя существительное, прилагательное, числительное, местоимение, но и необходимые для изучения языка служебные части речи.

В словаре представлены употребляемые в разговорной речи междометия или модальные слова, некоторые словосочетания, фразы и даже предложения, потому что цель, которую поставил перед собой автор, – не только помощь в усвоении лексики татарского языка, но и обучение свободному владению языком.

Основная часть лексического состава «Словаря российско-татарского...» – слова, характерные для разговорной и письменной речи татарского народа того времени, а также употребляемые в языке сибирских татар. Данный словарь является активным для русскоязычного населения, поскольку первым языком идёт русский.

Отметим некоторые фонетические особенности в словаре И.Гиганова, что не наблюдается в других словарях.

К особенностям языка в области гласных звуков относятся звуковые переходы и звуковые соответствия. В диалекте сибирских татар существует несколько видов переходов между звуками широкой и узкой артикуляции: **а, ә** ~ **ы, е**, в данном случае сужение звуков, т. е. замена [а], [ә] на [ы], [е]:

йаны¹ [яңа] [Г., 1804, с.317], **кагыз** [кәгазь] [Г., 1804, с.31]; в случае перехода **и** ~ **ә** мягкий, узкий звук [и] заменяется широким, гласным [ә]:

кәрәк [кирәк] [Г., 1804, с.297], **бәк** [бик] [Г., 1804, с.360], **кәбән** [кибән], **анә** [әни]; во время перехода **о** ~ **у** краткий гласный среднего подъёма [о] заменяется долгим [у]: **суң** [соң], **тул** [тол]; в некоторых словах наблюдается переход **у**~**о**, значит [у] заменяется гласным [о]:

онунце [унынчы], **койан** [куян], **токаз** [тугыз] [Г., 1804, с.119], **токсан** [туксан] [Г., 1804, с.119], **козгалу** [кузгалу], **матор** [матур] [Г., 1804, с.248], **суташоцы** [су ташучы]; в словах наблюдается также переход **ү** ~ **ө**. Губной длинный звук [ү] сменяется гласным с наименьшей степенью огубления [ө]: **погон** [бүген] [Г., 1804, с.534], **тогол** [түгел], **коңол** [күңел] [Г., 1804, с.114]; переход **ө** ~ **ү**

возникает при смене краткого звука [ө] долгим [ү] : **түс** [төс],

мүшкүл [мөшкел], **йүзүм** [йөзем] [Г., 1804, с. 677], **мәңгү** [мәңге]; переход **у**~**ы** наблюдается в превращении губного гласного [у] в звук [ы] в условиях сильного сокращения: **ыклау** [уклау] [Г., 1804, с. 538],

мынца [мунча] [Г., 1804, с.6], **ыңгай** [уңай], **намыс** [намус]; переход **ы**~**у** по сравнению с другими встречается чаще: **туздурамын**

[туздырам], **куймак** [кыймак], **сулуымын** [сульйым], **кабук** [кабык], **бурун** [борын] [Г., 1804, с. 319], **урлук** [орлык],

урун [урын], **булбул** [былбыл]; в результате сильного огубления мягкого, негубного гласного [е] образуется звук [ү] : **четүн** [читен] [Г.,

¹ В словаре И.Гиганова 1804 года татарские слова представлены и на арабской, и на кириллической графике.

1804, с.613], **күнүл** [күнел] [Г., 1804, с.144], **үлкү** [өлке], **изкү** [изге). Причиной «перебоя гласных в сибирских диалектах» В.В.Радлов считал проникновение в Сибирь европейских татар, которые в XVI веке уже имели «передвинутую шкалу вокализма». Передвижение целого ряда гласных в татарском языке привело к изменениям качественного и количественного соотношения между гласными звуками сравнительно с их исконным состоянием [Тумашева, 1977, с. 245].

Анлаутный [й] присущ, как известно, кыпчакским языкам. Употребление продувного (мягко произносимого) [ж] в говорах среднего диалекта татарского языка исследователи относят к свойствам болгарского языка. По мнению большинства тюркологов, звук [й] считается более древним, и именно он послужил началом чередования й ~ ж [Хаков, 1993, б.110]. В словаре И.Гиганова часто встречается [й] в позиции начала слова: **йылы** (жылы) [Г., 1804, с.600], **йезнә** (жизни) [Г., 1804, с.158], **йел** (жил), **йемеш** (жимеш) [Г., 1804, с.647] и др.

Другая важная фонетическая особенность языка сибирских татар – оглушение звонких согласных в разных позициях. Очень часто звонкий звук [б] переходит в глухой согласный [п]: **пияляй** (бияләй), **погон** (бүген) [Г., 1804, с.534], **пишикь** (бишек) [Г., 1804, с.239]; таким же образом образуются чередования г~к, д~т: **икенлекь** (игенлек), **аташкан** (адашкан), **токозь** (тугыз), **бүкямен** (бөгәм), **тилбүгә** (дилбегә). Реже встречаются случаи изменения губного согласного [м] на переднеязычный сонант [н]. Примером могут служить такие слова, как **агынь** (агым), **йавынь** (явым).

В словаре И.Гиганова звук [ж] передаётся дифтонгом [дж] или [дз]: **джигань** (жиһан), **дзяүгярь** (жәүһәр), **джань** (жан) [Г., 1804, с.144], **дзяннятъ** (жиннәт). Можно полагать, что здесь отражается звук [ч], который возник на основе аффрикаты [ж] в арабских словах [Тумашева, 1977, с.58].

Соответствие **ч~ц** – часто наблюдаемое явление в области согласных. Данное звуковое чередование присуще говорам мишарского диалекта и восточным диалектам татарского языка. Согласного [ч] в исконном составе согласных диалектов сибирских татар не было, он встречается только в арабо-персидских заимствованиях. Некоторая активизация аффрикаты [ч] происходит в последнее время под влиянием татарского литературного языка.

В диалекте сибирских татар передний согласный [ч] систематически заменяется на передний глухой звук [ц]. Эта особенность нашла проявление в исследуемых нами словарях: **цебень** (чебен), **цыгыу** (чыгу), **цыкъ** (чык), **кайткаць** (кайткач), **цыйырын** (сыерчын), **цяцякъ** (чэчэк) [Г., 1804, с.647], **цяйъ** (чэй) [Г., 1804, с.649].

Главная и наиболее яркая особенность диалектов сибирских татар – ц-оканье – указана только в кириллице. Важно отметить, что слова в арабской графике даны в литературной форме, т.е. соответствуют вариантам современного татарского языка.

Помимо употребляемых в литературном языке дифтонгов, в словаре можно встретить и такие, как [ыу], [еу], [ай], [эй], [оу], [өй]. Эти дифтонги, как правило, расположены в последнем открытом слоге слова:

киргизеу (кержезу), **аырыулы** (авырулы), **кацоу** (качу), **киреу** (керу), **бикитеу** (бегету), **йазуу** (язу), **бүкоу** (бөгелу), **сыу** (су).

Некоторые глаголы повествовательного наклонения зафиксированы в форме настоящего времени, 3-ем лице, единственном числе. Аффикс 3-го лица представлен здесь в форме диалекта сибирских татар -ды, -де :

бүрлянде (бөреләнэ), **сугате** (суга), **кычкырады** (кычкыра),

алланаты (аллана). В словарь внесены простые, почти все сложные грамматические формы глагола. Среди аналитических форм часто встречаются формы, образованные при помощи служебных глаголов *ала* или *бара*. Например:

агарамын (белею),

агарып барамын (постепенно белею),

сугамын (ударяю),

сугып аламын.

Будущее время в словаре представлено формой *-ур, -үр, -ыр, -ер, -р:*

булур (булачак), **килүр** (килэчэк) [Г., 1804, с.31]. 1-е лицо, как правило, образуется при помощи аффикса *-ым, -ем* вместо *-мын, -мен*: **йетярем** (житэчэкмен).

Имена существительные, представленные в словаре, их слово- и формообразование (склонение по числам, падежам, по принадлежности) практически не отличаются от своих вариантов в татарском литературном языке. Можно выделить лишь некоторые особенности в диалектах сибирских татар, где активно используется уменьшительно-ласкательный аффикс *-цак, -цэк*. Он присоединяется не только к именам собственным и родственным терминам, но и к названиям домашних животных, неодушевлённым и абстрактным существительным. В этом случае уменьшается возраст или размер предмета, слово приобретает эмоционально-экспрессивный оттенок:

аульцыгаць (маленькая деревня), **айгурцакъ** (жеребец) [Г., 1804, с.156], **колынгаць** (годовалый жеребёнок) [Г., 1804, с.156], **коянцыгаць** (зайчонок), **тамцыгац** (добавляет уменьшительно-ласкательный оттенок слову «капля»).

Идентичное значение свойственно также окончаниям *-гына, -генэ*, находящимся в активном употреблении: **ойгеня** [малый дом], **конгеня** (добавляет уменьшительный оттенок слову «день»).

Что касается местоимений, то они не намного отличаются от своих вариантов в литературном языке. Только такие личные местоимения, как **мин, син, ул** в местно-временном падеже редко находятся в форме **минеңдэ, синендя, анында**. Существует сходство данной формы с уйгурским языком. Например, в уйгурском языке специфичным является склонение личных местоимений в исходном, местно-временном и родительном падежах: мен + иң + дин; сен + иң + дин; у + ның + дин; мен + иң + дә; ан + иң + да; у + ның + да [Юсупов, 1979, б.120].

Указательное местоимение **бу** приведено параллельно со своей древней формой **ошбу**.

Наречия в словаре представлены в относительно небольшом количестве. Они не отличаются от вариантов литературного языка. Большинство указанных в словаре заимствований пришло из арабского и персидского языков. Например: Аллах, пайгамбар, нәби, жәннәт, жәһәннәм, мәчет, әһед, дога, хәләл, кәгазь, нокта, каләм, дәрес, әлифба, мәйдан, никах, шикәр, , вәкил, данә, сәүдә, сәүдәгәр, нәккышчы, галим, сәләт, жиһан, дәрья, зилзилә, жанвар, пәрәвез, шәмдәл, вакыт, вакыйга, гомуми, жәһәнәм, сәвәт, мәел, шимбә, якшәмбе, дүшәмбе, гәүһәр, жәүһәр, гәрәбә, зөбәржәт и др.

Большая часть арабско-персидских заимствований, представленных в словарях И.Гиганова, окончательно укоренилась в татарском языке и стала активно употребляться в нём наряду с татарскими словами. Они стали доступными для всех, о происхождении их могут догадываться лишь учёные.

Основной целью автора были сбор лексических единиц татарского языка и обучение свободному общению на данном языке. Доказательством этого являются часто используемые в словаре словосочетания, отдельные фразы и предложения, относящиеся к той или иной сфере жизни. И.Гиганов счёл необходимым поставить звукоподражания, служебные части речи на один уровень с самостоятельными. Важно, что в обоих словарях даётся дословный перевод. Автор указал все варианты, употребляемые в речи той области, где проживал сам. В его словарях широко представлены диалектизмы, присущие говорам татар, проживающих в Восточной Сибири.

Словари И.Гиганова – работы разного типа и назначения. Если первый был составлен как приложение к грамматике и включает в себя только активные слова татарского языка, то второй является академическим трудом. В нём зафиксировано более 12 тысяч слов, которые он характеризуют все

стороны жизни народа. Даже фонетические варианты представлены отдельными словарными статьями.

В заключении отметим, что труды И. Гиганова в области языкознания считались ценнейшим и полезным для своего времени материалом для обучения татарскому языку. Не меньшую роль они сыграли и в изучении тюркских языков. В настоящее же время данные труды представляют большой интерес в плане исследования лексического состава языка того периода и являются ценным источником для изучения восточных диалектов.

Словарь татарского языка... А.Троянского

Одним из важных факторов становления татарской лексикографии в XIX веке стала деятельность православных миссионеров. Они сыграли большую роль в изучении языков, фольклора, этнографии разных народов России, в том числе тюркских. Особо преуспели в этом учителя татарского языка, преподававшие в духовных учебных заведениях.

Одним из крупных центров подготовки кадров для миссионерской деятельности в XIX веке являлись Казанская духовная академия и Казанская духовная семинария.

Первым преподавателем татарского языка в Казанской духовной академии был А.А.Троянский – составитель известного в своё время двухтомного «Словаря татарского языка...».

Полное название этого труда «Словарь татарского языка и некоторых употребительных въ немъ реченій арабскихъ и персидскихъ, собранный трудами и тщаниемъ учителя татарского языка въ Казанской семинаріи священника Александра Троянского и напечатанный съ дозволенія комиссіи духовныхъ училищъ». Первый том словаря, изданный в 1833 году типографией Казанского императорского университета, содержал 6490 слов; второй том, опубликованный в 1835 году, – 3400 слов. Формат словаря – 26x25.

Александр Алексеевич Троянский (1779–1824) внёс огромный вклад в развитие лексикографии и татарского языкознания XIX века. Родился будущий языковед и педагог в 1779 году в деревне Апаз Казанского уезда. Отец его был священником. В 1799 году А.А.Троянский завершил обучение в Казанской духовной академии и приступил к деятельности священника в деревне Сотнуры (вероятно, деревня Сокуры, расположенная недалеко от Казани) Казанской губернии. С 1800 года он связал свою жизнь с педагогической деятельностью и преподавал татарский язык в разных учебных заведениях. Александр Алексеевич знал этот язык с детства и самостоятельно изучал его на протяжении всей своей деятельности. В результате, по мнению А.Н.Кононова, А.А. Троянский стал одним из лучших знатоков татарского языка и одним из первых авторов татарских грамматик и крупных словарей [Кононов, 1974, с. 272].

А.А. Троянский – учёный, прежде всего прославившийся своими грамматиками и словарями. Его «Краткая татарская грамматика, в пользу учащегося юношества, сочинение священника Александра Троянского» была издана в 1814 году в Санкт-Петербурге. Второе издание работы вышло в свет в 1824 году в Казани. «Краткая грамматика татарского языка» была опубликована в Казани лишь в 1860 году, через 35 лет после смерти автора.

Вклад А.А.Троянского в татарскую лексикографию велик. К сожалению, до сегодняшнего дня словарь учёного не исследован и не получил должной научной оценки.

Масштаб проведённых А.А.Троянским лексикографических изысканий настолько велик, что потребовались многие годы для их завершения. Отметим, что разрешение на издание словаря было получено еще 31 декабря 1829 года. На первой странице первого тома указано: «По журналу Комиссии Духовных училищ 31-го декабря 1829 года состоявшемуся, печатать дозволяется для употребления въ подведомственныхъ оной Комиссии учебныхъ заведеніяхъ. Казанской Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ и Кавалеръ Ѳеофанъ» [Троянский, 1833, с.1].

Рамочная структура словаря А.А.Троянского простая: состоит только из корпуса, окружающий текст отсутствует. Леммы в словаре расположены в алфавитном порядке. Фонетические варианты слов представлены как отдельные лексические единицы. Включенные в словарь географические понятия и этнографические обозначения делают его ещё более интересным.

Словарь был создан А.А. Троянским для обучения представителей других национальностей, прежде всего русских, татарскому языку. Его обстоятельный характер проявляется в качестве и тщательности перевода татарских слов на русский язык. В словаре указаны русские переводы каждой татарской леммы, а также все синонимы и варианты переводов. Например:

үлән² – трава, мурава, зелень [Т., 1833, с.131], **өй** – дом, изба, покой [Т., 1833, с.139], **өермә** – вихрь, буря, сильный ветер [Т., 1833, с.139], **исле** – душистый, вонючий, угарный, или: имеющий запах, дух, вонь, угар [Т., 1833, с.153]. Данный факт свидетельствует о том, что А.А.Троянский в совершенстве владел татарским и русским языками.

Автор обращает внимание и на происхождение слов, при этом он указывает язык, из которого заимствовано каждое слово. К словам приставлены такие сокращённые примечания, как «араб.», «перс.». К примеру: **пишә** (перс.) – рукоделие, художество [Т., 1833, с.259],

тәхсин³ (араб.) – хвала, похвала, одобрение [Т., 1833, с.281], **тәфәрреж** (араб.) – веселье, забава, утешение, восхищение, увеселение [Т., 1833, с.331],

тәфәррык (араб.) – развод, разведение, разлука, отдел, отделение [Т., 1833, с.331], **чәшм** (перс.) – глаз [Т., 1833, с.467], **атәш** (перс.) – огонь [Т., 1833, с.9], **жефет** (араб.) – жена, супруга [Т., 1833, с.401].

Автор, таким образом, указывал только на заимствования, которые редко встречаются в татарском языке. В первом томе зафиксировано 374 арабских и 162 персидских заимствования, во втором – 283 арабских и 23 персидских.

² В словаре А.Троянского не дано написание татарских слов на кириллице.

³ В словаре А. Троянского арабские заимствования обозначены диакритическими знаками, которые по техническим причинам в тексте не указаны.

Арабско-персидские заимствования в словаре не ограничиваются лишь указанными, т.е. индексированными единицами.

Рядом с некоторыми словами автор приводит в скобках такие лексические единицы, как «трава», «дерево», «платье», «плод», «зверёк», «растение», «рыба», «болезнь», «грамматический термин», указывая тем самым их принадлежность к определённой тематической группе. Данными примечаниями сопровождаются не все слова, в связи с чем можно предположить, что автор таким образом отмечал слова, редко использовавшиеся в повседневной речи того времени.

Глаголы в словаре представлены в форме **-мак**. Глаголы в форме разных залогов даются в качестве отдельных единиц. Приведём несколько примеров:

жыртмак – драть, раздирать, разодрать, изодрать, рвать, разорвать, изорвать [Т., 1833, с.393];

жыртдырмак – велеть драть, раздирать, изодрать, рвать, разрывать, разорвать, изорвать [Т., 1833, с.393];

жыртышмак – взаимно с кем-то драть, раздирать, издирать [Т., 1833, с.393];

жыртылмак – драться, раздираться, изодраться, рваться, разрываться, разорваться, изорваться, или быть раздираемому, издираемому, разрываемому [Т., 1833, с.394]. Следует отметить, что материал, а именно залоговые формы глагола и их переводы, представленные в работе А.А.Троянского, намного богаче, чем в современных словарях.

В словаре широко освещено словообразование имён существительных, прилагательных, наречий, образованных от существительного и от прилагательного. Например:

утын – дрова [Т., 1833, с.115],
утынлык – на дрова что [Т., 1833, с.115], **утынлы** – дровяной [Т., 1833, с.115];

арык – худой [Т., 1833, с. 30], **арыклык** – истощение [Т., 1833, 30], **арыкламак** – худеть [Т., 1833, 30], **арыкламаклык** – истощение [Т., 1833, с.30],

хатын – жена, супруга, женщина;

хатынлык – супружество; **хатынлы** – женатый; хатынча – по-женски,

хатынлай – женщиною [Т., 1833, с.517–518], **олау** – подвода,

олаулык – на подводу **олаучы** – вощик, извощик [Т., 1833, с.127].

Большинство слов, зафиксированных в словаре, близки по звучанию к современному татарскому литературному языку. Они дошли до наших дней без каких-либо лексико-семантических и фонетических изменений и составляют основу лексики языка. Следует отметить лишь некоторые фонетические особенности, которые нашли отражение в словаре А.А.Троянского.

Татарский литературный язык был сформирован, как известно, на основе синтеза языков и диалектов различных этнических групп. Доказательством служит употребление [ж] или [й] в разных диалектах. Примеры из анализируемых нами словарей указывают на параллельное употребление й – ж в позиции начала слова, т. е. на отсутствие определённой нормы в этом языковом явлении: **йетмэк** – достигать [Т., 1835, с.278], **йетен** – лёнь [Т., 1835, с.278], **йетмеш** – семьдесят [Т., 1835, с.278], **йер** – земля [Т., 1835, с.286], **йыр** – песня [Т., 1835, с.286], **йелкэн** – парусь [Т., 1835, с.318], **йерэн** – рыжий [Т., 1835, с.287], **йелем** – клей [Т., 1835, с.314], **жэдрэ** – пуля [Т., 1833, с.392], **жар** – берегь [Т., 1833, с.393], **жау** – война [Т., 1833, с.418], **жырткыч** – хищный [Т., 1833, с.394], **журган** – одеяло [Т., 1833, с.395].

В словаре отражается и традиционное для письменного языка архаичное звучание слов старотатарского языка: **бугдай** – пшеница [Т., 1833, с.219], **агыз** – рот, уста [Т., 1833, с.52], **чыраг** – лучина [Т., 1833, с.466], **капуг** – ворота [Т., 1835, с.65] и др.

В лексических единицах отражены также чередования б~м: **муз** [Т., 1835, с.214] – боз; д~т: **дерсэк** [Т., 1833, с.526] – терсэк, **дез** [Т., 1833, с.529] – тез, **дир** [Т., 1833, с.529] – тир, **дезген** [Т., 1833, с.529] – тезген, **дастымал** [Т., 1833, с.530] – тастымал и др.; т~д: **тулкын** [Т., 1835, с. 20.] – дулкын и др.

Широко представлены арабско-персидские заимствования. Например: **бахыр** – весна [Т., 1833, с.244], **падр** – отец [Т., 1833, с.254], **парэ** – кусок [Т., 1833, с.254], **пиз** – сыр [Т., 1833, с.262], **тимсах** – крокодил [Т., 1833, с.369], **жилд** – экземпляр [Т., 1833, с.408], **лэгалъ** – бриллиант [Т., 1835, с.202], **хэрдэл** – горчица [Т., 1833, с.519], **пәһлеван** – герой [Т., 1833, с.262], **жадау** – волшебник [Т., 1833, с.392], **хөкем** – суд [Т., 1833, с.510], **рыскал** – счастье [Т., 1833, с.548], **рушан** – светлый [Т., 1833, с.549], **талига** – счастье [Т., 1835, с.19], **гажәм** – персиянин [Т., 1835, с.33]. К этим словам автор не даёт каких-либо примечаний.

В словаре А.А. Троянского приводятся лексические единицы, которые не употребляются в современном татарском языке, но сохранились и активно используются в турецком языке. Например: **анахтар** – ключь [Т., 1833, с.72], **йаг** – масло [Т., 1835, с.301], **тәмиз** – чистый [Т., 1833, с.369], **пәнжэрэ** – окно [Т., 1833, с.262], **бәбер** – перец [Т., 1833, с.174], **бардак** – кувшинь [Т., 1833, с.182], **әлдәвән** – перчатки [Т., 1833, с.65], **акраб** – ближний [Т., 1833, с.54].

Среди заимствований встречаются слова, пришедшие из русского, а через него – из других языков. В качестве примера можно привести следующие единицы: **көслә** – гусли [Т., 1835, с.171], **күэшнә** – квашня [Т., 1835, с.196], **медия** – морская раковина [Т., 1835, с.211], **дегет** – смола [Т., 1833, с. 531], **скумбрия** – сельдь [Т., 1833, с.36], **эшләпә** – шляпа [Т., 1833, с.42], **плис** – плис [Т., 1833, с.216], **фонар** – фонарь [Т., 1833, с.262], **тулан** – тюлень [Т., 1833, с.361], **буром** – паром [Т., 1833, с.189]. Вышеуказанные слова в основном подчинены фонетическим законам, характерным для татарского языка. Следовательно, заимствованы они были очень давно и активно употреблялись в период создания словаря.

Важная особенность словаря – включение в число лексических единиц географических названий: **Бич** – Вена, **Бахыр Хазар** – Каспий,

Суес дингез – Красное море [Т., 1833, с.578], **Агы тагы** –
 Араратские горы [Т., 1833, с.52], **Казак вилаяте** – Украина [Т.,
 1835, с.94], **Чин ма чин** – Китайъ [Т., 1833, с.490], **Русия**
мәмләкәте – Россія [Т., 1833, с.549], **Жазаир** – Алжиръ [Т., 1833, с.396],
Татар вилаяте –Татарія [Т., 1833, с.270], **Яңа дөнья** –
 Америка [Т., 1835, с.312], **Багдан** – Молдавія [Т., 1833, с.217],
Париз шәһәре – Парижъ [Т., 1833, с.255], **Әрмәния Кәбир** –
 Великая Арменія [Т., 1833, с. 27], **Әрмәния Сагыйрь** – Малая
 Арменія [Т., 1833, с.27], **Туна** – Дунайъ [Т., 1835, с.26],
Фламинг вилаяте – Голландія [Т., 1835, с.55].

Большая часть слов перестала использоваться в современном татарском литературном языке и сохранилась лишь в диалектах. Например, слово **чәрәчә** – крыльцо [Т., 1833, с.463] в настоящее время в языке не употребляется, сохранилось лишь в агрызском подговоре мензелинского говора среднего диалекта и означает «сени в бане». Оно не зафиксировано в диалектологических словарях. Это древнее по происхождению слово было занесено ещё в словарь Махмута Кашгари (1072–1074) в значении «сени». М.Нугманов пишет следующее: «...раньше вместо лампы зажигали лучину «чыра». Заранее подготовленная, она хранилась в сенях. Исходя из этого, сени должны были называться *чырача*». Это слово нашло место в словаре Л. Будагова [Ногман, 1969, б.103]. К диалектным словам относятся:

керчемә – мёд вареный, сладкий [Т., 1835,с.154], **күнә суы** – ртуть [Т., 1835, с.188], **лэвэш** – сладкий пирог [Т., 1835, с.202],
бармакча – перчатки [Т., 1833, с.182], **тирәк** – узор [Т., 1833, с.303],
чемәк – гвоздь бочечный, **максыма** – пиво [Т., 1835, с.224],
йылдырым – гром [Т., 1835, с.339], **ярка** – плаха [Т., т.2, с.314], **аран**
 – едва [Т., 1833, с.20], **жәүер** – род, поколение [Т., 1833, с.395],
ачыткы – квас [Т., 1833, с.12], **алчак** – ласковый [Т., 1833, с.64] и др.
 Приведённые выше слова и сегодня активно употребляются в диалектах и говорах татарского языка. Например, слово **чемәк** в нагорном,

мелекесском и дрожжановском говорах означает деревянную пробку в бочке или пивном горшке [ТТДС, 1969, б.480], слово **ярка** в гайском и мензелинском говорах – полено [ТТДС, 1969, б.167], **күнә суы** в заказанском и нагорном говорах – ртуть [ТТДС, 1969, б.285], **лэвэш** заказанском и каргалинском говорах – пирог [ТТДС, 1969, б.293], **йылдырым** в говорах сибирских татар – гром [Тумашева, 1992, с.90], **максыма** в заказанско-лаишевском и нагорном говорах – домашнее пиво [ТТДС, 1969, б.298], **керчемә** в дрожжановском говоре – медовуху [ТТДС, 1969, б.239]. Корень слова **керчемә**, по мнению Р.Г.Ахметьянова, произошёл от древнеалтайского **кор** – «кислый, прокисший» [Әхмәтьянов, 2001, б.99]. Возможно, это слово является однокоренным с русским **корчма** – **трактир**. Однако, по мнению Н.Шанского, этимология слова *корчма* неизвестна [Шан., с. 214].

Некоторые слова претерпели семантические изменения. Так, в словаре А.А.Троянского слово **туташ** имеет следующее объяснение: «сестра большая или тетка, сестрица, тетушка» [Т., 1833, с. 148]. В настоящее время это слово употребляется в значении «взрослая девушка» [ТТАС, т.3, б.89]. Слово «конфеты» в его словаре представлено лексической единицей «халва». В данном значении оно зафиксировано также и в других словарях и разговорниках XIX века. В современном языке «халва» – разновидность кондитерских продуктов. В слове **чэберчек** – синица [Т., 1833, с.426] также наблюдается процесс изменения значения. В современном татарском языке «чэберчек» употребляется в значении «яйцо, испорченное в результате невылупления из него птенца» [ТТАС, т.3, б.465]. Как видно из примеров, в этих словах наблюдается семантическое сужение значения.

В словаре А.А.Троянского указаны также слова, которые вышли из употребления в современном татарском языке: **жаллау** – завязка у платья [Т., 1833, с.407], **ту** – знамя [Т., 1833, с.379], **тәңкәханә** – монетный двор [Т., 1833, с.377], **багбан** – виноградарь [Т., 1833, с.214], **иркен ачмак** – гулять, прогуливаться, делать прогулку [Т., 1833,

с.149], **брадэр** – братъ [Т., 1833, с.185], **ялау** – флагъ [Т., 1835, с.314], **магданус** – петрушка [Т., 1835, с.221], **михманханэ** – гостиница [Т., 1835, с.240], **ямин** – присяга [Т., 1835, с.326], **яс** – трауръ [Т., 1835, с.295], **лэшкэр** – войско [Т., 1835, с.201], **көн чэчэге** – ноготки [Т., 1835, с.192], **көмшэн суы** – ртуть [Т., 1835, с.194], **рэхим кошы** – пеликанъ [Т., 1833, с.543], **саз агачы** – ива [Т., 1833, с.575], **ышык балык** – треска [Т., 1833, с.42], **кавын агачы** – цитронное дерево [Т., 1833, с.49], **кавырга балык** – кить [Т., 1835, с.73]. (М.Нугман отметил последнее слово в словарях XVII – XVIII веков, а в словарях XIX века оно встречается только в работе К. Насыри [Ногман, 1969, б.78]), **корт** – волкъ [Т., 1835, с.87], **кыйса** – абрикось [Т., 1835, с.100], **телдэк** – говорокъ [Т., 1833, с.358], **аталык** – отечество [Т., 1833, с.9], **ак дикэн** – крыжовникъ [Т., 1833, с.57], **дэфнэ агачы** – лавровое дерево [Т., 1833, с.533], **кан** – руда [Т., 1835, с.121], **куа** – бурый [Т., 1835, с.125], **күкнар** – макъ [Т., 1835, с.178], **мэнзил** – почтампть [Т., 1835, с.234]. Вероятно, эти слова в XIX веке находились в активном употреблении, так как некоторые из них, например: **жалау** [Вагапов, 1881, с.59], **кыйсы** [Вагапов, 1881, с.5], **магданус** [Вагапов, 1881, с.7] и другие зафиксированы в разговорниках татарского языка того времени, которые, как известно, вносились только активно употребляемые слова. Некоторые из вышеприведённых слов указаны в толковом словаре с примечанием «иск.» [иске]. Например, **ялау** иск. Байрак [ТТАС, т.3, б.632], **ямин** иск. кит. *ант* [ТТАС, т.3, б.638], **брадэр** иск. кит. *ир туган* [ТТАС, т.1, б.184]. Несмотря на то, что часть их не сохранилась в современном татарском языке, они активно употребляются в других тюркских языках. Например, слово **кыйсы** в значении «абрикос» активно в кумыкском, турецком и караимском языках [Мусаев, 1975, с.192]. Некоторые из них сохранились в составе имён собственных. Например, в составе слова «Башкортостан» присутствует корень **корт**, а слово **мэнзил** употребляется в качестве мужского имени [Саттаров, 1981, б.134].

А.А.Троянский активно использовал метод перевода с помощью синонимов. К каждому слову прилагается два, три, четыре синонима. Например: **үлән** – трава, мурава, зелень [Т., 1833, с.131], **өй** – дом, изба, покой [Т., 1833, с.139], **өермә** – вихрь, буря, сильный ветер [Т., 1833, с.139], **исле** – душистый, вонючий, угарный, или: имеющий запах, дух, вонь, угар [Т., 1833, с.153], **пишә** – рукоделие, художество [Т., 1833, с.259], **тәхсин** – хвала, похвала, одобрение [Т., 1833, с.281], **тәфәрреж** – веселье, забава, утешение, восхищение, увеселение [Т., 1833, с.331], **тәфәррык** – развод, разведение, разлука, отдел, отделение [Т., 1833, с.331], **жыртмак** – драть, раздирать, разодрать, изодрать, рвать, разорвать, изорвать [Т., 1833, с.393].

На основании вышеуказанного можно утверждать, что словарь А.А.Троянского – один из самых обширных татарско-русских словарей, составленных в первой половине XIX века. В него включено более 10 тысяч слов и словоформ. Несомненно, лексическое богатство, представленное в этом капитальном труде, достойно специального монографического исследования.

1.3.2. «Словарь к татарской хрестоматии» С. Кукляшева

В 1824 году в Оренбурге было открыто военное учебное заведение – Неплюевский кадетский корпус. Власти ставили перед новым учебным заведением задачу «способствовать сближению азиатцев с русскими, внушать первым любовь и доверие к русскому правительству» [ТЭС, 1999, с. 392; Край Оренбургский, 2007, с.78].

Кадетский корпус, открытый на средства наместника Оренбургского края И.Г.Неплюева, готовил офицеров-переводчиков. Здесь преподавались восточные языки, в том числе, татарский. В этом привилегированном учебном заведении работали яркие представители татарской интеллигенции – М. Иванов, М. Бикчурин, С. Кукляшев, авторы учебников, хрестоматий,

разговорников и словарей. К последним относится «Словарь к татарской хрестоматии» С. Кукляшева [Казань, 1859. – 106 с.].

Сведения о жизни и деятельности С.Кукляшева приводятся в упомянутом выше труде А.Н.Кононова [1974, с.201] и в совместной монографии Х.Миннегулова и Ш.Садретдинова [Миннегулов, Садретдинов, 1982]. Точная дата рождения С.Кукляшева не известна. В 1825 году он приступил к учебе в Оренбургском военном училище имени Неплюева, по окончании которого стал работать в Оренбургской пограничной комиссии. Через несколько месяцев его направили учиться в Казанский университет. Сначала С.Кукляшев был студентом медицинского факультета, затем, по болезни, он перевёлся на филологический, где изучал латинский, немецкий, французский и русский языки «в необходимом объёме». В 1836 году, по окончании университета со званием кандидата, он стал преподавателем татарского, арабского и персидского языков в Неплюевском кадетском корпусе. Проработав здесь в течении 20 лет, в 1858 году он вышел на пенсию. Умер С.Кукляшев в 1864 году [Кононов, 1974, с.201; Миңнегулов, Садретдинов, 1982, б.16].

С.Михайлова называет С.Кукляшева просветителем, внёсшим большой вклад в развитие татарской культуры и общественной мысли, «достойным занять своё место среди известных татарских педагогов, просветителей и фольклористов» [Михайлова, 1972, с.175-183].

В изданном А.Н.Кононовым «Биобиблиографическом словаре отечественных тюркологов» указано, что «Татарская хрестоматия...» С.Кукляшева, состоящая из 111 страниц, переиздавалась в 1870 и 1895 годах [Кононов, 1974, с.201].

С. Кукляшев являлся одним из членов Казанской школы тюркологов, созданной при Восточном разряде Казанского университета.

Хрестоматия С. Кукляшева называлась «Диване хикяте татар», т.е. «Сборник татарских рассказов». Учебник состоит из трёх частей:

вступительная статья [1–3 с.], тексты «Гыйса углы Амэт», «Ширзад вә Гөлшаджан», «Искәндәрнамә» и др. [3–124 с.] и словарь.

«Словарь къ татарской хрестоматии» С. Кукляшева отдельно был издан в типографии Казанского императорского университета в 1859 году. Разрешение на издание словаря было получено у начальника университетской типографии И.Готвальда. На титульной странице указано: «Печать дозволяется съ темъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ цензурный Комитетъ указанное число экземпляровъ. Казань, 19 мая 1859 г.». На сегодняшний день фонду Готвальда принадлежит несколько экземпляров данного словаря, которые хранятся в отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им.Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Словарь Салихджана Кукляшева являлся приложением к хрестоматии, в нём зафиксированы только слова, входящие в состав текстов хрестоматии. В словаре содержится 3546 лексических единиц. Данный труд является словарём татарского литературного языка того периода и этим отличается от других татарско-русских словарей XIX века.

В словаре в алфавитном порядке даны татарские слова, написанные арабским шрифтом, а напротив них – кириллицей – их переводы на русский язык. Формат словаря – 16x22.

Мегаструктура словаря включает предисловие, в котором даны условные сокращения, указывающие на происхождение слова. С.Кукляшев обозначил условными знаками арабские, персидские, киргизские (казахские), старотатарские и турецкие слова (**а.** – арабскія слова, **п.** – персид, **к.** – киргизскія, **т.** – турецкія или старыя татарскія слова, вышедшія изъ употребленія, **с.** – значить слово, составленныя изъ арабскихъ или персидскихъ словъ съ прибавлением на конце оныхъ татарскихъ частицъ или глаголовъ) [К., 1859, с.1]. Если в других словарях татарские слова обозначались диакритическими знаками или же к ним прилагалась их транслитерация на кириллице, то в этом труде они отсутствуют. В результате

осложняется понимание некоторых слов, поскольку возникает несколько вариантов их прочтения.

Многие слова с теми же фонетическими и семантическими свойствами употребляются в современном татарском языке: **ант**⁴ – клятва, присяга [К., с.14]; **эмер** – приказание [К., с.12], **ау** – охота, ловля [К., с.15], **аучы** – охотник [К., с.16], **баскыч** – лестница [К., с.23], **балчык** – грязь, глина [К., с.23], **бүрек** – шапка [К., с.26], **табан** – подошва [К., с.30], **таж** – корона [К., с.30], **табут** – гроб, гробница [К., с.30], **тән** – тело [К., с. 34], **яз** – весна [К., с.102], **кайдан** – откуда [К., с.74] и др.

Встречаются некоторые фонетические чередования, относящиеся к письменным традициям старотатарского языка : **сыгыр** – корова [К., с.61], **тугмак** – родиться [К.,с.11], **агламакь** – плакать [К., с.11], **чырагь** – свеча [К., с.40] и др.

Чередование **к~г** в инлауте свидетельствует о сохранении архаичных черт в отдельных лексемах этого словаря: **тэкэрмэч** – колесо [К., с.33], **тэкэрэмэк** – катиться [К., с.33], **тэкэрэп** – **тешмэк** – скатиться [К., с.33], **такын** – ещё [К., с.36], **түкэрэклек** – круглость, круглота [К., с.6], **тикез** – ровный [К., с.36], **сукыш** – война [К., с.] и др.

Что касается грамматических особенностей данного словаря, то инфинитив глагола в нём образован преимущественно с помощью окончания **-мак**: **табмак** – найти, роджать [К., с.65], **турамак** – крошить [К., с. 66], **кычкырмак** – кричать [К., с.73], **яраламак** – ранить [К., с.101], **саумак** – доить [К., с.62]; **исэнлэшмэк** [К., с.16], **күрешмэк** – здороваться, прощаться [К., с.81]; **ачмак** – проголодаться [К., с. 6], **ачмак** – отпирать, открывать [К., с.6]. Глаголы даны в различных залоговых формах, и каждая из них обозначена как отдельная лексическая единица: **ачылмак** – отпираться [К., с.6], (формы -л, -ыл возвратного залога) **атылмак** – застрелиться [К., с.10]. В понудительном

⁴ В словаре С.Куляшева слова даны только в двух столбцах. Транслитерация на кириллице – наш.

залоге: **буйтмак** – заставить красить [К., с.27], **салдырмак** – заставить налить [К., с.62]. В качестве примера взаимно-совместного залога можно привести слово **сөйләшмәк** [К., с.60].

Имена прилагательные не изменились: **иске** – старый [К., с. 19], **ач** – голодный [К., с.10], **начар** – плохой, дрянной [К., с. 95], **ахмак** – глупый [К., с.12], **азад** – свободный [К., с.13], **ачык** – открытый [К., с.10]. Дается объяснение окончаниям *-лы, -ле*: «*частица, прибавляемая к имени существительному для составления имени прилагательного*». Следовательно, и в тот период аффиксы «*-лы, -ле*» считались продуктивными словообразовательными аффиксами прилагательных: слова **татлы** – сладкий, вкусный [К., с.68] и **акыллы** – умный [К., с. 68] служат тому примером.

Как упоминалось выше, в словарь вошли в основном лексические единицы, взятые из текстов хрестоматии. С.Кукляшев, видимо, не ставил целью включить в него все активно употребляемые в то время в языке слова. Этим, должно быть, объясняется некоторая выборочность лексических единиц, включенных в словарь. Ещё раз отметим, что данный труд С.Кукляшева является образцом словаря татарского литературного языка своего времени.

Тексты хрестоматии, в основном, переведены с арабского и персидского языков. Указаны и варианты написания на тюркско-татарском языке. Словарь, в первую очередь, составлен для русскоязычных читателей. Способы перевода слов достойны особого внимания. Основное внимание автор уделяет дословному переводу: **эмер** – приказание [К., с.14], **ата** – отец [К., с.5], **бүре** – волк [К., с.26], **былбыл** – соловей [К., с.26] и др. Но автор указывает все возможные синонимы слов. Например: **имам** – имам, мулла, священник [К., с.14], **аман** – безопасность, мир, пощада, покой [К., с.14], **ант** – присяга, клятва [К., с.14], **оч** – вершина, конец, край [К., с.16], **авыл** – деревня, селение, край [К., с.18], **иш** – друг, товарищ, подруга, чадо, подобный [К.,с.21] и др. Этот способ перевода позволяет более

полно и точно передать значение слова для его понимания носителями других языков.

Автор обращает также внимание на разное написание слов с одним и тем же значением: «ачу» или «ачигъ» – гнев [К., с.6], «алыс» или «алус» – далекий [К., с.13], приводит и слова-омонимы: **ут** – огонь, трава [К., с.17], **аяк** – чаша, нога [К., с.20], **жуан** – юноша, толстый [К., с.39], **ук** – уже, стрела [К., с. 25], **баба** – бабушка, отец [К., с.26] и др.

С точки зрения сегодняшнего дня в словаре присутствуют архаизмы: **бакы** – остальной, оставшийся [К., с.27], **бэдэн** – тело [К., с. 24], **буй** – запах [хуш – буй] [К., с. 27], **бинэк** – тысяча [К., с.26], **танмак** – запереться, отпереться [К., с.31], **адак** – нога [К., с. 13], **бада** – вино [К., с.22], **ашбаз** – повар [К., с.10], **тэхетпай** – столица [К., с.32].

Весьма удобно анализировать слова по их происхождению, так как автор ставил: перед арабскими словами – букву **а.**, **жэрэхэт** – рана [К., с.38], персидскими – **п.**, **бэһэ** – цена [К., с.27], **эхтэр** – звезда [К., с.6], турецкими – **т.** **чук** – много [К., с.41], казахскими – **к.** **ут** – трава [К., с.17], **тинтэк** – глупый, безумный [К., с.34]. Среди слов, начинающихся на буквы **х, ф, р, д** отмечается наличие лишь арабских и персидских заимствований. Следовательно, можно быстро определить факт заимствования слов, начинающихся на эти буквы: **хэйлэ** – хитрость [К., с.44], **хайван** – животное, зверь, скот [К., с.44], **хан** – царь [К., с.44], **ханэ** – дом [К., с.44], **хата** – ошибка [К., с.43], **хыял** – мечта, воображение [К., с.43], **хэлифэт** – халифатство [К., с.46], **хуш** – приятный [К., с.46], **рух** – дух [К., с.52].

Лексемы, заимствованные из разных языков, образуют синонимические ряды. Например: **мушак** – кошка [К., с.90], **мачы** – кошка [К., с.85], **зэр** – золото [К., с.54], **алтын** – золото [К., с.12], **бэгырь** – сердце [К., с.25], **хэтер** – сердце [К., с. 46].

В словаре зафиксированы варианты названий месяцев из Иранского солнечного календаря: **Хэмэл** – март [К., с.46], **Хут** – февраль [К.,

с.43], **Мизан** – октябрь [К., с.90] и др. Данная классификация месяцев присутствует и в словаре И. Гиганова.

В словаре С. Кукляшева находят место и названия городов, стран. Например: **Зоя** – Свияжск [К., с.53], **Жаек** – Урал [К., с.37], **Рум** – Греция [К., с.52], **Ташкенд** – Ташкент [К., с.31], **Казан** – г.Казань [К., с.76], **Минзэлэ** – Мензелинск [К., с.93] и др.

В словаре С.Кукляшева преобладает эквивалентный перевод. Но к некоторым словам (названия наций, религиозные термины или слова, обладающие с национальной особенностью) автор прилагает краткие объяснения. Например: **умач** – мучной бульон [К., с.19], **дөлдөл** – конь Алия, 4-ого арабского халифа [К., с.49], **айбалта** – топор с длинным топорием, которым киргизы бьют волков [К., с.24], **типтәр** – типтяр, название народа, которой проживает в Оренбургской губернии [К., с.31], **эстаршина** – начальник юрты или нескольких деревень [К., с.21], **сур базары** – базарь, торгь сурками в мае месяце при г. Оренбурге [К., с.62].

Таким образом, «Словарь к татарской хрестоматии» С.Кукляшева является надежным источником для изучения истории татарского языка и лексикографии XIX века. К сожалению, этот труд практически не упоминается в современных лингвистических исследованиях, посвященных лексике татарского языка.

1.3. 4. Словари Н. Остроумова

Во второй половине XIX века в России издавались книги, которые должны были способствовать изучению татарского языка русскими и, наоборот, русского языка татарами. Среди них следует выделить труды Н.П.Остроумова – «Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии» (1876) и «Татарско-русский словарь» (1892).

Николай Петрович Остроумов родился 15 ноября 1844 года в деревне Сосаво Елат Тамбовской губернии в дворянской семье. В 1866 –1870 годах обучался в Тамбовской семинарии, затем – в Казанской духовной академии. Образование Н.П.Остроумов получил на отделении «миссионеры против мусульман» у таких преподавателей, как Н.И. Ильминский, Е.А.Малов, В.Т.Тимофеев.

В 1870 году, после двух испытательных лекций, Н.П.Остроумова по предложению Н.И.Ильминского зачислили на кафедру противомусульманских предметов и назначили учителем татарского языка при академии. В 1871 году Н.П.Остроумов получил степень магистра, в этом же году ему было присвоено звание доцента, но он продолжал работать учителем татарского языка в Казанской духовной академии, где с 1 ноября по 20 июля 1874 года преподавал также историю и географию.

1 июля 1877 года Н.П.Остроумов был назначен инспектором Туркестанского народного училища, работал директором семинарии, а с 1883 году – директором Ташкентской мужской гимназии [Кононов, 1974, с.229–230; ТЭС, 1999, с.435].

Сорок лет Н.П.Остроумов прожил в Ташкенте. Он занимал должность вице-президента кружка любителей археологии в Туркестане. Участвовал в издании газеты «Сборник миссионеров» (в Казани) и оказывал большую поддержку в выпуске её отдельных номеров (2-й, 3-й, 6-й, 10-й, 12-й).

Первый словарь Н.Остроумова был издан в типографии Казанского императорского университета и предложен в качестве учебного пособия для обучения крещёных татар в миссионерских школах. Данный труд содержал полезные сведения по истории, грамматике, фонетике и морфологии татарского языка. Здесь освещались вопросы употребления в татарских словах русских букв, ударения и произношения татарских слов; объяснялись правила произношения гласных и согласных, особенности окончания татарских слов, а также грамматические категории числа, лица и времени у глаголов, склонение имён существительных и прилагательных по падежам,

порядок букв русского алфавита, русско-татарский словарь, таблица родственных терминов и т.д.

Рассмотрим подробнее каждый словарь. Появившийся в 1876 году «Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещёных татар Казанской губернии» содержит богатый лексический материал. В отличие от рассмотренных выше словарей труды Н.П.Остроумова написаны только на кириллице, а слова в них расположены в алфавитном порядке русского языка. При составлении данного словаря учёный преследовал целью ознакомление татар с основами христианства. Эта работа, наряду с воплощением в жизнь задач миссионерства и защитой его интересов, сыграла большую роль в обучении русских татарскому языку.

Труд Н.П.Остроумова, появившийся в 1876 году, носит название «словарь», однако его мегаструктура отлична от издававшихся прежде словарей. Предваряющий текст включает богатый материал по истории татарского народа. В нем говорится о татарском языке, о мусульманах и миссионерах. Кроме того, автор попытался проанализировать слова в фонетическом аспекте, на примерах показывая все возможные случаи звуковых чередований, взаимовлияний, огубления, добавления в слова звуков и их сокращений. Например: **сенне** – младшая сестра [О., 1876, с.113], **бу – быу** [О., 1876, с.61], **китер** – килтер [О., 1876, с.90] и др.

При морфологическом анализе большое внимание уделяется глаголам, например: **булмыш** [О., 1876, с.61], **айтештер** [О., 1876, с.58] и т.д.

В этот словарь Н.П.Остроумова включены диалектные, устаревшие и заимствованные слова. Значительное место среди них занимает диалектная лексика, характерная для говора крещёных татар. Отметим, что проблема диалектной лексики весьма интересна, увлекательна и важна с исторической точки зрения и требует к себе особого внимания.

Как и в других татарско-русских словарях XIX века, в работах Н.Остроумова довольно много архаизмов и историзмов. Например, слово **баскак** – бойкий [О., 1876, с.56] обозначало начальника отряда и заместителя

хана Золотой Орды по сбору налогов (ясака) в казну на территории государства [ТТАС, т.І, б.128]. Слово **асламчы** использовалось в значении «разносчик» [О., 1876, с.51], в старотатарском языке оно имело весьма активное употребление. В татарском языке корень **асу** означает «польза», а в монгольском языке **ашы** – употребляется также в значении «выгода». Слово «асламчы» (выгода) произошло от корня **асигь** и теперь оно принадлежит к исторической лексике. В дооктябрьский период слово **асламчы** употреблялось в значении «коробейник». Ныне, как отмечалось выше, оно является историзмом. Слово **жау** означало «войско» [О., 1876, с.71] и входило в состав активной лексики XIX века. На сегодняшний день данная единица относится к устаревшим, но при этом она сохранилась в разных значениях в некоторых говорах татарского языка. Например, в заказанском и атнинском говорах слово **жау** означает «место, охватывающее много людей» [ТТДС, 1993, б.568]. В литературном языке это слово употребляется в значении **яу** (яулады), т. е. **завоевал, заслужил**. Следовательно, существует возможность употребления в современной литературе устаревших слов в их новом значении.

Инеч употребляется в значении «подкладка» [О., 1876, с.77]. В говорах употребляются его варианты *энеч, энец* – «второй слой ткани, подшитый на заднюю и переднюю часть мужской или женской одежды, сохраняющий её от быстрого изнашивания». «Инеч» – кусок ткани, как правило, пришивавшийся с внутренней стороны верхней одежды [Рэхимова, 1983, б.10].

Абыз употребляется в значении «ученый» [О., 1892, с.1], а в словаре Н. Остроумова 1876 года данное слово не зафиксировано. В толковом словаре оно рассматривается как устаревшая лексическая единица [ТТАС, 1977, т.І, б.2]. В современном языке слово **абыз** входит в религиозную лексику. Корень слова **абыстай** также произошёл от **абыз** – **хафиз**. Слово «хафиз» заимствовано из арабского языка и имеет три значения: 1) оберегающий, хранящий; 2) помнящий наизусть; 3) *рел.* лицо, знающее наизусть Коран [ГТРАС, б. 653]. Следовательно, **абыстай** – это образованная женщина, как

правило, жена муллы. Существуют такие слова и словосочетания, как *татар абызы, абыз бабай, абызбикэ, абыз жинги*.

Слово **адарын** переводится как «дать обет Богу» [О., 1876, с.46]. В толковом словаре оно рассматривается как устаревшее, со значением «пообещать, дать обет» [ТТАС, т.І, б.19]. Данная лексическая единица сохранилась в заказанском, нагорном и кряшенском говорах именно в последнем значении [ТТДС, 1969, б.22]. В народе считалось, что таким образом (дав обет) можно было избавиться от различных болезней и несчастий. Люди верили, что, повесив что-нибудь на часовню («чэчэуник») или бросив монетку в колодец («келәүле кое»), они принесут себе пользу [Баязитова, 1992, б.179].

Слово **атау** обозначает остров [О., 1876, с.52]. Несмотря на то, что данное слово активно употреблялось в лексике XIX века, ныне оно входит в состав устаревших лексических единиц [ТТАС, т.І, б.82]. Слово **атау** сохранилось в мензелинском, оренбургском, сергачском, касимовском говорах [ТТДС, 1969, б.92] и в составе топонима Адав-Тулумбаево (деревня в Буинском районе РТ) [Саттаров, 1992, б.165]. В современном языке вместо слова атау употребляется лексема «утрау».

Кырлач означает «месяц» [О., 1876, с.96]. В современном литературном языке это слово рассматривается как устаревшее, но в мензелинском и кряшенском говорах его значение сохранилось без изменений, т. е. представлено как «месяц сильных холодов» [ТТДС, 1969, б.219]. В толковом словаре данная лексическая единица объясняется следующим образом: сезон, состоящий из самых холодных зимних месяцев (декабрь, январь) [ТТАС, т.ІІ, б.227].

Слово **котлы** употребляется в значении «счастливый» [О., 1876, б.92]. В современном языке оно входит в состав устаревшей лексики. Корень **кот/котлы** в XVII–XIX веках употреблялся в значении «счастье», «луч», «молодость», «красота», «удача» [ТТАС, т.ІІ, б.168]. В результате расширения одного из значений слово котлы «счастливый», превратилось в название и

таких понятий, как *доброта* и *пожелание*. В древнетюркском и старотатарском языках существовали такие женские имена, как **кутлук**; мужские имена – **кутлук тимер**; различные названия и прозвища – **котлыкыя, котлычуча, котлыяр** [Саттаров, 1981, б.110].

Лексема **Тимпан** обозначает древний музыкальный инструмент [О., 1876, с.122]. В настоящее время это слово не употребляется ни в литературном языке, ни и в диалектах. В толковом словаре оно приведено в качестве специального термина, обозначающего узорчатый карниз [ТТАС, т.III, б.100].

Слово **атланма** дано в значении «мерить шагом» [О., 1876, с.92]. Данная лексическая единица не используется ни в современном литературном языке, ни в языке его говоров. В основе слова лежит глагол «атлау», что означает «мерить шагом» [ТТАС, т.I, б.85].

Слово **бутыш** дано в значении «водяной» [О., 1876, с.61], в современном литературном языке оно рассматривается в составе забытой лексики, но во многих говорах сохранило своё значение в форме различных фонетических вариантов. Например, крещёные татары домовых, леших и водяных (мифологические образы) называют **бутыш**, маришцы – **вотым**, **водаж**, **вадаш**, **водош**, чуамы – **вуташ**, **воташ**, **вуташ**. Древние варианты этой лексической единицы [оташ, утош / өташ / үтәш] сохранились в древнетюркском языке [Ахметьянов, 1981, с. 21].

К словам, которые уже не употребляются в современном татарском литературном языке и вышли из словарного состава, относятся также **бором** – моток [О., 1876, с.60], **чубагач** – чепь [О., 1876, с.135], **туман** – большое скопление людей [О., 1876, с.125], **кыярчы** – продавец огурцов [О., 1876, с.97], **кукар** – плотник [О., 1876, с.93], **алымсак** – взяточник [О., 1876, с.48], **сулым** – снежный [О., 1876, с.115], **жарка** – бедный [О., 1876, с.70], **затгаш** – соотечественник [О., 1876, с.78], **тачик** – близорукий [О., 1876, с.120], **жоксор** – дремать [О., 1876, с.74], **мылтыкчы** – охотник [О., 1876, с.101] и др.

Таким образом, очевидно, что словарь Н. Остроумова содержал богатый лексический материал. В отличие от словарей предшественников, они были написаны только на кириллице, а слова в них расположены в алфавитном порядке русского языка. При составлении данного словаря целью автора было прежде всего ознакомление татарского народа с основами христианства, но при этом его труд сыграл свою роль и в обучении татар русскому языку, а русских – татарскому.

В составлении изданного в 1892 году «Татарско-русского словаря» Н.П.Остроумова участвовали три человека: Н.И.Ильминский, Н.П.Остроумов, А. А.Воскресенский. Словарь включает 1710 слов.

Вступительная часть – предваряющий текст словаря 1892 года – небольшая. В предисловии шесть параграфов: «1) татарская речь, буквы и порядок русскага алфавита въ словаре; 2) буквы а, о, у, н; 3) знаки препинания; 4) звездочка; 5) сокращения; 6) погрешности».

Авторы пишут, что предлагаемый словарь имеет в виду татарскую речь, услышанную в разговоре крещёных татар преимущественно Казанской губернии. При этом звуки речи обозначены соответствующими буквами и знаками русского алфавита.

Корпус словаря построен на основе известного порядка букв в русском алфавите, для удобства «скорейших справок и приискивания нужных слов». Однако производные слова, стоящие близко по алфавиту к коренным, были соединены со своим корнем и, представляя иногда довольно значительные группы, выделялись из прочих как особые семейства однокоренных слов во главе со своим родоначальником. Другие же производные слова, отдаляемые алфавитом от своих коренных, пишутся отдельно. Поэтому *сак*, *саклан**, *сакландыр** и прочие связаны в одну группу; однокоренное же слово *сагай* поставлено отдельно.

Как и в русском языке, для обозначения смягчённого произношения буквы употребляются две точки. В татарском языке поставлены две точки для

обозначения такого же произношения букв **ä, ó, ü**, в отличие от чисто произносимых: **a, o, u**.

Звёздочка (*) поставлена исключительно при глаголах. Татарские глаголы имеют во 2 лице повелительного наклонения такую форму, от которой получают свое начало все прочие глагольные формы и производные от глагола слова.

При этом неопределенное наклонение всех татарских глаголов имеет окончание -мак или -мяк.

Нередко звездочка выполняет функцию как отличительного внешнего признака глагольной формы от именной. Так аче, тóз – прилагательные, а аче*, тóз* – глагольные формы в повелительном наклонении или неопределенной форме, если читать *ачемяк, тозмяк*.

Корпус словаря отличается своим лексическим богатством. Его словник не очень ёмкий – 1710 слов. В словарной статье указаны все эквиваленты, сочетания, примеры, идиоматика, а также фонетические и грамматические особенности. Например, **сабань айы** – май, собствен. месяц плуга, у магометань в этомъ месяце бывають доселе полевья игрица: скачки на лошадахъ, борьба и прочее [О., 1892, с.166], **сабан буткасы** – каша, которая варится в каждомъ доме при начале яроваго посева, надъ этою кашею молятся Богу о хорошем урожае, а после того кашу съедають [О., 1892, с.167], **бярмячек** [бярмячлек, бярмячлекяй] – вь вербное воскренье утром молодые парни ходять по домамъ крещённых и стегають прутьями спящихъ, приговаривая бярмячлекяй – *жоморка! исяннекя! саулыкка! Жана жыллаар житте, иске жыллаар китте. Давай мина жоморка* [О., 1892, с.55]; **сöрян** – вь некоторыхъ деревнях Мамад. у. о святой неделе, большею частію вь конце дня – где-нибудь вь удобном месте, вь овражке за деревней, а иногда и вь самой деревне, молодые ребята сносятъ прутья, палки и разный горючий хламъ, и къ ночи зажигають его, а сами веселятся, это и называется сöрян; -че на следующій день после сорян все участники сорян едутъ верхами на лошадахъ по своей деревне, они называются сорянче, ихъ встречають около

своихъ дворовъ и воротъ хозяева домовъ, иногда угощаютъ ихъ пивомъ или водкой, даютъ яйца или поручно каждому или на всехъ вместе; угощеніе сорянче принимаютъ не слезая съ лошадей и данное на всехъ делятъ поровну между собой по окончаніи церемоніи [О., 1892, с.177–178], **теяберсен** – это слово произносится на поминкахъ по умершемъ человеке съ присоединеніемъ его имени, при этомъ вкушаютъ блины, кашу и пр. Слово теяберсен или теябирсен соответствуетъ русскому «помяни Господи» и заключаетъ въ себе пожеланіе добра умершему человеку. У богатыхъ людей каждый четвергъ (Мамад. у.) или субботу (Спасск. у.) пекутъ что-нибудь на сковородѣ и, потомъ вкушая, поминаютъ усопшихъ словомъ теяберсен, – если не вслухъ, то про себя, что особенно можно заметить по движенію губъ у женщин [О., 1892, с.195].

Отъ первого данный словарь отличается темъ, что къ корпусу предпосылаются предисловіе, правила пользования, въ которыхъ излагаются особенности построения данного словаря, объясняются значенія используемыхъ сокращеній и условныхъ знаковъ.

Следуетъ отметить, что статьи этого словаря довольно большіе, и въ нихъ часто встречаются народныя пословицы. Они приводятся какъ примеръ для реализаціи того или иного слова въ составе предложенія. Например, въ словарной статьѣ, посвященнѣй слову **ир**, даётся следующее объясненіе: **ир** – мужчина, мужъ: ир кеше мужчина, иргя бир* выдать (девушку) за мужъ, иргя бар* выходить за мужъ, Ир бала – мальчикъ-дитя, ирляр мужчины, мужики (въ противоп. Катыннар женщины, бабы) ирляр кюб булса, утын жук; катыннар кюб булса, сыу жук (если много мужиковъ, то дровъ нетъ; если много бабъ, то воды нетъ) (послов.); ирляр кюрся – нагыш, катыннар кюрся – жангыш (послов) поглядятъ мужики узоръ, поглядятъ бабы – не верно (букв. ошибка); -ле ирле-катынны мужъ съ женою, супруги; -ляр, -неке свойственный мущинамъ; -сез не имеющая мужа, безмужная: ирсез катын – жогянсез ат жена безъ мужа – лошадь безъ узды (послов.) [О., 1892, с. 97]. В одной словарной статьѣ преведено три пословицы. Этотъ приемъ, во-первыхъ,

способствует знакомству читателя с фольклором; во-вторых, показывает хорошее знание автором устного народного творчества татарского народа.

При рассмотрении своеобразных языковых реалий, т. е. лексических единиц, отражающих культуру, быт, традиции и обычаи народов, и при отсутствии точного эквивалента в переводимом языке в двуязычных словарях широко используется метод перевода слов путём разъяснения обозначаемых ими значений. Н.П.Остроумов приводит в своём словаре лингвистические иллюстрации к словам, т.е. почти каждое слово объясняется с учётом особенностей словообразования, например: **арямя** – низкое место (по большей части около реки), густо заросшее преимущественно жирек, а также и другими деревьями балан, миляш, шоморт; -лек то же самое: [О., 1892, с.22], **каймак** – густыя сливки снимаются съ варенаго молока (любимое у крещёных татарь угощение) [О., 1892, с.104], **нагышь** – узоры, вышитые шелкомъ на платке , назначаемомъ для женского наряда... [О., 1892, с.152], **какы** – болотное растение, употребляемое бочарами для законопачивания бочек [О., 1892, с. 106], **калак** – лопатка (деревянная, а также и часть тела), мешалка, чайная ложка: сука калагы палици (часть сохи) [О., 1892, с. 106], **кашка** – съ белымъ пятном на лбу (лошадь) [О., 1892, с. 115]; **курт** – крутой, тяжелый характеромъ, ул бик курт кеше – онъ очень крутой человекъ [О., 1892, с. 132], **тиле** – глупый, дуракъ: тилегэ тюря жук – дураку начальства нетъ; тиле таш жыя – дурак камни собираетъ, тиленен эше кара бозау теше – дело глупаго – зубы чернаго теленка; тиле белян табма да оляшмя дя – съ дуракомъ и не находи и не дели; тиле белян донья тулган – мир полнень дураками [О., 1892, с. 196]и т.д.

Н.Остроумов даёт описание лексических единиц, характерных для христианской религии: **питрау** – Петровъ день, праздникъ, чествуемый особенно крещенно-татарами Мамадышскаго и Лаишевскаго уездовъ [О., 1892, с.162], **теяберсень** – это слово произносится на поминкахъ по умершемъ человеке съ присоединениемъ его имени, при этом вкушаютъ блины, кашу [О., 1892, с.195].

В отличие от первого словаря Н.Остроумова, словник данного лексикографического труда небольшой, он включает – всего 1710 слов. Но каждое слово переводится сначала эквивалентом, а затем дается тщательное объяснение, толкование слова и его вариантов.

«Татарча-русча лөгать китабы» («Татарско-русский словарь»)⁵

К.Насыри

Каюм Насыри (1825–1902) – великий татарский просветитель. Его творческое наследие исследовано М.Гайнуллиным (1948), В.Хангильдиным (1948), М.Закиевым (1978), Г.Насыровой (2002) и другими учеными.

Словари К.Насыри впервые были исследованы В.Хангильдиным. Об этом словаре исследователь пишет: «Книга К. Насыри «Татарча-русча лөгать китабы» начала составляться ещё в 1859 году. Но, по каким-то причинам, издание её затянулось» [Хангилдин, 1948, б.80].

К.Насыри родился 14(2) февраля 1825 года в деревне Верхние Ширданы Свияжского уезда Казанской губернии (ныне Зеленодольский район РТ). Предки его были очень образованными для своего времени людьми. О своём отце Габденнасыре и деде Хусаине Каюм Насыри писал: «Мой дед Хусаин жил недолго. Будучи большим знатоком языка, он написал ряд книг по синтаксису и этимологии. Моего отца звали Габденнасыром. Он хорошо владел русским языком. Он хорошо владел пером, и сейчас имеется около двадцати пяти книг, переписанных им. Хорошо знал персидский и арабский языки» [цит. по Гайнуллин, 1948, б.7].

Детские годы К.Насыри прошли в родной деревне. Первоначальное образование он получил в мектебе своего отца. В 1841 году в Казани Каюм начал учиться в медресе пятого прихода «Касимия». Здесь он изучал турецкий, арабский и персидские языки. В то же время, кроме

⁵ Мы ограничимся лишь описательной характеристикой данного словаря, так как её полный лингвистический анализ содержится в кандидатской диссертации Г.Г.Насыровой [Насырова, 2002].

совершенствования знаний в области родного татарского языка, тайно изучал и русский язык [Гайнуллин, 1948, б.7].

К.Насыри был вольнослушателем Казанского университета, где изучал русский язык. В 1855 – 1871 годах преподавал татарский язык в Казанском духовном училище и Казанской духовной семинарии. В 1871 году в Казани организовал свою школу. С 1879 года занимался творческой и научной деятельностью. Исследователи отмечают, что К.Насыри внёс большой вклад в развитие различных отраслей гуманитарных наук, заложил основы современного татарского литературного языка, его научной терминологии. К.Насыри является автором трудов по фонетике и грамматике – «Әнмүзәж» («Образец», 1895), лексикографии татарского языка (двухязычные словари, первый толковый словарь «Ләһжәи татари» («Толковый словарь татарского языка») в двух томах, 1895–1896), научно-популярных произведений, первых татарских календарей. Много внимания он уделял изучению истории края, татарского народа, его фольклора и этнографического наследия. Им написаны также труды по литературе, педагогике, земледелию, ботанике, медицине, составлены учебники по арифметике, геометрии, географии [ТЭС, 1999, с.388].

Большую поддержку в издании татарско-русского словаря К.Насыри оказал торговец Ф.Х.Амашев. Словарь был издан в 1878 году. Словарь объёмом 120 страниц является практическим руководством, необходимым для обучения татар русскому языку, а русских – татарскому. Словарь включает 2923 слова. По мнению многих учёных и педагогов-практиков, 1500 – 3000 слов считается достаточной лексической базой для свободного общения на том или ином языке. К. Насыри, исходя из своего педагогического опыта, доказал это 130 лет назад.

Словарь имеет предисловие, в котором приводятся краткие сведения по фонетике татарского и русского языков. Об этом свидетельствуют заголовки, как «Рус азбукасында хәрәкәткә йөри торган хәрәфләр» («Русские буквы»), «Слоглар» («Слоги»), «Ударение бәянында» («Об ударении»). «Мы

вынуждены использовать свои три буквы для обозначения в письме нескольких гласных русского языка, но это не возможно», – утверждает автор [Насыри, 1878, с. 3–4]. Он отмечает также, что в русском языке существуют заглавные и строчные буквы, что письмо осуществляется слева направо, указывает на сходства и различия слогов и ударения в этих языках. Ученый подчёркивает, что в татарском языке ударение падает, как правило, на последний слог, а в русском – на разные, и в зависимости от ударения меняется значение слова.

По принципам построения эта работа похожа на современные словари. Слова в ней расположены в алфавитном порядке. Данный порядок относится не только к первой букве слов, но и к последующим. Материал разделён на четыре столбца: в первом даны татарские слова в алфавитном порядке на арабской графике (в алфавитном порядке арабского языка); во втором – транслитерация слов русскими буквами, т.е. татарские слова, написанные русскими буквами; в третьем – перевод слов на русский язык, в четвёртом – русское слово на арабской графике. Этот принцип широко использовался в словарях XIX века. Такая методика преследовала цель наиболее адекватно представить фонетическое звучание слова (т.е. произношение) на татарском языке, а также особенности написания.

В связи с тем, что у каждого языка существует собственная лексико-семантическая система, не всегда слово в одном языке можно объяснить словом из другого (особенно если данные языки не являются родственными). Поэтому при переводе некоторых слов, при пояснении их значений авторы словарей успешно использовали синонимы. В некоторых случаях слову одного языка может соответствовать несколько контекстуальных эквивалентов другого языка. В словарях К.Насыри встречаются синонимичные ряды, служащие переводными эквивалентами, которые состоят, в основном, из двух, но в некоторых случаях – из трех, четырёх и пяти компонентов. Например: **эсселек** – жар, зной [Н., 1878, с. 17],

боронь – нос, клюв [Н., 1878, с. 32],

мяглюмь-итмякь –

извещать, объявить [Н., 1878, с.103], **тыныч** – спокойный, тихий [Н., 1878, с. 76], **эмма** – но, однако [Н., 1878, с.19], **гайре** – иной, прочий [Н., 1878, с. 79], **кайгурмак** – печалиться, горевать [Н., 1878, с. 86], **себерке** – веник, метла [Н., 1878, с. 63] и т.д.

К.Насыри переводит путём объяснений слова, относящиеся к исламской религии, разного рода термины: **хаджъ** – путешествие в Мекку [Н., 1878, с. 56], **харамъ** – запрещенный шаригатом [Н., 1878, с. 56], **халяль** – дозволенный шаригатом [Н., 1878, с. 56], **хадисъ** – предание, слова, речи пророка относительно религии [Н., 1878, с. 56], **хотба** – речь в похвалу Бога, пророка, асхабов во время полуденного намаза въ пятницу (джомга хотбасе) [Н., 1878, с.57], **хур** – черноглазая райская девица [Н., 1878, с.56], **зекать** – сороковая часть всего имущества, отдаваемая въ милостыню [Н., 1878, с.62], **сахабя** – тотъ, кто успель беседовать съ пророкомъ Мухаммедомъ [Н., 1878, с.70], **моридъ** – ученикъ какой-либо аскетической общины [Н., 1878, с.102], **минбяръ** – кафедра хатыба въ мечети [Н., 1878, с. 104].

«Татарча-русча лөгать китабы» («Татарско-русский словарь») К.Насыри, благодаря своей научной значимости, является лексикографическим памятником и во многих отношениях может служить примером для составителей двуязычных словарей на современном этапе.

«Краткій татарско - русскій словарь съ прибавленіемъ некоторыхъ славянскихъ словъ съ татарскимъ переводомъ»

Православные миссионеры XIX века сыграли большую роль в изучении языков, фольклора и этнографии тюркских народов. Учителя татарского языка, преподававшие в религиозных учебных заведениях для христиан, также являлись сторонниками этого движения. Идеальным татарским языком они считали говор крещёных татар, поэтому он и являлся предметом их изучения.

Православные миссионеры внесли заметный вклад в татарскую лексикографию. «Краткий татарско-русский словарь с прибавлением

некоторых славянских слов с татарским переводом», составленный членами Миссионерского общества святителя Гурия, издавался, издавался пять раз, но ни одно из его изданий, а также лексический состав словаря до сих пор не изучены (Казань, 1880. – 55 с.; 1882. – 55 с.; 1886. – 96 с.; 1888. – 96 с.; 1891. – 96 с.).

Два словаря (1880, 1882) были изданы в типографии М.А.Гладышевой, которая располагалась на Николаевской площади в доме Курманаева. Эти труды являлись интеллектуальной собственностью православного Миссионерского общества. «Разрешение на печать» было дано Советом Братства святителя Гурия 8 июля 1880 года.

Братство святителя Гурия (Миссионерское общество святителя Гурия) было создано в 1867 году в Казани с целью распространения христианства среди нерусского населения Казанской губернии. Основными направлениями его деятельности являлись открытие школ для «иногородцев», переводы и издание церковной литературы на языках народов Поволжья и т.д. Братство прекратило своё существование в 1917 году [ТЭС, 1999, с.90].

По решению Совета Братства в 1886, 1888, 1891 годах в типографии М.А.Чирковой были напечатаны тиражи новых вариантов данного словаря. В них был добавлен грамматический материал, что отразилось и на названии словаря: «Краткий татарско-русский и славянско-татарский словарь съ прибавлениемъ оснований русской грамматики».

Формат всех словарей – 10x17,5. Составлены они по тематическому принципу.

«Краткій татарско-русскій словарь съ прибавленіемъ некоторыхъ славянскихъ словъ съ татарскимъ переводомъ» был напечатан в типографии М.А.Гладышевой в 1880 году. Словарь, объёмом 55 страниц, составлен по тематическому принципу. Выделены 43 тематические группы, всего зафиксировано 983 слова. Названия групп даны как на татарском, так и на русском языке: **ишек алдындагы каралдылар** – строенія на дворе, **ашамлыклар** – съедобное, **жорт кошлары** – домашнія птица, **сугыш**

кораллары – орудія, **кейемняр** – одежда, **агач атлары** – названія деревьевъ, **донья жаклары** – страны света, **багыт** – время, **акча исабе** – денежный счетъ, **улчяуляр** – весы, **буйга улчяу** – меры протяженія, **сыйык нястяне улчяу** – меры жидкости, **ой** – домъ, **ой эчендяге нястяляр** – вещи въ доме, **жимешляр** – плоды, **гомбяляр** – грибы, **курнемей торган нястяляр** – предметы отвлеченныя, **уйынчыклар** – игрушки, **чиркяу айберляре** – церковныя вещи, **укыту нястяляре** – учебныя вещи, **тешлей торган ыуак ज्याннекляр** – насекомыя, **кейекляр** – звери, **жирянгеч ज्याннекляр** – гады, **жорт терлекляре** – домашнія животныя, **эчемнекляр** – напитки, **кеше тяненен саннары** – состав человеческого тела, **ындырдагы нястяляр** – вещи на гумне, **кыр кошлары** – дикія птица, **урман кошлары** – лесныя птица, **ауадагы нястяляр** – предметы небесныя, **бакча** – огородъ, **мунча** – баня, **жир** – земля, **тосляр** – цвета, **балчык эчендяге нярсяляр** – мелаллы, **ташлар** – камни, **нястянен ничеклеге** – качества, **ден сюзляре** – слова веры, **балта остасынын кораллары** – плотничьи инструменты, **тимерче** – кузнецъ, **ашлыклар** – хлеба, **улямняр** – растенія, **кыйлану сюзляре** – глаголы.

Правописание слов приведено нами именно так, как предложено пользователю словаря. Авторы данных трудов использовали алфавит миссионера и профессора Казанского императорского университета Н.И. Ильминского.

В тюркологии существуют различные точки зрения на чередование **й~ж** в начальной позиции слова. М.Кашгари в своём известном словаре отмечал: «Огузы и кыпчаки изменяют начальную букву существительных и глаголов, начинавшихся на [й] звук [ж]». В.В.Радлов, В.Богородицкий, Л.Залая объясняют это явление особенностью кыпчакских языков [Хаков, 2003, б. 114].

В словаре ярко выражено сильное **ж-канье**, присущее говорам крещёных татар: **жорт** [Кр., 1880, с.1], **жядря** [Кр., 1880, с.3], **жаулык** [Кр., 1880, с.6], **жапырак** [Кр., 1880, с.7], **жомочка** [Кр., 1880, с.7], **жыл** [Кр., 1880, с.8], **жылан** [Кр., 1880, с.18], **жоряк** [Кр., 1880, с.20], **жяшен** [Кр., 1880, с.23].

В словаре, составленном на материале говоров крещёных татар, имеют место такие чередования, как **п~ф** : **пел** – *фил* [Кр., 1880, с.17], **пярштя** – *фәрештә* [Кр., 1880, с.28]; **б~w** : **багыт** – *вакыт* [Кр., 1880, с.8]; **ч~с** : **чишяambe** – *сишәмбе* [Кр., 1880, с.9], **чыуалчан** – суалчан [Кр., 1880, с.18]; **б~ф** : **шкаб** – *шкаф* [Кр., 1880, с.12]; **к~х** : **канжар** – хәнжәр [Кр., 1880, с.5]; **ж~з** : **жирек** – зирек [Кр., 1880, с.7]; **н~л** : **жондоз** – йолдыз [Кр., 1880, с.23].

Большое внимание уделено губной и небной гармонии гласных, ассимиляции согласных, что, видимо, объясняется стремлением передать адекватное звучание слов для изучающих татарский язык: **сбт**, **сбт бстб**, **сбнгб**, **ббрб**, **тбшлбк**, **ббгбн**, **блбш**, **брлбк**, **шоморот**, **борон**, **болот**; **сойкомне**, **тямне**, **белемне**, **белемнек**, **ашамнык** и др.

В некоторых единицах словаря нашло отражение также явление протезы, т.е. добавления гласных в начале слова. Эта закономерность, характерная для русских заимствований, наблюдается и в арабских словах: **эзяр** – пояс [Кр., 1880, с.6], **эшям** – свечка [Кр., 1880, с.12], **эшямдял** – подсвечникъ [Кр., 1880, с.12].

Многие слова, зафиксированные в тематических группах словаря, и ныне активно употребляются в татарском языке без всяких изменений, составляя его основную лексическую базу: **койма**, **аш**, **токмач**, **каз**, **тауык**, **кылыч**, **тун**, **чалбар**, **ботак**, **миляш**, **тал**, **чыршы**, **ай**, **атна**, **ирта**, **идян**, **такта** и др.

В словаре встречаются и диалектные единицы, характерные для разных говоров, но в небольшом количестве: **бистяр** – полотенце [Кр., 1880, с.6; ТТДС, 1969, б.88], **туйра** – дубнякъ [Кр., 1880, с.7; ТТДС, 1969, б.424], **эт бороно** – шиповникъ [Кр., 1880, с.8; ТТДС, 1969, б.609], **княген** – вчера [Кр., 1880, с.9; ТТДС, 1969, б.238], **тустаган** – стаканъ [Кр., 1880, с.10; ТТДС, 1969, б.429], **айбагыр** – подсолнечникъ [Кр., 1880, с.23; ТТДС, 1969, б.27], **гердя** – булка [Кр., 1880, с.4; ТТДС, 1969, б. 117], **шяйке** – шайка [Кр., 1880, с.24; ТТДС, 1969, б.520], **ачыткы** – квась [Кр., 1880, с.19; ТТДС, 1969, б.57], **чем** – ветвь [Кр., 1880, с.8; ТТДС, 1969, б.480].

Среди лексических единиц, зафиксированных в словаре, много русских заимствований. Большую их часть составляют слова, подчинённые фонетическим законам татарского языка и не имеющие эквивалентов: **клят** – клеть [Кр., 1880, с.3], **пряник** – пряникъ [Кр., 1880, с.4], **эштей** – щи [Кр., 1880, с.4], **бурья** – бревно [Кр., 1880, с. 7], **пот** – пудъ [Кр., 1880, с.9], **биршук** – вершокъ [Кр., 1880, с.10], **скамья** – скамейка [Кр., 1880, с.11], **самауыр** – самоваръ [Кр., 1880, с. 11], **укыуат** – ухватъ [Кр., 1880, с.12], **шкаб** – шкафъ [Кр., 1880, с.12], **тетрадь** – тетрадь [Кр., 1880, с.16], **грифел** – грифель [Кр., 1880, с. 16], **наливка** – наливка [Кр., 1880, с.19], **рум** – ромъ [Кр., 1880, с.19], **лачынка** – носилки [Кр., 1880, с.21], **салам** – солома [Кр., 1880, с. 21], **скерт** – скирдъ [Кр., 1880, с.21], **упунка** – опенки [Кр., 1880, с.13], **струг** – настругъ [Кр., 1880, с.29], **клящя** – клещи [Кр., 1880, с.29], **пичеркя** – печурка [Кр., 1880, с.11], **пудаука** – пудовка [Кр., 1880, с.10], **арган** – орган [Кр., 1880, с.14]. Лишь слово «тетрадь» в татарском языке имеет эквивалент «дәфтәр» из персидского языка, но составители его не указывают.

Лексический состав словаря близок современному татарскому языку. Лишь несколько лексических единиц, что зафиксированы в словаре, забыты и ныне не употребляются. Это: **сага** – мячь [Кр., 1880, с.14] – в совр. тат. языке – туп, **шакмак** – шашка [Кр., 1880, с. 14] – в совр. тат. языке – шашка; **канат сабы** – ручка [Кр., 1880, с.16] – в совр. тат. языке – каләм, ручка; **бурлы** – бурый [Кр., 1880, с.25]. Слово **бурлы** не сохранилось в татарском языке, оно встречается только в составе лексемы **бурлы бия**. В русском языке функционирует прилагательное **бурый**. По мнению учёных, прилагательное «бур», означавшее в тюркских языках медно-красный цвет, происходит от персидского «boḡ» – каштановый. В русский язык слово пришло из тюркских языков [Шан., с.64].

В словаре включены такие слова, как **мялячек** – чохоль, наколка [Кр., 1880, с.6], **муйын жака** – нашейникъ [Кр., 1880, с. 6], **татар атнасы** – пятница [Кр., 1880, с.9], **кече атна** – четвергъ [Кр., 1880, с.9], относящиеся к

этнографической лексике. Все они в основном относятся к этнографии и говору крещёных татар, но некоторые встречаются и в говорах мишарского диалекта.

В приложении «Церковно-славянские слова» зафиксировано 315 слов, которые полностью относятся к сфере религии.

Отметим в заключение, что данный словарь издавался пять раз, следовательно, он был востребован.

1.4.3. «Краткій татарско-русский и славяно-татарскій словарь съ прибавленіемъ основаній русской грамматики»

Данный словарь, являющийся четвёртым изданием словаря православного Миссионерского общества, был издан в 1888 году в типографии М.А.Чирковой. Печатался он по рекомендации Совета Братства святителя Гурия.

Корпус словаря состоит из 45 тематических групп. Названия групп даны и на татарском, и на русском языке. Расположение тематических групп в нём иное, чем в первом словаре. Порядок их таков: **кеше тяненен саннары** – состав человеческого тела, далее **кеше няселе** – родство, **кеше аталыуы** – названия, **настянен аты урынына куйыла торган сюзляр** – местоимения, **укыту нястяляре** – учебные вещи, **кейемняр** – одежды, **ашамлыклар** – съедобное, **ашамныка тям биря торган нястяляр** – приправы, **эчемнекляр** – напитки, **ашлыклар** – хлеба, **улямняр** – травы, **жимешляр** – плоды, **бакча жимеше** – огородная овощь, **ой нястясе** – изба, **ой эчендяге нястяляр** – вещи в доме, **шыуышыб жорой торган жяннекляр** – гады, **сугыш кораллары** – оружія, **жир** – земля, **балчык эчендяге нярсяляр** – минералы, **санау атлары** – имя числительное, **акча исабе** – денежный счётъ, **ауырлык улчяуляре** – меры веса, **улчяу саутлары** – меры сыпучихъ тель, **буйны улчяуляр** – меры длины, **кагаз улчяуляре** – меры бумаги, **гомбяляр** – грибы, **ишек алдындагы каралдылар** – строенія на дворе, **ындырдагы нястяляр** – вещи на гумне, **жорт терлекларе** – домашнія животныя, **кошлар** – птицы,

кейекляр – звери, **уйыннар**, **уйынчыклар** – музыки, игрушки, **агач атлары** – названія деревьевъ, **ауадагы нястяляр** – предметы небесные, **донья жаклары** – страны света, **тосляр** – цвета, **багытлар** – время, **уй белян**, **сизеу белян тоя торган нястяляр** – предметы отвлечённые и чувственные, **сояксез жяннекляр** – насекомья, **балта остасынын кораллары** – плотничьи инструменты, **тимерченекляр** – кузнечные, **нястянен ничеклеге** – качества, **кыйланулар** – глаголы, **ден сюзляре** – слова веры, **чиркяу айберляре** – церковныя вещи.

Некоторые тематические группы первого словаря пропущены или названы по-другому.

Отсутствуют такие группы, как **жорт кошлары** – домашняя птица, **улчяуляр** – весы, **буйга улчяу** – меры протяжения, **сыйык нястяне улчяу** – меры жидкости, **ой** – домъ, **курнемей торган нястяляр** – предметы отвлеченные, **уйынчыклар** – игрушки, **тешлей торган ыуак жяннекляр** – насекомья, **жирянгеч жяннекляр** – гады, **кыр кошлары** – дикія птица, **урман кошлары** – лесныя птица, **бакча** – огородъ, **мунча** – баня, **ташлар** – камни, **кыйлану сюзляре** – глаголы.

Состав лексики идентичен предыдущим словарям. Отражение своеобразной орфографической нормы слов свидетельствует о том, что авторы строго придерживались миссионерских принципов, т.е. в первую очередь обратились к говору крещёных татар.

В названии словаря указано, что он является и славяно-татарским, что подтверждает последняя тематическая группа, в которой представлены церковно-славянские слова. В этой части словаря ярко выражена его основная – миссионерская цель.

Кроме корпуса, данный словарь, в отличие от своего предшественника, имеет приложение «Грамматикадан аитеу». Грамматическую категорию рода авторы объясняют очень доступным способом: «Урысча телдя нястя исемнярен барын очкя бюляляр; бюлемнярнен зат диб айтляр.

Ъ-га, Ь-гя, Й-га беткян исемнярне ир заты дейляр.

О-га, Е-га, Мя-гя беткян исемнярне урта зат дейляр.

А-га, Я-га, Ы-гя беткян исемнярне катын заты дейляр.

Шул оч зат оч торло торляня.

Татарча телдя исемняр бар да Бер зат белян сойляшеня, шунар кюря исемнярнен торлянеуе дя бер торло» [Кр., 1888, с. 83].

Приведено склонение имён существительных в разных родах и в числах, склонение имён существительных во множественном числе, уделено внимание и такой грамматической категории, как спряжение глаголов.

Представлены своеобразные грамматические термины: уткян багыт (в сов. тат. яз. үткән заман (прошедшее время)), буласы багыт (в сов. тат. яз. киләчәк заман (будущее время)), кушкандагы торлянеу (в сов. тат. яз. боерык наклонениеесе (повелительное наклонение)).

Даны предложения на русском языке для разбора и для упражнения в правописании, а также подборка не связанных по смыслу предложений, состоящих из двух или трех слов: **Спрячьте свои тетради. Дети играли на дворе. Мчится тройка удалая. Гони гусей домой. Къ намъ приехали гости. Стальное перо испортилось.**

В заключение отметим, что данный словарь был очень удобен для изучающих татарский язык, поскольку авторы при его составлении учли все особенности обучения другому языку. Включение в него лишь активных и необходимых для общения единиц, разделение их на тематические группы, попытка отразить фонетические законы языка в письме, работа в большей части случаев с эквивалентами слов при переводе, подача грамматического материала, – всё это свидетельствует о богатом лексикографическом опыте составителей данного словаря.

«Полный русско-татарский словарь с дополнением из иностранных слов, употребляемых в русском языке как научные термины» К. Насыри

Русско-татарский словарь К. Насыри, изданный в 1892 году, считается значительным лексикографическим трудом второй половины XIX века. Его точное название – «Полный русско-татарский словарь с дополнением из

иностранных слов, употребляемых в русском языке как научные термины». Его объём – 263 страницы. В словаре зафиксировано 18410 слов.

«К. Насыри составил данный словарь в форме справочника и учебного пособия для татар, изучающих русский язык» [Хангилдин, 1948, б.82]. Во вступительной части автор говорит о том, что словарь является результатом 35-летней научной деятельности автора; утверждает, что «до сих пор у нас не изучали язык». К. Насыри даёт советы изучающим русский язык, при этом он ставит четыре условия: 1) Необходимо знать некоторые слова. Постепенно усваивать новые слова и пополнять свой словарный запас точно так, как пополняют ведёрко собранными ягодами. 2) Необходимо знать произношение звуков. 3) Необходимо знать морфологию и синтаксис изучаемого языка. («Нельзя изучить язык лишь на уровне написания адреса на конверте, так как в этом случае изучающие никогда не достигнут своих целей», – утверждает К. Насыри, при этом указывая на то, что изучение языка должно основываться на базе сравнительного метода). 4) Необходимо учитывать все особенности русских префиксов. Нетрудно заметить, что, по сравнению с тремя предыдущими, этот тезис носит более частный характер. Однако автор имеет в виду один из важнейших вопросов русской грамматики, который является чрезвычайно трудным для нерусских учащихся.

Относительно методики составления этого словаря отметим, что автор пользуется разными приёмами: методом перевода, методом использования параллельных материалов и, наконец, методом истолкования. С учетом последнего его «Полный русско-татарский словарь с дополнением из иностранных слов, употребляемых в русском языке как научные термины» уже переходит в разряд толковых словарей. Едва ли нужно приводить примеры тех случаев, когда какому-нибудь русскому слову, обычно имеющему конкретное значение, даётся его полный эквивалент на татарском языке: аистъ – [Н., 1892, с. 5], барсь – [Н., 1892, с. 7] и т.д.

Довольно часто перевод объединяется с приёмом употребления синонимов. Учитывая наличие в современном ему татарском языке

нескольких стилей, автор использует наряду с татарскими словами и арабо-персидскую лексику: армия – [Н., 1892, с. 6], арбузь – [Н., 1892, с. 6] и др.

Приведём несколько примеров, иллюстрирующих метод истолкования заголовного слова: аллея – [Н., 1892, с. 5], ампутация – [Н., 1892, с. 5], глазурь – [Н., 1892, с. 30], акробать – [Н., 1892, с. 5], актёр – [Н., 1892, с. 5].

Специфические термины обычно передаются или арабскими словами, или путем истолкования, иногда оба способа объединяются: атом – , барбарис , архитектор .

Особую значимость словарю придаёт ещё одно обстоятельство. Автор даёт отнюдь не механический перевод слов и терминов, а всюду, по возможности, отмечает специфические особенности татарского языка по сравнению с русским, например, брат – [Н., 1892, с.11]. Далее он дифференцирует это путём словосочетаний, как это делается и в татарском языке: брат старший – , брат младший – [Н., 1892, с. 11] Русское слово «ваш» в татарском языке имеет, как известно, два соответствия: **сезнең** и **сезнеке**. К.Насыри сначала приводит оба: ваш – - , а затем даёт словосочетание: ваш брат – [Н., 1892, с. 11].

К.Насыри даёт точный перевод прилагательных при помощи словообразовательных аффиксов, имеющиеся в татарском языке, или приводит фразеологические обороты, из которых видно, что полное соответствие данному прилагательному можно получить только в реальном синтаксическом контексте: конный – [Н., 1892, с. 72], морской – [Н., 1892, с. 79], денежный – [Н., 1892, с. 35.], больной – [Н., 1892, с. 10], золотой – [Н., 1892, с.24].

Та же филологическая чуткость автора присутствует и в вопросе о соотношении прилагательных и наречий: аккуратный – , аккуратно-

[Н., 1892, с. 5], медленно – , медленный – [Н., 1892, с. 78], милостиво – , милостивый – [Н., 1892, с. 79].

К.Насыри внимателен к грамматической категории женского рода. Если есть возможность передать это различие посредством отдельного слова, он делает это, например: возлюбленный – , возлюбленная – [Н., 1892, с. 22] Иногда в скобках даются пояснения относительно рода, например: «плясун» – (мозэkkэр), и «плясунья» – (мөэnnэс) [Н., 1892, с. 148].

Большое внимание автор уделяет точному переводу русских глагольных видов: закончить – , заканчивать [Н., 1892, с. 49], разбивать – , разбить – [Н., 1892, с. 166], разглядывать – , разглядеть – [Н., 1892, с. 167]

«Полный русско-татарский словарь...» К.Насыри включает в себя 18 410 единиц. Расположены они в алфавитном порядке русского языка и написаны в соответствии с орфографией того времени. Перевод слов даётся арабской графикой. На последней странице словаря имеется таблица, в которой указаны номера страниц, где слова начинаются с новой буквы алфавита. В конце словаря под заголовком «Элфаз эжнэбия», т. е. «Иностранные слова» К.Насыри расположил слова и термины, пришедшие в русский язык из других языков. Здесь собрано около 1700 общественно-политических, научно-технических и других терминов: **артиллерия, антропология, барометр, бисквит, вентилятор, дидактика, консул, ланцет, манускрипт, ландшафт, микрография, неврология, орфография, планета, рейд, реформа, риторика, система, текст, темперамент, хронография, фотография, эксперт, этикет, эфир, цилиндр, юбиляр** и др. Перевод русских заимствований и приложение к ним пояснений на татарском языке повышают ценность словаря и делают его презентабельным не только для своего времени.

М. Гали в статье, опубликованной в 1939 году в журнале «Совет эдэбияты» («Советская литература») писал о словаре К.Насыри: «Содержание данного русско-татарского словаря очень скудное для нашего времени и не

удовлетворяет потребность рабочих и крестьян, читающих газеты, журналы и литературу», «в этом словаре нет таких слов, как радио, трактор, комбайн, поезд, что автор словаря даёт объяснения в виде длинных предложений» и т.д. [Гали, 1939, б.82–83]. Подобные нелепые в своей неисторичности замечания, продиктованные не только профессиональной некомпетентностью, но и идеологическим рвением их авторов, ни в коей мере не умаляют тот факт, что в словаре К.Насыри отражён богатейший лексический материал, который был в распоряжении татарского народа в конце XIX века. Словари К.Насыри выделялись количеством и видами включённых в них слов, методами перевода лексических единиц. Они служили важным подспорьем в изучении современниками татарского и русского языков.

Словарь Шигабутдина Габделгазиза «Перевод с татарского на русский и с русского на татарский или словарь»

Жизнь и деятельность талантливого писателя, переводчика, автора многочисленных словарей, учебников и самоучителей Ш.Габделгазиза практически не изучена. Не известны даже годы его жизни, в источниках они указаны по-разному. Отсутствуют точные сведения и в архивных фондах. Лишь прошение крестьян, написанное в январе 1888 года, содержит некоторую информацию: здесь упоминается, что Ш.Габдельгазизу в то время было тридцать лет [НА РТ, ф. 2, оп. 2, д. 3423]. Исходя из этого, датой его рождения можно указать 1858 год.

Рахматуллин Шигабутдин Габдельгазизович родился в семье муллы в деревне Имянлебаш Свияжского кантона (ныне деревня Малое Русаково Кайбицкого района). Обучался в Апанаевском медресе в Казани. Прошёл военную службу, в этот период изучал русский язык и служил писарем [Валидов, 1923, с.43]. Получил должность унтер-офицера. Согласно материалам архива, окончив службу, он работал писарем общества крестьян в

селе Новый Студенец Буинского уезда Симбирской губернии [НА РТ, ф. 2, оп. 2, д. 3423].

Отец Шигабутдина, Габдельгазиз Рахматуллин, в 1863–1907 годах был муллой в селах Старое Русаково и Чукри Улан. Получил степень учителя и имам-хатиба.

Когда в 1886 году умер второй мулла духовного прихода в селе Малое Русаково Ахмет Бикмаметов, жители написали в управление полиции уезда письмо с просьбой назначить на его место Шигабутдина. Некоторое время прошение оставалось без ответа по причине недостаточного количества крестьян в Малом Русаково и Чукри Улан, что «вынуждало отказаться от услуг второго муллы». Но всё же Шигабутдина назначили муллой духовного прихода в эти сёла, там же в то время работал и его отец.

В архиве сохранилась справка, полученная Шигабутином Рахматуллиным от Оренбургского Мусульманского Духовного собрания, которое посчитало его «способным быть имам-джамигом, хатыпом и мударрисом» [НА РТ, ф. 2, оп. 2, д. 3423].

В 1907 году Габделгазиз Рахматуллин «по причине старости отказался быть муллой» и предложил на своё место внука Гирфана Мингазетдинова. Члены прихода были согласны, но при этом обратились к властям с письменной просьбой отстранить Шигабутдина от должности муллы по причине неисполнения им своих обязанностей и «неспособности деревни содержать двух мулл». Шигабутдин же написал, что он «не против назначения Гыйрфана Мингазетдинова муллой», но не согласен на то, чтобы его назначили старшим муллой вместо отца.

Управление Казанской губернии отправило в Оренбургское Мусульманское Духовное собрание рапорт «об изъятии указа» у Шигабутдина Рахматуллина по причине его безнравственного поведения. Однако сельское общество отвергало рапорт под предлогом того, что «данные факты не были найдены». В результате, Шигабутдин остался приходским муллой, а Гыйрфан Мингазетдинов не получил указа о назначении по

причине недостаточной образованности и потому, что в деревне по правилам должен быть только один мулла [НА РТ, ф. 2, оп. 2, д. 7865].

Члены прихода выразили своё несогласие по этому поводу. Шигабутдин постоянно находился в Чукри Улане, поэтому крестьяне села Малое Русакова стали просить нового муллу. Возникли слухи о делении прихода на две части по причине значительного расстояния между сёлами (7 километров). Однако дело было закрыто властями [НА РТ, ф. 2, оп. 2, д. 7865]. На основании этих сведений можно заключить, что Ш. Рахматуллин (Шигабутдин Габдельгазиз) был довольно противоречивой личностью. Ознакомление с рукописями и письмами Ш.Рахметуллина, адресованными в управление губернии, показало, что это был образованный и интеллигентный человек. Его письма на русском языке написаны очень грамотно, свои мысли он выражает доходчиво и логично. В одной из своих жалоб он даже обвинил управление [НА РТ, ф. 2, оп. 2, д. 7865].

Свои труды Ш.Рахматуллин подписывал по-разному, зафиксированы следующие его псевдонимы: Шигабутдин Габдельгазиз, Шигабетдин Рахметуллин Имянлебаши яки Чукры Аланлы.

Неизвестна и дата смерти Шигабутдина Газизовича. Его «Русча-татарча тулы лөгать» («Полный русско-татарский словарь») написан в 1920 году. Дж.Валиди в своей работе 1923 года утверждает о здравии Ш.Рахматуллина [Валидов, 1923, с.43]. В других источниках точных сведений об этом нет.

Можно выделить несколько направлений в деятельности Ш.Рахметуллина. Первое – его учебники. В Научной библиотеке им.Н.И.Лобачевского хранится его рукопись «Яңа элифбаи төрки» («Новая тюркская азбука»). Написана она была в 1893 году, но по каким-то причинам не издана. Учебник был переведён Салимом Сабитовым.

Азбука начинается с методических указаний автора. В ней предложены алфавит, упражнения для чтения, слова и предложения. В форме вопросов и ответов приводится материал для нравственного и религиозного воспитания.

Во второй части азбуки представлены алфавит и грамматика арабского языка, а также некоторые молитвы [Фэтхи, 1968, б.20].

«Гыйльме хисап рисаләсе» («Сборник научной математики») – это второй учебник, переведённый Салимом Сабитовым. В этом учебнике по арифметике приводятся «цифры, понятия о вычислительных действиях и задачи» [Фэтхи, 1968, б.21].

Ш.Рахматуллин – автор учебника по географии. В 1899 – 1905 годах увидело свет несколько изданий учебника «Жәгърәфия гомумия» («Общая география»).

Ш. Рахматуллин внёс значительный вклад в обучение татар русскому языку как автор словарей и самоучителей. Известны два его словаря: «Татар теленнән русчага һәм рус теленнән татарчага тәржемә яки лөгәть» («Перевод с татарского на русский и с русского на татарский или словарь», 1893) и «Русча-татарча тулы лөгәть» («Полный русско-татарский словарь»). Последний был создан в начале 1920-х годов. Словарь состоит из двух частей, до наших дней дошла лишь вторая его часть в рукописном варианте. Слова в словаре приведены с переводами и объяснениями [Фэтхи, 1968, б.21].

Были широко распространены и многочисленные издания самоучителей Ш.Рахматуллина: «Самоучитель татарского языка русским и русского языка татарам» (в 1894 – 1914 годах издавался 8 раз), «Самоучитель Русского и Татарского языков. Словарь» (1914) и «Самоучитель киргизского языка русским и русского языка киргизам» (1914).

Книга Ш. Рахматуллина под названием «Татар теленнән русчага һәм урыс теленнән татарчага тәржемә лөгәть яки словарь» («Перевод с татарского на русский и с русского на татарский, или словарь») была издана в типографии Казанского университета в 1893 году под псевдонимом Ш. Габдельгазиз. Книга имеет формата 15х 23 и состоит из 72 страниц. Указано её русское название: «Перевод съ татарскаго на русский языкъ или словарь». 28 января 1892 года цензура Санкт-Петербурга дала разрешение на издание этой книги. Автором указан Габдельгазиз Шигабутдин – составитель

многочисленных самоучителей конца XIX – начала XX веков Шигабутдин Рахматуллин.

Как отмечалось выше, это – второй тип словарей с систематической макроструктурой, где слова располагаются не по алфавиту, а группируются по смыслу, по тематическому принципу. В сорока разделах, вобравших 1711 слов, выделены следующие тематические группы, как **«Адамъ тянинень агзалары»** («Органы человеческого тела»), **«Кардяшь – оругларнынъ исемляре»** («Родственные термины»), **«Нярялярненъ исемляри урынына куила турган сюзляръ»** («Местоимения»), **«Уку нярясяляри»** («Учебные вещи»), **«Кеше»** («Человек»), **«Киемляръ»** («Одежда»), **«Ашамлыкларъ»** («Съедобное»), **«Ашга тямъ биря турганъ няряляръ»** («Приправа пищи»), **«Эчемлекляръ»** («Напитки»), **«Ашлыкларъ улянляръ»** («Хлеба травы»), **«Емешляръ»** («Плоды»), **«Бакча емеше»** («Огородная овощь»), **«Оей нястяси»** («Изба»), **«Ишек алдындагы каралтылар»** («Строения на дворе»), **«Үсемлекләр»** («Растения»), **«Хайваннар»** («Животные»), **«Кошларъ»** («Птицы»), **«Кувакларъ исемляре»** («Названия деревьев»), **«Донья тарафлары»** («Страны света»), **«Тюсяръ»** («Цвета»), **«Вакытларъ»** («Времена»), **«Сугыш кораллары»** («Оружия »), **«Йер»** («Земля»), **«Мягъдан»** («Минералы») и др.

В отличие от других словарей, в работе Ш.Габдельгазиза сохраняется частеречный принцип, согласно которому отдельными тематическими группами представлены части речи: имя, глагол, местоимение и т.д. Данное явление можно рассматривать как первый шаг в области грамматической классификации слов. На наш взгляд, классификация автора основана на арабской грамматике. В словаре больше употребляются арабские термины. Например, к слову «Замирлар» приводится следующее объяснение: **«Нәрсәләрнең исемнәре урынына куела торган сүзләр, мәсәлән, замырлар, асмаи ишарәтләр, вә гайре мөбгамәтләр»**. В словарь вошли все виды местоимений, кроме отрицательных и неопределённых. Каждое местоимение представлено в единственном и множественном числе: мин

– я [Ш., 1893, с.3], – ул он, она, оно [Ш., 1893, с.3], без – мы [Ш., 1893, с.3], сез – вы [Ш., 1893, с.3], алар – они [Ш., 1893, с.3].

Указательные местоимения почти полностью совпадают с современным языком, лишь местоимение **бу** зафиксировано в своей древней форме: ушбу – это, эта, этот [Ш., 1893, с.9].

Вопросительные местоимения представлены в порядке их склонения:

кем – кто? [Ш., 1893, с.9], ней – что? [Ш., 1893, с.9], кемнень – кого? [Ш., 1893, с.9], нейненгъ – чего? [Ш., 1893, с.9], кемгя-кому? [Ш., 1893, с.9], нярсягя – чему? [Ш., 1893, с.9]. Некоторые даны с послелогоми: кемь белянь – кем [Ш., 1893, с.9], кемь тугрысында – о ком [Ш., 1893, с.9], ней тугрысында – о чём [Ш., 1893, с.9]. В числе определительных местоимений указаны лишь варианты **уз** и **бары**. Местоимение **уз** представлено в формах притяжательности и родительного падежа: уземь – я сам [Ш., 1893, с.8], узень – ты сам [Ш., 1893, с.8], узебезь – мы сами [Ш., 1893, с.8], уземнень – свой [Ш., 1893, с.8].

Притяжательные местоимения переводятся в двух формах: 1) личные местоимения в родительном падеже; 2) личные местоимения с окончаниями -ныкы / -неке: минемъ, миники – мой, моя, моё [Ш., 1893, с.8], безнень, безнеке – наш, наша, наше [Ш., 1893, с.8].

Даны и некоторые наречия: бире – сюда [Ш., 1893, с.10], бая – давеча [Ш., 1893, с.10], бюркюнъ – намеренно [Ш., 1893, с.10], кай чагында – иногда [Ш., 1893, с.10], тезь, жышь – частенько [Ш., 1893, с.10].

В разделе «числительные» собраны слова, обозначающие количество предметов. Указаны только количественные числительные. Они сохранились в том же виде и в современном языке. Автор расположил числительные в порядке их возрастания: от одного до десяти, затем десятки, сотни, тысячи и миллион.

Имена прилагательные представлены двумя группами: «Яхшы һәм яман сыйфатлар» («Плохие и хорошие качества »), «Нәрсәнең сыйфатлары» («Признаки предметов»).

В первой собраны слова, обозначающие характер и душевное состояние человека. Многие из них образованы путём присоединения аффиксов **-лык / -лек** к именам прилагательным. Автор называет эту часть речи, основываясь не на грамматическом признаке, а на характерной особенности описания. Например, **тякябберлекъ** – гордость [Ш., 1893, с.39], **сабырлыкъ** – кротость [Ш., 1893, с.39], **саранлыкъ** – скупость [Ш., 1893, с.39], **гәделлекъ** – честность [Ш., 1893, с.39]. Здесь же даны прилагательные, характеризующие душевное состояние: **сююнечъ** – радость [Ш., 1893, с.39], **жамансу** – скука [Ш., 1893, с.39], **кайгы** – горе [Ш., 1893, с.39].

Слово **чыраклыкъ** – трудолюбие [Ш., 1893, с.38] относится к определённому местному говору. В нагорном говоре оно употребляется именно в этом значении [ТТДС, 1969, б.485].

В разделе «Нәрсәнең сыйфатлары» («Признаки предметов») собраны имена прилагательные: **ачы** – горький [Ш., 1893, с.39], **яхшы** – хороший [Ш., 1893, с.40], **яшь** – молодой [Ш., 1893, с.41], **кыекъ** – косой [Ш., 1893, с.41], **шома** – гладкий [Ш., 1893, с.44]. Очень много производных имён прилагательных. Многие из них образованы с помощью аффиксов **-лы/-ле** и **-сыз/-сез**. Эти лексические единицы расположены параллельно, как антонимы. Например: **очлы** – острый [Ш., 1893, с.42], **очсызь** – неострый [Ш., 1893, с.42], **оятлы** – стыдливый [Ш., 1893, с.42], **оятсызь** – бесстыдный [Ш., 1893, с.43], **тямле** – вкусный [Ш., 1893, с.43], **тямсезъ** – невкусный [Ш., 1893, с.43]. Встречаются устаревшие формы некоторых прилагательных. Они были образованы с помощью аффиксов, а сейчас употребляются без них или имеют другой способ образования: **хайлячян** – хитрый [Ш., 1893, с.42], **сабырлыклы** – кроткий [Ш., 1893, с.42], **тырышучанъ** –

старательный [Ш., 1893, с.43], **тинаклы** – воздержанный [Ш., 1893, с.43].

Среди прилагательных многие лексемы из разговорной речи: **ахмак** – глупец [Ш., 1893, с.39], **ангыра** – бестолковый [Ш., 1893, с.39], **селягей** – слюнявый [Ш., 1893, с.43], **тазь** – облезлый [Ш., 1893, с.43]. Эти слова часто употребляются в значении существительных.

Самая большая тематическая группа «Глаголы. Действия». Глаголы представлены в форме инфинитива на **-мак / -мэк** в алфавитном порядке арабского языка. Многие из них относятся к активной лексике и употребляются без всяких изменений: **ашамакъ** – есть [Ш., 1893, с.44],

айтмякъ – сказать [Ш., 1893, с.44], **аудармакъ** – валить [Ш., 1893, с.44], **юрмякъ** – ходить [Ш., 1893, с.50].

В словаре отмечены и некоторые залоговые формы. Глаголы основного и понудительного залогов в труде расположены рядом: **озайтмакъ** –

удлинять [Ш., 1893, с.54], **озаймакъ** –удлиняться [Ш., 1893, с.54],

тугмакъ – родиться [Ш., 1893, с.58], **тугдырмакъ** – рожать [Ш., 1893, с.58], **тынычландырмакъ** – успокоить [Ш., 1893, с.58],

тынычланмакъ – успокоиться [Ш., 1893, с.58]. Среди них есть устаревшие и диалектные лексические единицы: **адарынмакъ** –

обещать [Ш., 1893, с.50] (**адарынмак** означает «дать слово, обещание» [ТТДС, 1969, б.22]), **кайшалмакъ** – притвориться [Ш., 1893, с.52];

жекъ курсятмякъ – надоедать [Ш., 1893, с.49;], **шилмякъ** – поблекнуть [Ш., 1893, с.49] (шинү, кору [ТТДС, 1993, б.375]).

Слова написаны арабскими и русскими буквами. На левой стороне страницы расположены татарские слова, на правой – русские слова на арабской графике и кириллице.

В конце словаря даны «Предложения и отрывки». Они приведены по принципу от простого к сложному. Сначала идут короткие предложения: **Гул чячяк ата** – Роза цветет. **Бала уйный** – Дитя играет. **Эт оря** – Собака лает. Затем автор переходит к более сложным фразам. В основном они являются

образцами устного народного творчества – пословицами: **Жал кайда – койрыкъ шунда** – Куда грива, туда и хвост; **Сузучян сыерга Аллагы Тягалья могоз дя бирми** – Бодливой корове Бог и рог не дает; **Бурене тешляре ашата** – Волка зубы курмять [Ш., 1893, с.80]; **Тюлкене койрыгы саклы** – Лису хвостъ бережетъ[Ш., 1893, с.80]; **Ирънинъ сюзи беръ булырь** – Слово мужчины будетъ одно [Ш., 1893, с.80] и т.д.

Среди фраз присутствуют нравственно-поучительные выражения и изречения великих философов. **Агярдя безъ бельсяк иде вакыть ничекъ киммятле икенлегень, аны болай фягемсезъ исрафъ кылмась идекъ** (Если бы мы знали, как дорого время, то не расточали бы его так легкомысленно) [Ш., 1893, с.75]; **Безнень халебездянь кильми эйтергя: вакыть тукта биръ безгя вагда уйга тюшяргя дейбъ** (Мы не можемъ сказать: время стой и дай нам опомниться) [Ш., 1893, с.76].

Данная работа Ш.Габдельгазиза отличается от других его самоучителей лишь отсутствием азбуки, но сам автор называет её словарём.

Таким образом, словарь Ш.Габдельгазиза по всем позициям близок к самоучителям, изданным в XIX веке. Можно предположить, что распределение слов по отдельным тематическим группам намного облегчало обучение татарскому языку. Факт акцентирования внимания на частях речи и характерных для них грамматических категориях свидетельствует о том, что Ш.Габдельгазиз прекрасно владел татарским и арабским языками, а также методикой обучения иностранным языкам.

Словарь А. А. Воскресенского

В 1894 году вышел в свет русско-татарский словарь А.А.Воскресенского, который состоял членом Миссионерского общества святителя Гурия.

Алексей Андреевич Воскресенский родился 23 ноября 1856 года в селе Буткево Костромской губернии в семье священника. Обучался в Костромской семинарии, в 1879 – 1883 годах – на отделении религиозных доктрин Казанской духовной академии. С 1883 года преподавал богословие в

Казанской крещёно-татарской школе. В 1895 году был назначен инспектором «казахских» школ Букеевской Орды Астраханской губернии. В 1906 году стал директором Казанской учительской семинарии, с 1914 года – директором Преславской учительской семинарии (Запорожье), где работал до конца своих дней [Кононов, 1974, с.141].

Более всего А.А.Воскресенского привлекала переводческая деятельность. В 1894 году он издал свой «Русско-татарский словарь...» (объёмом 374 страницы), в который вошли слова, собранные им в татарских деревнях Казанской губернии, а также материал из пособий, написанных для крещёно-татарских школ.

Словарь составлен по образцу двуязычных словарей. Входным языком является русский. В словаре зафиксировано 12950 слов, которые расположены в алфавитном порядке. Словарная статья включает в себя заглавное слово, отдельные грамматические пометки, толкование слова и иллюстративный материал. В словаре сохранена орфография того времени. Каждое значение слова иллюстрируется примерами (предложениями).

Данный труд является общим словарём, т.е. охватывает весь словарный состав языка. По формату его можно считать «карманным», но рассчитан он на серьёзного пользователя и содержит, в частности, небольшой грамматический материал.

Заглавное слово даётся в исходной форме, жирным шрифтом. Например: **Снегъ** кар. Снегъ идётъ кар жауа. **Твердый** (мелкій снегъ въ роде крупы) жарма кар, – **мягкій**, хлопьями, жабалак кар. **Снежинки** (оседающія на ветвахъ деревьевъ и спускающіяся внизъ гирляндами) сыкы. **Снежный** сулым Покрытый снегомъ карлы. Дорога очень снежна жул бик сулым [В., 1894, с.305].

Для глаголов указана форма повелительного наклонения. Например: **Дать** биреб бетер*. Дать **въ руки** тоттор*. Дать **имя** ат куй*. Пожалуйста дайте бирсягезля. Дайка бирче. Дайка я дамъ бирейемня. Дайте мне **место** въ

вашей телеге арбагызга мине сыйдырыгыз. **Долженствующий** дать бирясе [В., 1894, с.52].

Звёздочка (*), как и в словаре Н.Остроумова 1892 года, сопровождает только глаголы. Для русских глаголов оставлена общепринятая в лексикографии неопределённая форма, а около каждого татарского глагола стоит звездочка, которая должна была напоминать пользователю словаря об указанном несоответствии.

Как отмечалось выше, «Русско-татарский словарь» А.А.Воскресенского близок по содержанию «Татарско-русскому словарю» Н. Остроумова, изданному в 1892 году. Можно даже сказать, что эти словари составляют единое целое. Отличаются они только входными языками и адресатами.

Словарь М. Юнусова

Мирсаит Юнусов – один из тех авторов, чьё имя забыто, а книги долгое время хранились на запылённых полках библиотек. Г.Мансуров в своей книге «Татарские провокаторы» писал о нём: «М.Юнусов был учителем русского языка в Чистопольском городском медресе. Также жил и работал в Бирском уезде Уфимской губернии. Писал доносы под именем «Бирский». В 1912 году он переехал в Уфу, сам пришёл в охранку и предложил свои услуги. М.Юнусов, где бы ни работал, везде занимался провокаторской деятельностью. Он был одним из организаторов «Дела Буби». После революции М.Юнусов был несколько раз осуждён, но избежал наказания. Наконец, он бежал из Казани, жил некоторое время в Перми, а потом исчез. О нём больше нет никаких сведений» [Мансуров, 1992, б.108–109].

Негативное отношение к личности М.Юнусова некоторых исследователей, по нашему мнению, не должно перечеркнуть его научных заслуг, в частности, в области лексикографии.

Известны четыре словаря М.Юнусова: «Татарско-русский словарь наиболее употребительных слов и выражений, составленный учителем русского класса при Чистопольскомъ городскомъ медресе Юнусовымъ» (1900), «Татарча лөгать» («Татарский словарь», 1903), «Русча вэ татарча лөгать» («Русско-татарский словарь», 1903), «Татарско-русский словарь наиболее употребительных слов и выражений» (1906).

Первым книготорговым предприятием в истории татарского книжного дела XIX века была типография «Торговый дом братьев Каримовых», открытая в 1898 году в Казани. Учредителями её стали братья Мухаметзян, Шарифзян и Хасан Каримовы [ТЭС, 1999, с.266]. Первый словарь М.Юнусова увидел свет в 1900 году именно в этой типографии.

Словарь М.Юнусова, объемом 115 страниц, содержал 4848 слов. Тираж был небольшим – 1000 экземпляров.

Словник данного словаря в основном состоит из наиболее активной лексики татарского языка конца XIX – начала XX веков, о чём свидетельствует и наличие в словаре устойчивых словосочетаний и фразеологизмов: **Акылданъ язмакъ** – лишиться ума [Ю., с.10], **акылданъ чыкмакъ** – сойти съ ума [Ю., с.10], **акылданъ таймакъ** – съ ума спятиться [Ю., с.10], **эрямъ тамакъ** – дармоёдь [Ю., с.19], **эч поша** – сердце ноеть [Ю., с.20], **джиль куаръ** – ветрогонь [Ю., с.58].

Словарь удобен для пользователя. Как русские, так и татарские слова представлены на кириллице. Слово даётся в сходной форме с обозначением ударного гласного:

а л т ы н ь – золото [Ю., с.6].

а л т ы н ь т я н к я – золотая монета [Ю., с.6].

В русской передаче у прилагательных указываются окончания женского и среднего родов: а л т ы н ь т ъ с л е – золотистый, ая, ое [Ю., с.6].

Татарские звуки обозначены особым образом: звук *ә* передан буквами *э*: **этячь** – пѣтухъ [Ю., с.16] и *я*: – **бяя** – цѣна [Ю., с.23]; для звука *ө* приспособлено *ѳ*: **бѳкѳ** – затычка [Ю., с.29]; звук *у* передан буквами *я*: **бялямякъ** – делить [Ю., с.33], *ю*: **кюзь** – глаз [Ю., с.78], *ј*: **јгзь** – быкъ, воля [Ю., с.110] и т.д. Как видно из примеров, автора интересовала не орфография слов, а прежде всего их правильное произношение. Для этого, во избежание трудностей при чтении татарских слов на кириллице, к каждому из них дано «ПРИМЕЧАНИЕ». Например, «Дж соответствует татарской буквѣ **ж** и означает звукъ между **ж** и **ч**, например, въ словѣ **джихань** – мирь; **н** соответствует татарской **ң** и означает носовой звукъ **нг**, например, въ словѣ **тань** – свет; надстрочный знакъ две точки служить для смягчения гласных *у* и *о*» [Ю., с 1].

Аналогичная графика для национальных языков Российской империи была составлена и введена в употребление еще в 1883 году учителем Казанского императорского университета, миссионером Н. Ильминским.

В словах, зафиксированных в словаре М.Юнусова, в инлауте зачастую сохраняются также выпавшие в современном татарском языке сонорные *л*, *р*: в словах **ултырмакъ** – садиться [Ю., с 109], **торлакь** – жилье [Ю.,с. 42].

В древнетюркском языке отсутствовал звук [ф], лишь в более поздний период он проник в татарский язык под воздействием других языков. Таким образом появилось чередование п~ф. Это явление отражается в слове **керпек** – ресница [Ю.,с. 85]. В определённых группах слов наблюдается чередование с~ч: **сянчке** – вилка [Ю.,с. 53], **сячь** – волосы [Ю.,с. 53], **сянчмякъ** – колоть, вонзить [Ю., с. 53], **сачяк** – цвѣтокъ [Ю., с. 53].

Стремление автора отразить ассимиляцию согласных на письме является показателем того, что большое внимание М.Юнусов уделяет на произношению слов: **коннямякъ** – ревновать [Ю., с. 79]; **тоння** – ночью [Ю., с. 48] и т.д.

Глаголы даны в форме инфинитива на -макъ /-мякъ или в форме причастия на -у/-ү: **элекляу** – сплетничаніе [Ю., с.16], **ачмакъ** – открыть, открывать

[Ю., с. 10], **тельмякъ** – щипать [Ю., с.34], **дэбанмакъ** – замешкать [Ю., с.56], **кылыксызланмакъ** – капризничать [Ю., с.85] и т.д.

В словаре нашли отражение многие явления, восходящие к древним традициям письменного литературного языка, что объясняется синтезом традиционного письменного языка и разговорной речи в начале XX века.

Тюрко-татарская лексика составляет основную часть словаря. Наряду с ней представлены отдельные арабско-персидские, русские и европейские заимствования. Если учесть, что словарь был составлен в конце XIX века, то наличие в нём большого количества арабско-персидских слов было естественно. Хотя, по нашему мнению, в своём словаре (1900) автор излишне увлёкся включением этих заимствований. В последующих работах их количество значительно сокращается и М. Юнусов акцентирует своё внимание на тюрко-татарской лексике.

Что касается русско-европейских заимствований, то, по сравнению с арабскими, их намного меньше.

В словарях нашли своё отражение диалектные слова, относящиеся к разным сферам жизни. Особое внимание М. Юнусов уделяет характерным чертам местных говоров, распространённых на территории Чистополя и Башкортостана, где сам когда-то проживал. Он вносит в словарь и диалектные слова: **эпяй** – хлеб [Ю., с.16], **шурпа** – бульон [Ю., с.70], которые употребляются в чистопольском, дрожжановском, лембринском говорах мишарского диалекта [ТТДС, 1969, б. 377], **шиша** – бутылка, бутылка [Ю., с. 70], это слово характерно для тарханского подговора нагорных говоров [ТТДС, 1969, б. 376], и слово **кимя** – лодка [Ю., с. 80], которое присуще чистопольскому и дрожжановскому говорам мишарского диалекта [ТТДС, 1969, б. 164].

Диалектные слова, зафиксированные в словаре М. Юнусова, можно разделить на несколько тематических групп: **названия пищевых продуктов**: **джуача** – бѣлый хлѣб [Ю., с.63] в чистопольском, дрожжановском и нагорном говорах [ТТДС, 1969, б.116]; **названия растений, рыб, птиц и насекомых**:

тойлегянь – коршунъ [Ю., с. 42] в мензелинском говоре [ТТДС, 1969, б.324]; *названия частей тела*: **бюрякъ** – почка [Ю., с.32] встречается в камышинском, чистопольском говорах [ТТДС, 1969, с.73], **джауръ** – плечо [Ю., с. 63] в чистопольском и дрожжановском говоре [ТТДС, 1969, б.412]; *названия одежды и обуви*: **кёртя** – фуфайка [Ю.,с.80] характерны для тарханского подговора нагорных говоров [ТТДС, 1969, с.201]; *названия бытовых предметов*: **бакрачь** – медный сосудъ [Ю., с.23] употребляется в значении «половник» в каргалинском и стерлятамакском, нагорном говорах [ТТДС, 1969, б.43], **бьять** – подхомутникъ [Ю., с. 23] в заказанском и нагорном говорах [ТТДС, 1969, б. 70], **берлинь арбасы** – карета [Ю., с. 33], **тагань агачы** – баганина [Ю., с. 47] (длинный шест, ставящийся в центре стога сена, предотвращающий его от развала) в тарханском говоре [ТТДС, 1969, б.274], **джамаякъ** – чашка [Ю., с. 63], в дрожжановском говоре [ТТДС, 1969, б. 410]; *названия предметов домашнего обихода*: **бакрачь** – медный сосудъ [Ю., с. 23]; **сяке** – лавка (скамь) [Ю., с. 55]; **сяндря** – полати [Ю., с. 55], **казань** – котёлъ [Ю., с. 83] – чугунный котёл с полукруглым дном для кипячения воды и варения супа [ТТАС, т. II, с. 20], **ухват** – ухватъ [Ю., с. 105] – приспособление для извлечения чугунного горшка из печи [ТТАС, т. III, б. 325]; *слова, обозначающие действия*: **багынмакъ** – обожать [Ю., с.25] в заказанском, нукратском [ТТДС, 1969, б. 42], **былчыратмакъ** – нагадить, загрязнить [Ю., с. 25] в заказанском, нагорном, тарханском говорах [ТТДС, 1969, б. 64], **сагышланмакъ** – думать, размышлять [Ю, с.48] в мелекесском говоре [ТТДС, 1969, б.272], **джабанмакъ** – замышкать [Ю., с. 56] в мелекесском говоре [ТТДС, 1969, б. 414], **карылу** – осипание [Ю., с. 80] в дрожжановском говоре [ТТДС, 1969, б. 161], **тешятмякъ** – зазубривать [Ю., с. 45] в гайнинском говоре [ТТДС, 1969, б.429], **бикячлямякъ** – навещать невесту въ качестве жениха [Ю.,с 29] в чистопольском говоре [ТТДС, 1969, б.83]; *качества, характеризующие человека*: **ару** – чистый [Ю., с. 7] в заказанском говоре крещёных татар [ТТДС, 1969, б. 53], **алама** – плохой [Ю., с. 13] в каргалинском и мензелинском говорах [ТТДС, 1969, б. 25]; *наречия*:

тябялямя тулы – полонь, -а, -о до краюшекъ [Ю., с. 46] в заказанском, мамадышском говоре [ТТДС, с. 323]. Вместе с активной лексикой в словаре изредка встречаются слова, уже вышедшие в то время из активного употребления. Большая часть таких архаизмов и историзмов относилась к сфере ремесла, быта: **талкы** – мяльня [Ю., с. 45] – деревянное приспособление, используемое для измельчения стеблей конопли и льна [Рәхимова, 1983, б.21]; **саурь** – задь ичиговъ [Ю., с. 55], **калын киндрь** – дерюга [Ю., с. 77], **булать** – сталь [Ю., с. 27], **киндрь кылычы** – берда ткальная [Ю., с. 84].

Значение некоторых лексических единиц в данной группе можно установить только с помощью их перевода, этимологических интерпретаций или в процессе специального исследования. Например, в книге Р.К. Рахимовой «Татар теленең һөнәрчелек лексикасы» («Профессиональная лексика татарского языка») приводятся комментарии к отдельным словам. Например, слову **сауры** даётся такое объяснение: «Ичиги раньше шили для людей разного возраста и пола. Мужские сапоги изготавливались из кожи одного цвета (часто из чёрного сафьяна), а каблук обшивался зелёным сауры» [Рәхимова, 1983, б.21].

В словаре встречаются слова, которые в своё время были вытеснены из татарского языка русскими заимствованиями, но на сегодняшний день большинство из них вернулось в его арсенал. Однако ряды таких слов можно пополнить. К примеру, слово **басмаханя** – типография [Ю., с. 26] подверглось подобному вытеснению. Было бы прекрасно, если бы оно вернулось в сферу широкого употребления.

Сравнительно небольшое место в словаре занимают историзмы. Они относятся не к определённой исторической эпохе, а к разным периодам. Их можно разделить на следующие группы: **исторические термины: ачкыччы ирь** – ключникъ [Ю., с. 12], **ачкыччы хытынъ** – ключница [Ю., с. 12], **алпавуть** – помещикъ [Ю., с. 12], **бия** – княгиня [Ю., с. 30], **би** – князь [Ю., с. 30], **таджь** – вьнец [Ю., с. 43]; **слова, относящиеся к военной**

деятельности: **булатъ клычь** – булатный [стальной] мечь [Ю., с. 27], **джя джебе** – тетива [Ю., с. 64]; названия ранее употреблявшихся единиц измерения: **аршинь** – аршинь [Ю., с. 10], **брь гвянкя** – одинь фунтъ [Ю., с. 23], **батмань** – мера в четыре пудовки [Ю., с. 24]. Слова, относящиеся к данной группе, вышли из активного употребления в результате вытеснения заимствованиями, внедрявшимися в язык на протяжении многих лет; **слова из торговой сферы: асламчы ирь** – разнощикъ [Ю., с. 12], **асламчы хатынь** – разнощица [Ю., с. 12]. Эти историзмы зафиксированы также в рукописях Батырши и в цикле документов крестьянского восстания под предводительством Е. И. Пугачёва [Хисамова, 1999, с.287–320]. В настоящее время они встречаются лишь в литературных произведениях, описывающих историческое прошлое татарского народа.

Следует отметить, что иногда не совсем удачный перевод М.Юнусовым некоторых фразеологизмов свидетельствует о том, что при составлении словаря он воспользовался методом калькирования из русского языка. К ним можно отнести, например, такое устойчивое словосочетание, как **кюздя кашь котмякъ** – ждать, очи не смыкая [Ю., с.78]. В современном литературном языке оно звучит следующим образом: керфек какмыйча (не смыкая глаз) [Исәнбэт, 1989, с.366].

Особый интерес вызывает то, что в словаре можно встретить слова и выражения, которые активно употребляются в нашем языке и просто необходимы в общении. Эти слова и фразы служат лишь одной цели – быстрому и лёгкому усвоению татарского языка. **Ат блян бармакъ** – ехать на лошади [Ю., с. 12], **Ат блян юрмякъ** – ездить на лошади [Ю., с. 12], **башмаklarны кимякъ** – надевать башмаки [Ю., с. 26], **брнымь тыгылды** – нось у меня залёгъ [Ю., с. 27]. В некоторых случаях автор даёт свои варианты перевода, которые не соответствуют литературному.

В словаре М.Юнусова отмечаются случаи передачи значений слов тремя синонимами: **айрма ачыкъ** – очевидно, явно, явственно [Ю., с.15], **кисмякъ** – сечь, резать, рубить [Ю., с.76], **биздермякъ** – отваживать, отучить, отучать

[Ю., с.34]. Фиксируются также полисемантические слова: **тубя** – темя, крыша, вершина [Ю., с.38], **джанчекь** – мошна, кошёлек [Ю.,с. 58] и т.д.

Некоторые слова, в частности, относящиеся к исламу, переведены методом объяснения: **мяктебь** – татарская начальная школа [Ю., с.92], **мядряся** – татарская школа, стоящая выше мектеба [Ю., с.92], **муазинь** – мусульманское низшее духовное лицо [Ю., с.92]. Подобная передача значений данных религиозных терминов свидетельствует о хорошем владении автором принципами построения словарей различных типов.

Словарь М. Юнусова адресован изучающим татарский язык. Автор воспользовался лишь одним – кириллическим алфавитом. Отметим также, что в словаре встречаются некоторые неточности, нарушение порядка расположения слов, неправильные переводы.

В заключение отметим, что татарско-русские словари XIX века являлись пассивными, т.е. адресовались русскоязычным учащимся, многие из них были предназначены больше для чтения текстов на татарском языке. Пользователи могли найти в них, в первую очередь, переводные эквиваленты.

В идеале словарь должен быть предназначен одному адресату. Татарско-русские словари XIX века адресованы русскоязычным пользователям, они являются монодирекциональными. В то же время в них присутствует материал, знакомящий с историей, традициями, фольклором татарского народа, содержатся сведения о фонетической и грамматической системе татарского языка.

Графические особенности передачи слов в татарско-русских и русско-татарских словарях XIX века

Составители татарско-русских и русско-татарских словарей XIX века, как правило, пользовались кириллицей и своеобразной транскрипцией – транслитерацией для более или менее адекватной передачи произношения слов, написанных на арабской графике. Это было необходимо для достижения цели – научить русских татарскому языку, а татар – русскому.

Как отмечалось выше, словари отличаются своеобразным графическим представлением лексических единиц. Например, слова в словарях И.Гиганова (1801 и 1804) даны тремя столбцами. В словаре 1801 года представлен следующий порядок: татарские слова на арабской графике, татарские слова кириллицей и русские слова:

дарваза городскія ворота [Г., 1801,с.1],

Второй словарь К.Насыри состоит только из двух столбцов: русские слова на кириллице и татарские слова на арабской графике:

Пароходъ [Н., 1892, с.120],

Парусъ [Н., 1892, с. 120],

паръ [Н., 1892, с. 120],

паспортъ [Н., 1892, с. 120].

В словарях Н.П.Остроумова, А.А.Воскресенского, М.Юнусова и Миссионерского общества слова даны двумя столбцами: татарские слова своеобразной кириллицей, созданной именно для татарского языка Н.Ильминским, и русские слова на кириллиц. Пример из словаря Н.П.Остроумова:

Ауыз ротъ, устье реки [О., 1876, с.52],

Ауызлык удила [О., 1876, с.52],

Ауыл село [О., 1876, с.52],

Ауылдаш односелець [О., 1876, с.52].

Пример из словаря М.Юнусова:

А л л а – Богъ [Ю., 1900, с.5]

А у л і я – Святой [Ю., 1900, с.5]

А ч м а к ъ – открыть, открывать [Ю., 1900, с.5]

А у л ъ – деревня [Ю., 1900, с.5]

А ч л ы к ъ – голодь [Ю., 1900, с.5]

А ч ъ – голодный, ая, ое [Ю., 1900, с.5]

А ч ъ т а р м а к ъ – голодать [Ю., 1900, с.5].

В словарях Миссионерского общества слова даны таким образом:

жорт домъ [Кр., 1880, с.17],

өй изба [Кр., 1880, с.17],

өрлөк перекладаина [Кр., 1880, с.17],

идян асты подполье [Кр., 1880, с.17],

ишек дверь [Кр., 1880, с.17].

По нашему мнению, каждый автор стремился по-своему передать

своеобразии татарского звучания, поэтому специфические звуки татарского языка в словарях представлены по-разному. Несмотря на разное написание тех или иных звуков (ң → н, нг, нь; ж → ж, дж; ө → о, ъ), ясно одно – все составители хотели добиться адекватной передачи звучания татарских слов. Благодаря этому стремлению авторы словарей отражали особенности звучания одних и тех же татарских слов тех или иных говоров и диалектов. Например, в словарях И. Гиганова нашли отражение фонетические особенности говоров сибирских татар, а в словарях миссионеров (Н. Остроумова, А. Воскресенского, Миссионерского общества) – говоров крещёных татар.

При передаче татарских слов в кириллице в татарско-русских и русско-татарских словарях наблюдаются следующие параллели:

1. Для передачи звука [ə] использованы:

а) буква **я**: **тярязя** – окно [Г., 1801, с. 6], **цилякъ** – ведро [Г., 1801, с. 9], **тянь** – тело [Г., 1801, с. 26], **джрякъ** – сердце [Ю., 1900, с. 59], **гадять** – обычай [Н., 1878, с. 77], **кябистя** – капуста [Н., 1878, с. 92], **лявяшь** – сладкий пирог [Н., 1878, с. 100], **мясяль** – образец [Н., 1878, с. 101], **нярся** – вещь, предмет [Н., 1878, с. 106];

б) буква **а**: **вакиль** – посредник [Г., 1801, с. 34];

в) буква **э**: **эдябь** – образование [Ю., 1900, с. 19], **этячь** – петух [Ю., 1900, с. 16], **эле** – теперь [Ю., 1900, с. 20];

г) буква **ä**: **гибадäть** – богослужение [Н., 1878, с. 78], **кäльга** – город [Н., 1878, с. 89], **äсярь** – признак [Н., 1878, с. 17], **äтяс** – петух [Кр., 1880, с. 5], **кблчä** – лепёшка [Кр., 1880, с. 4], **äрем** – полынь [О., 1892, с. 19], **äрямя** – низкое место у реки [О., 1892, с. 22].

2. Для передачи звука [y] использованы:

а) буква **у**: **кузь** – глаз [Н., 1878, с. 94];

б) буква **ю**: **кюль** – озеро [Г., 1801, с. 24], **сюзь** – речение [Г., 1801, с. 19], **мюкъ** – мох [Ю., 1900, с. 91], **тюря** –

судья [Г., 1801, с.33], **джютяль** – кашель [Ю., 1900, с.59],
кюмяч – белый хлеб [Кр., 1880, с.4];

в) буква **ў**: **ўчь** – мечь [Ю., 1900, с.111], **ўть** – желчь [Ю., 1900, с.111], **ўгзь ктўчесе** – воловикъ [Ю., 1900, с.111], **кўн итек** – сапогъ [Кр., 1880, с.6], **ўзяк** – сердцевина [Кр., 1880, с.8].

3. Для обозначения звука [ø] использованы:

а) буква **ю**: **кюзкю** – зеркало [Г., 1801, с.8], **кюряще** – борець [Г., 1801, с.34], **кюкяй** – яйцо [Кр., 1880, с.4],

б) букву **о**: **коя** – моль [Н., 1878, с. 96], **кончи** – завистливый [Н., 1878, с. 96];

в) буква **ѳ**: **кѳнче** – завистливый [Ю., 1900, с.82], **мѳгзь** – рогъ [Ю., 1900, с.81], **кѳль** – зола [Н., 1878, с. 93], **кѳмѳшь** – серебро [Н., 1878, с. 94], **кѳзгѳ** – зеркало [Н., 1878, с. 95], **кѳчли** – сильный [Н., 1878, с. 94], **ѳй** – изба [Кр., 1880, с.1], **ѳрянге** – клень [Кр., 1880, с.7], **гѳмбѳ** – грибъ [Кр., 1880, с.13], **сѳяк** – кость [Кр., 1880, с.20];

г) буква **у**: **гунаръ** – искусство [Г., 1801, с. 35], **умидъ** – надежда [Г., 1801, с. 35], **кукъ** – небо [Н., 1878, с. 95], **кукрякъ** – грудь [Н., 1878, с. 95].

4. Для обозначения звука [ж] использованы:

а) сочетания букв **дж**: **эндже** – жемчугъ [Ю., 1900, с. 18], **джиль** – ветеръ [Ю., 1900, с.58], **джанъ** – душа [Ю., 1900, с.58], **джингль** – легкий [Ю., 1900, с.58], **джана** – новый [Ю., 1900, с.58];

б) буква **ж**: **жыл** – годъ [Кр., 1880, с.8], **жан-сяке** – лавка [Кр., 1880, с.11], **жил** – ветеръ [Кр., 1880, с.13], **жакты** – светъ [Кр., 1880, с.13], **жамагат** – семейство [О., 1892, с.68], **жан** – душа [О., 1892, с.68].

5. Для обозначения звука [н] использованы:

- а) сочетание букв **нг**: **джингль** – легкий [Ю., 1900, с.58],
- б) буква **н**: **джана** – новый [Ю., 1900, с.58], **джлы** – тепло [Ю., 1900, с.58];
- в) сочетание букв **нь**: **сингли** – меньшая сестра [Г., 1801, с.31].

6. Для обозначения звука [h] использованы:

- а) буква **г**: **фягумь** – разумь [Г., 1801, с.30; Н., 1878, с. 81], **гунарь** – искусство [Г., 1801, с. 35], **гярь джирдя** – везде [Ю., 1900, с.72], **загирь** – явный [Н., 1878, с. 77], **зиген** – способность [О., 1892, с.91];
- б) буква **х**: **зяхярь** – острый [Ю., 1900, с. 68], **шяхярь** – городь [Ю., 1900, с.71].

Для правильного определения звукового состава слова по его орфографическому облику важно соответствие одной буквы или одного сочетания букв во всех или в определённых позициях только одной форме или только одному сочетанию фонем. Решение вопроса о том, какие категории написаний в переводном словаре следует снабжать указаниями на произношение, собственно означает установление уровня знаний о правилах чтения, которые должен хранить в памяти читатель для успешной работы с корпусом словаря. Следовательно, для правильной «расшифровки» любой транскрипционной системы читатель должен иметь точное описание звуков данного языка, т.е. фонетическая транскрипция также требует дополнительной информации.

Заключение

Осуществленный нами историко-лингвистический обзор татарско-русских и русско-татарских словарей XIX века, свидетельствуют о том, что по

сравнению со словарями других тюркских языков их издавалось значительно больше. Это объясняется сложившейся в стране политической, экономической и общественной ситуацией. Татарский язык в XIX веке был государственным языком и языком дипломатии в отношениях России со странами Востока. Дипломатические документы, направляемые от имени русских властей в Крым, Турцию, Среднюю Азию, Иран, Индию и Монголию оформлялись в то время на татарском языке. Указанные словари в данном контексте оказались совершенно необходимыми.

Преподавание татарского языка в качестве отдельного предмета в таких известных учебных заведениях, как Санкт-Петербургский, Казанский и Харьковский университеты, в профессиональных школах, духовных академиях и гимназиях также послужило причиной создания русско-татарских и татарско-русских словарей.

Формирование в XIX века обширного корпуса двуязычных словарей объясняется целями и задачами внутренней и внешней «восточной» политики России.

Печатные двуязычные словари – лексикографические памятники, предназначенные для изучения татарами русского языка и русскими – татарского, стали появляться с 1801 г.

Первыми были татарско-русский и русско-татарский словари И.Гиганова, изданные в 1801 и 1804 гг. Эта деятельность была продолжена другими авторами. В XIX веке вышли в свет словари А.Троянского (1833; 1835), С.Кукляшева (1859), Н.Остроумова (1876, 1892), К.Насыри (1878, 1892), Миссионерского общества (1880, 1882, 1886, 1888, 1891), Ш.Габдельгазиза (1893), А.Воскресенского (1894), М.Юнусова (1900).

Эти двуязычные словари, созданные учеными, преподавателями и миссионерами, донесли до нас богатейший лексический материал той эпохи, который отражал продолжавшийся культурно-исторический диалог русского и татарского народов.

В Казанском университете в 30–40-е годы XIX века при Восточном

разряде сформировалась Казанская школа тюркологов. Большая заслуга этой школы заключается в том, что её представители выдвинули идею привлечения к научной работе по филологии представителей тех народов, языки которых стали объектом научного исследования. Почти все авторы исследуемых словарей были основоположниками или воспитывались под непосредственным влиянием данной школы, внесли определенный вклад в развитие тюркского языкознания. Они не только изучали книжно-литературный язык тюркских народов, но и уделяли большое внимание разговорным формам языков народов, имевших в то время письменность.

Татарско-русские словари XIX века И.Гиганова, А.Троянского, С.Кукляшева, Л.Будагова, Н.Остроумова, К.Насыри, Ш.Габдельгазиза, М.Юнусова для татароязычных пользователей являются активными, для русскоязычных – пассивными. Словари И.Гиганова (1804), К. Насыри (1892), А.Воскресенского (1894) для татар являются пассивными, а для русских – активными.

Для двуязычной лексикографии особенно важна мегаструктура, или рамочная структура – взаиморасположение частей словаря. Наиболее распространенная мегаструктура: предваряющий текст (предисловие, правила пользования), корпус, заключающий текст (различные приложения). Предваряющий и заключающий тексты называются окружающим текстом. В татарско-русских и русско-татарских словарях XIX века основное место отведено корпусу словаря. Предисловия, правила пользования, различные приложения присутствуют только в некоторых из них. Например, в предисловии словарей Н.Остроумова и А.Воскресенского представлен грамматический материал; М.Юнусов обращает внимание на произношение звуков татарского языка и пытается объяснить артикуляцию специфических звуков; К.Насыри (1878), Ш.Габдельгазиз (1893) ограничиваются алфавитом, в словаре 1892 г. К.Насыри дает ценные советы относительно изучения русского языка, в приложении – термины русско-европейского

происхождения; в словаре Миссионерского общества (1880) даны церковные слова. Однако ни в одном словаре не представлены правила пользования ими.

Продуманные структура и композиция этих лексикографических источников свидетельствуют о том, что их авторы владели методикой составления словарей. Двухязычные словари татарского языка XIX века составлены по алфавитному или тематическому принципу. В двухязычных словарях А.Троянского, С.Кукляшева, Н.П.Остроумова, К.Насыри, А.Воскресенского, М.Юнусова слова расположены строго в алфавитном порядке, во многих (татарско-русских) – по арабскому алфавиту и представлены в трех столбцах: арабский – татарский – русский. В русско-татарских словарях твердо соблюдается русский алфавит.

Второй тематический тип использовался И.Гигановым (1801), Ш.Габдельгазизом (1893) и Миссионерским обществом (1880–1891). Эти словари структурировались по систематической макроструктуре: слова в них располагаются не по алфавиту, а группируются по семантической близости.

Татарско-русские и русско-татарские словари XIX века могут служить образцом для современных лексикографических трудов.

Во многих словарях отсутствуют теоретические и научные сведения по фонетике, морфологии, синтаксису татарского языка. Авторы ограничиваются лишь представлением алфавитов двух языков: татарского (на арабской графике) и русского. Это, несомненно, обедняет их содержание. Только в словарях К.Насыри (1878, 1892), Н.Остроумова (1876, 1892), А.Воскресенского (1894) и Миссионерского общества (1888) приводятся краткие сведения по грамматике татарского языка.

При каждом акте перевода, будь то устный или письменный перевод текста, подбор словарного эквивалента и т.д., мы имеем дело с двумя языками. В татарско-русских словарях XIX века входным языком является татарский, так как первая колонка состоит из татарских слов, а в русско-татарских словарях И.Гиганова (1804), К.Насыри (1892), А.Воскресенского (1894) входным является русский язык.

В словарях XIX в. основное место занимает эквивалентный перевод; перевод слов двумя и тремя синонимами способствует лучшему пониманию иностранного языка.

Для раскрытия значений других заглавных лексем авторы анализируемых словарей в некоторых случаях обращаются к приему энциклопедического толкования. Этот прием использован во всех словарях исследуемого периода, что придает им характер энциклопедичности. Эта характерная черта татарско-русских и русско-татарских словарей, по всей видимости, была обусловлена их задачами и целями, поскольку словарь не только являлся сводом лексики из словарного фонда языка, но и был призван отразить просветительские интенции нации в области материальной и духовной культуры, уровень лингвокультурного развития общества, а также эволюцию науки о языке.

Авторы татарско-русских и русско-татарских словарей XIX века были нацелены на наиболее полное и последовательное решение важных лингвокультурологических задач. Многие из них стремились правильно истолковать слова, показать позиции и положения слов в лексической системе языка, выявить их особенности, условия употребления, связь слов с жизнью, составляющую их сущность, вследствие чего им пришлось поместить в словарные статьи дополнительную информацию историко-географического и культурно-массового характера: названия знаменательных событий и исторических дат, имена героев и персонажей мифов и легенд, термины по астрономии, медицине, химии, физике, математике, алгебре, философии, логике, значения которых невозможно раскрыть лишь с помощью эквивалентов или антонимов.

По объёму словари принято делить на краткие, средние и большие. К первым можно отнести лексикографические труды И.Гиганова (1801), К.Насыри (1878), С.Кукляшева (1859), словари Миссионерского общества (1880–1891), Ш.Габдельгазиза (1893).

Большими словарями являются лексикографические сочинения И.Гиганова (1804), А.Троянского (1833, 1835), Н.Остроумова (1876, 1892), К.Насыри (1892), А.Воскресенского (1894).

В некоторых татарско-русских и русско-татарских словарях XIX века в составе лексических единиц отдельными леммами представлены имена собственные. Это наблюдается в словарях А.Троянского (1833, 1835), Л.Будагова (1869, 1871), Н.Остроумова (1876), С.Кукляшева (1859).

Двуязычные словари XIX века занимают важное место среди письменных памятников татарского языка. В 1801–1900 гг. было издано 12 татарско-русских и русско-татарских словарей, в которых зафиксированы самые активные лексические единицы, употреблявшиеся в разговорной речи.

Все указанные словари имели много общего. Во-первых, они были нацелены на решение единой идеологической задачи – способствовать миссионерской деятельности среди татарского населения Российской империи. Во-вторых, их авторы, составители и издатели, будучи высокообразованными специалистами-филологами, при подготовке данных трудов проводили важную исследовательскую работу в области татарской лингвистики. Фактически они заложили многие ключевые направления исследований в этой области, актуальные и по сей день.

Двуязычные словари татарского языка создавались и в начале XX века. Были опубликованы капитальные труды С.Рахманкулова и Г.Карамы, учебные словари Н.Катанова, И.Березгина.

В 1920 г. была образована Татарская Советская Автономная Республика. 25 июня 1921 г. был принят декрет, согласно которому татарский язык был признан государственным языком. Во всех учебных заведениях, учреждениях, на предприятиях были введены уроки татарского языка. Создавались научные грамматики, словари. Получили дальнейшее развитие традиции XVIII–XX веков по составлению двуязычных словарей. Особенно плодотворно в этой области работали ученые-лингвисты Г.Алпаров, Дж. Валиди, М.Курбангалиев, Р.Газизов, Г.Нугайбеков, Ф.Амирханов.

Огромный материал, сохранённый в двуязычных словарях XIX века, опыт их составителей были учтены при теоретических разработках, в трудах Ф.Ганиева, Ф.Сафиуллиной, Ф.Юсупова, Р.Юналеевой, Р.Абдуллиной, А.Алиевой.

Список татарско-русских русско-татарских словарей XIX века

Гиганов И. Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и юртовскими муллами свидетельствованные / И. Гиганов. – СПб., 1801. – 75 с.

Гиганов И. Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище учителем татарского языка И.Гигановым и муллами юртовскими / И. Гиганов. – СПб.: Имп. АН, 1804. – 627 с.

Воскресенский А.А. Русско-татарский словарь с предисловием о произношении и этимологических изменениях татарских слов А.Воскресенского / А.Воскресенский. – Казань, 1894. – 374 с.

Краткий татарско-русский словарь с прибавлением некоторых славянских слов с татарским переводом. – Казань, 1880. – 55 с.; 1882. – 55 с.; 1886. – 96 с.; 1888. – 96 с.; 1891. – 96 с.

Кукляшев С. Словарь къ татарской хрестоматии / С.Кукляшев. – Казань, 1859. – 106 с.

Насыри К. Татарско-русский словарь / К. Насыри. – Казань, 1878. – 120 с.

Насыри К. Полный русско-татарский словарь с дополнением из иностранных слов, употребляемых в русском языке как научные термины / К. Насыри. – Казань, 1892. – 263 с.

Остроумов Н.П. Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии / Н. Остроумов. – Казань, 1876. – 145 с.

Остроумов Н.П. Татарско-русский словарь / Н. Остроумов. – Казань, 1892. – 246 с.

Троянский А.А. Словарь татарского языка и некоторых употребительных въ немъ реченій арабскихъ и персидскихъ, собранный трудами и тщаниемъ учителя татарского языка въ Казанской семинариі священника Александра Троянского и напечатанный съ дозволенія комиссіи духовныхъ училищъ, в 2 т. / А.А. Троянский. – Казань, 1833. – Т. 1. – 629 с.; – Казань, 1835. – Т. 2. – 340 с.

Габдельгазиз Шигабутдин. Перевод съ татарскаго на русский языкъ или словарь / Ш.Габдельгазиз. – Казань, 1893. – 72с.

Юнусов М. Татарско-русский словарь наиболее употребительных слов и выражений / М. Юнусов. – Казань, 1900. – 115 с.

СОКРАЩЕНИЯ

БСИС – Большой словарь иностранных слов в русском языке. - М., 2001. – 771 с.

- ГТРАС** – Хәмзин К.З. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге / К. З. Хәмзин, М. И. Мәхмутов, Г. Ш. Сәйфуллин. – Казан, 1965. – 853 б.
- ДТС** – Древнетюркский словарь. –Л.:Наука, 1996. – 676 с.
- НА РТ, ф.2**, оп.2, д.7865.
- ПРС** Персидско-русский словарь / Отв.ред. Ю.А.Рубинчик. В 2-х томах. – М.: Русский язык, т.1, 1983. – 800 с.; т.2, 1983. – 864 с.
- РТС** – Русско-татарский словарь. – М.: Русский язык, 1985. – 733 с.
- СИГТЯ** Сравнительно – историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 2001. – 822 с.
- ТРС** Татарско-русский словарь. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. – 462 с.
- ТТАС** – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 томда. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1979. – Т.2. – 726 б.
- ТТАС** - Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 томда. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1977. – Т. 1. – 475 б.
- ТТАС** – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 томда. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1981. – Т.3. – 832 б.
- ТТДС** - Татар теленең диалектологик сүзлеге. – Казан: тат. кит. нәшр., 1969. – 643 б.
- ТТДС** –Татар теленең диалектологик сүзлеге. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1993. – 459 б.
- ТҮБК** известияләре – Татарстан Үзәк башкарма комитеты известияләре – Казан, 1921. – 138 б.
- ТЭС** – Татарский энциклопедический словарь. – Казань: институт татарской энциклопедии АН РТ, 1999. – 703 с.
- Ф.** – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М.Фасмер, - М.: Асртель-Аст, 2003, т.1, 588с., т. 2, 672 с., т.3 832 с., т. 4, 864 с.
- Шан.** – Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – М.: Просвещение, 1971.– 541с.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

1. Аганин Р.А. Турецкая лексикография в СССР (1917– 1977) / Р.А.Аганин // Советская тюркология. – 1978. – № 3. – С. 80– 94.
2. Акабиров С.О. Толкования значений слов в филологических русско-национальных словарях / С.О.Акабиров // Советская тюркология. – 1985. – № 3. – С. 43-52.
3. Актуальные проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. – Ташкент, 1985. – 107 с.
4. Алексеев А.А. К истории создания и издания «Корневого чувашско-русского словаря» Н.И.Золотницкого / А.А.Алексеев // Вопросы чувашской фонетики и морфологии: сб.статей . – Чебоксары: ЧНИИ, 1986. – С.55– 69.
5. Алтаев С. Вопросы туркменской лексикографии / С.Алтаев. – Ашхабад: Ылым, 1986. – 125 с.
6. Апажев М.Л. Лексикография и классификация словарей / М.Л. Апажев. – Нальчик: Эльбрус, 1971. – 44 с.
7. Ахунзянов Г.Х. Инструкция по составлению Татарско-русского словаря полного типа: в 3 томах / Г.Х.Ахунзянов, М.Г.Мухамадиев. – Казань, 1982. – 88 с.
8. Ахунзянов Г.Х. Регулярнообразуемые словосочетания как объект переводного словаря / Г.Х.Ахунзянов // Исследования по лексике и грамматике татарского языка. – Казань, 1986. – С. 146 – 150.
9. Баевский С.И. Ранняя персидская лексикография. XI– XV вв. / С.И.Баевский. – М.: Наука, 1989. – 166 с.
10. Баязитова Ф.С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. / Ф.С.Баязитова. – М.: Наука, 1986. – 247 с.
11. Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии: автореф.дис. ... д-ра филол. наук / В.П.Берков; Ленингр.ун-та им.А.А.Жданова. –Л., 1971. –30 с..
12. Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии / В.П.Берков. – Л.:

Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 191 с.

13. Берков В.П. Слово в двуязычном словаре / В.П.Берков. – Таллин: Валгус, 1976. – 140 с.

14. Берков В.П. Двуязычная лексикография / В.П.Берков. – СПб.: Изд-во С.Петербург. ун-та, 1996. – 248 с.

15. Берков В.П. Двуязычная лексикография / В.П.Берков. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2004. – 236 с.

16. Бертельс А.Е. О происхождении рубрик тематических (идеографических) словарей / А.Е.Бертельс // Переводная и учебная лексикография. – М.: Русский язык, 1979. – С. 7–27.

17. Биржакова Е.Э. Очерки исторической лексикографии / Е.А. Биржакова. – Л.: Наука, 1972. – 431 с.

18. Благова Г. Ф. Словари Л.Будагова и Паве де Куртейля как источники этимологического словаря./ Г.Ф.Благова // Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка. – Чебоксары: ЧНИИ, 1986. – С. 30–39.

19. Благова Г.Ф. Владимир Даль и его последователь в тюркологии Лазарь Будагов / Г.Ф.Благова // Вопросы языкознания. – 2001. – № 3. С.22–39.

20. Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX – 20-е гг. – XX вв.) / Р. М. Валеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1998. – 377 с.

21. Валидов Д. Очерк истории образованности и литературы волжских татар (до революции 1917 г.). – Вып.1. / Д. Валидов. – М.;Л., 1923. – 207 с.

22. Вафеев Р. А. Двустороннее татарско-русское двуязычие и бинарное сопоставление языков (Причинно-следственные отношения в сопоставляемых языках): автореф. ... д-ра филол. наук. / Р. А. Вафеев. – Казань, 2000. – 42 с.

23. Введенская Л.А. Русская лексикография / Л.А.Введенская. – М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: издательский центр «МарТ», 2007. – 352 с.

24. Веселовский Н.И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России / Н.И.Веселовский // Труды третьего

международного съезда ориенталистов в С.- Петербурге 1876 г., т.1 – СПб., 1879 – 1880. – 567с.

25. Владимиров В.В. Историческая записка 1-ой Казанской гимназии. XVIII столетие. Ч.1./ В. В. Владимиров. – Казань, 1867. – 162 с.

26. Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка. – Уфа: БФАН СССР, 1983. – 128 с.

27. Вопросы учебной лексикографии / под ред. П. Н. Денисова и Л. А. Новикова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 187 с.

28. Газизов Р.С. Из практики работы над составлением русско-татарского словаря / Р. С. Газизов // Вопросы языкознания. – М.,1954. – № 2. – С. 93– 97.

29. Гайнуллин М.Х. Каюм Насыри (жизнь и творчество) / М.Х.Гайнуллин // Каюм Насыри. 1825 – 1945. Материалы научных сессий, посвященных 120-летию со дня рождения. – Казань: Татгосиздат, 1948. – С. 5 – 38.

30. Ганиев Ф.А. Предисловие / Ф.А. Ганиев // Татарско-русский словарь. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. – С. 5– 6.

31. Денисов П.Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии / П. Н. Денисов. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 1974. – 253 с.

32. Дубчинский В.В. Теоретическое и лексикографическое описание лексических параллелей: автореф. дис. д-ра. филол. наук / В.В. Дубчинский. – Краснодар, 1995. – 35 с.

33. Ефимов Ю.Ф. Проблемы лексикографии / Ю.Ф. Ефимов // Вестник Чувашской Национальной академии. – Чебоксары, 1994. – С. 191– 195.

34. Закиев М.З. Роль Казанского университета в развитии тюркологии /М. З. Закиев, Д.Г.Тумашева // Проблемы тюркологии. – Казань: изд-во КГУ, 1964. – 282 с.

35. Закиев М.З. Некоторые вопросы развития татарского литературного языка / М.З.Закиев // Вопросы татарского языкознания. – Казань, 1965. – С. 5- 38.

36. Закиев М.З. Казанская школа тюркологов и грамматики татарского языка. / М.З.Закиев // Turcologica. – Л., 1976. – С.73 – 78.
37. Закиев М.З. К.Насыри и формирование современного национального языка / М.З. Закиев // Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри. – Казань, 1976. – С. 79 – 86.
38. Закиев М.З. Татарский язык. / М.З.Закиев // Языки мира. Тюркские языки. – М.: «Индрик», 1997. – С.357– 372.
39. Закиев М.З. Татарская академическая лексикология / М.З.Закиев // Актуальные вопросы татарского языкознания. Вып.2. – Казань, 2003. — С. 6 – 12.
40. Исаева З. Г. Двухязычные словари и диалектная лексика / З.Г.Исаева // Словарные категории. – М., 1988. – С. 191 – 193.
41. История русской лексикографии. – СПб.: Наука, 1998. – 610 с.
42. Казанская лингвистическая школа: Книга первая: Казанская тюркская лингвистическая школа / сост. М.З.Закиев. – Казань: Татар.кн.изд-во, 2008. – 424 с.
43. Казанская татарская учительская школа 1876 – 1917 // Сб. документов и материалов. – Казань: Гасыр, 2005. – 256 с.
44. Караулов Ю.Н. О некоторых лексикографических закономерностях / Ю.Н. Караулов // Вопросы языкознания. – 1974. – № 4. – С.21– 24.
45. Караулов Ю.Н. Словарь как компонент описания языков / Ю.Н.Караулов // Принципы описания языков мира. – М.: Наука, 1976. – С. 313– 341.
46. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю.Н.Караулов. – М., 1981. – 366 с.
47. Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги / А.Г. Каримуллин. – Казань: Татар. кн. изд- во, 1992. – 208 с
48. Касарес Х. Введение в современную лексикографию / Х. Касарес. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. – 353 с.

49. Ким С.С. К проблеме совершенствования русско-национальных словарей / С. С. Ким // Советская тюркология. – 1980. – № 5. – С. 25– 30.
50. Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи средневековья / Л.С.Ковтун. – М.; Л., 1963. – 156 с.
51. Ковтун Л.С. Древние словари как источник русской исторической лексикологии / Л.С. Ковтун. – Л.: Наука, 1977. – 108 с.
52. Козырев В. А. Сопоставление исторического и диалектного словарей / В.А.Козырев // ВЯ. – 1985. – № 3. – С. 83 – 89
53. Козырев В.А. Русская лексикография: пособие для вузов / В. А. Козырев, В.Д. Черняк. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.
54. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России / А.Н. Кононов. – Л.: Наука, 1972. – 271 с.
55. Кононов А.Н. Библиографический словарь отечественных тюркологов (дооктябрьский период) / А.Н.Кононов. – М.: Наука, 1974. – 340 с.
56. Копецкий Л.В. Двухязычный словарь славянских языков (на материале русско-чешского и чешско-русского словарей) / Л.В.Копецкий // Вопросы языкознания. – 1958. – № 3. – С. 76– 89.
57. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях / Л.П.Крысин. –М.: Знак, 2008. – 320 с.
58. Курышжанов А.К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника 13 века «Тюрко-арабского словаря» / А.К. Курышжанов. – Алма-Ата, 1970. – 234 с.
59. Кутина Л. Л. Словарь русского языка XVIII века / Л. Л. Кутина и др. – М.: Наука, 1984. – 141 с.
60. Ларин Б.А. Краткий исторический обзор литовской лексикографии / Б.А.Ларин // Лексикографический сборник. Вып.2. – М.: Гос. изд-во иностр. и национальных словарей, 1957. – С.119 – 145.
61. Лексикографический сборник. Вып.2. – М.: Гос. изд-во иностр. и национальных словарей, 1957. – 212 с.

62. Мамулина Г. З. Способы толкования слов в русско-туркменском толково-переводном учебном словаре / Г. З. Мамулина // Сборник статей по методике преподавания русского языка в вузах союзных республик. – М., 1986. – Вып. 4. – С. 22-25.

63. Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка. / – Т.1, ч.1, Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 510 с.; т.1, ч.2, Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 506 с.

64. Мифтахова И.Г. История татарских грамматик: исследование глагола, местоимения и наречия (XIX – начало XX вв). Часть II. / И.Г.Мифтахова. – Казань: Хәтер, 1999. – 166 с.

65. Михайлова С.М. Формирование и развитие просветительства среди татар Поволжья / С.М.Михайлова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. – 272 с.

66. Михайлова С.М. Казанский университет и просвещение народов Поволжья и Приуралья / С.М.Михайлова. – Казань: изд-во Казан. ун-та, 1979. – 223 с.

67. Михайлова С.М. Казанский университет в духовной культуре народов Востока России / С. М. Михайлова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. – 359 с.

68. Михайлова С.М. Традиции взаимовлияния культур народов Поволжья / С.М.Михайлова, О.Н.Коршунова. – Казань: Фэн, 1997. – 106 с.

69. Морковкин В. В. Идеографические словари / В. В. Морковкин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 69 с. –21 с.

70. Морковкин В. В. Идеографическое описание лексики (Анализ слов со значением времени в русском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Морковкин; – М., 1973. – 21 с.

71. Морковкин В. В. Опыт идеографического описания лексики (Анализ слов со значением времени в русском языке) / В. В. Морковкин. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 1977. – 165 с.

72. Морковкин В. В. Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» / В. В. Морковкин // Вопросы языкознания. – 1987. – № 6. – С. 33– 42.

73. Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков / К.М.Мусаев. – М.: Наука, 1984. – 226 с.

74. Мухаметшина Р.Ф. Диалог русской и татарской культур в системе литературного образования / Р.Ф.Мухаметшина. – Казань: Магариф, 2007. – 200 с.

75. Наджип Э. Н. «Пятиязычный словарь Домаскина» (характеристика татарской части) / Э. Н. Наджип // Сов. тюркология. – Баку, 1980. – № 2. – С. 57– 63.

76. Насырова Г.Г. Деятельность Каюма Насыри в области татарского языкознания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Г.Г.Насырова; – Казань, 2002. – 24 с.

77. Никитина С. Е. Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании (На материале фольклорных и научных текстов): автореф. дис.... д-ра филол. наук / С. Е. Никитина. – М., 1999. – 54 с.

78. Нуриева Ф.Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода / Ф. Ш. Нуриева. – Казань: изд-во Казан. ун-та, 2004. – 376 с.

79. Нурмухамметова Р.С. Основные тенденции развития лексики татарского литературного языка в первой половине XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. /Р.С.Нурмухамметова; – Казань, 2005. – 19 с.

80. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. С.И.Ожегов. – М.: Высшая школа, 1974. – 351 с.

81. Оконешников Е. И. О типе общих двуязычных словарей / Е. И. Оконешников // Якутский язык: лексика и семантика. – Якутск, 1987. – С. 45– 50.

82. Ольшанская И.Г. Перевод и двуязычная лексикография / И.Г. Ольшанская // Социокультурные проблемы перевода. – Воронеж, 2001. – Вып. 4. – С. 60 – 66.
83. Оруджев А.Г. Азербайджанская советская лексикография /А.Г.Оруджев // Лексикографический сборник. Вып.2. – М.: Гос. изд-во иностр. и национальных словарей, 1957. – С.145– 156.
84. Отечественные лексикографы XVIII– XXвека / под.ред. Г.А.Богатовой. – М.: Наука, 2000. – 508 с.
85. Переводная и учебная лексикография / под ред. В.Д. Уварова. – М.: Рус. язык, 1979. – 392 с.
86. Проблемы лексикографии. – СПб.: Изд-во С. – Петерб. ун-та, 1997. – 203 с.
87. Проблемы современной лексикографии. – Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 1999. – 119 с.
88. Проблемы учебной лексикографии и обучение лексике / под ред. П.Н. Денисова, В. В. Морковкина. – М.: Рус. язык, 1978. – 192 с.
89. Решетова Л. В. О принципах построения русско-узбекского словаря / Л.В. Решетова // Советская тюркология. – 1979. – № 1. – С. 50– 56.
90. Сайтов З.З. К проблеме изучения татарско-русского двуязычия / З.З. Сайтов // Учёные зап. Казан. пед. ин-та. – 1980. – Вып. 201. – С. 152– 162.
91. Салихова И. М. Сопоставительно-типологический анализ и актуальные проблемы русско-дагестанской двуязычной лексикографии: автореф. дис канд. филол. наук / И.М.Салихова. – Махачкала, 2000. – 18 с.
92. Сарыбаев Ш.Ш. Некоторые вопросы тюркской региональной лексикографии / Ш.Ш. Сарыбаев // Советская тюркология. – 1973. – № 6. – С. 111– 116.
93. Сафиуллина Ф. С. Толковый словарь татарского языка: в 3-х т. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1977. – Т. 1. – 476 б. / Ф.С.Сафиуллина, М.З.Закиев // Сов. тюркология. – 1978. – № 2. – С. 77– 80.

94. Сафиуллина Ф.С. Толковый словарь татарского языка: в 3-х т. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1979. – Т. 2. – 726 б. / Ф.С.Сафиуллина, М.З.Закиев // Сов. тюркология. – 1981. – № 2. – С. 81-84.

95. Сафиуллина Ф.С. Толковый словарь татарского языка: в 3-х т. – Казан: Тат.кит.нәшр. – 1981. – 832б. / Ф.С.Сафиуллина, М.З.Закиев // Сов. Тюркология. – 1982. – № 5. – С. 85– 92 .

96. Сафиуллина Ф.С. Русско-татарские словари, составленные Н.Ф.Катановым / Ф.С.Сафиуллина, А.Ш.Юсупова // Катановские чтения. – Казань: Мастер Лайн, 1998. – С. 82– 90.

97. Сиразиев И.И. Арабский пласт лексики современного татарского литературного языка: дис...канд.филол.наук / И.И.Сиразиев; Казан. гос. ун-та. – Казань, 2002. – 177 с.

98. Советская лексикография: сб.статей. – М.: Рус. язык, – 1988. – 273 с.

99. Сороколетов Ф. П. Общая и учебная лексикография: учеб. пособие / Ф.П. Сороколетов. – Л., 1985. – 57 с.

100. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. / И.И.Срезневский / Предисл. С.Г.Бархударова. – М., 1989. – С.1021

101. Тахтаходнаева М. Х. Двухязычные учебные словари и принципы их составления / М. Х. Тахтаходнаева. – Ташкент: Укитувш, 1981. – 182 с.

102. Теория и практика научно-технической лексикографии. – М.: Рус.язык, 1988. – 304 с.

103. Теория и практика русской исторической лексикографии. – М.: Наука, 1984. – 268 с.

104. Теория и практика современной лексикографии / отв. ред. Р.П. Рогожникова. – Л.: Наука, 1984. – 183 с.

105. Теория и практика учебной лексикографии / под. ред. В.В. Морковкина. – М., 1988. – 289 с.

106. Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар / Д.Г.Тумашева. – Казань: изд-во Казан. ун-та, 1977. – 293 с.

107. Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар / Д.Г.Тумашева. – Казань: изд-во Казан. ун-та, 1992. – 255 с.

108. Умаров Э.А. «Бадай-ал-лугат» и «Санглах» как лексикографические памятники и источники изучения староузбекского языка XV – XVIII вв.: автореф. дис. ...д-ра филол.наук / Э.А.Умаров. АДД. – Ташкент, 1989. – 46 с.

109. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII – XVIII вв./ М.А.Усманов. – Казань, 1972. – 318 с.

110. Фельдман Н.И. О границах перевода в иноязычно-русских словарях / Н.И.Фельдман // Лексикографический сборник. Вып. 2. – М.: Гос. изд-во иностр. и национальных словарей, 1957. – С.81– 110.

111. Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков / А.Ю.Хабутдинов. – Казань, 2001. – 383 с.

112. Хаков В.Х. Национально-русское двуязычие в диахронном и синхронном аспекте / В.Х.Хаков // Актуальные проблемы развития межнациональных отношений, интернационального и патриотического воспитания. – Казань, 1989. – С. 154 – 157.

113. Хисамова Ф.М. Русско-татарские словари XVIII – XIX вв. как источник по исторической диалектологии татарского языка / Ф.М.Хисамова // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка. – М., 1979. – С. 259.

114. Хисамова Ф. М. Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности XV–XVII вв. / Ф. М. Хисамова. – Казань: изд-во Казан. ун-та, 1990. – 152 с.

115. Хисамова Ф.М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI– начала XIX вв.) / Ф. М. Хисамова. – Казань: Мастер - Лайн, 1999. – 408 с.

116. Хусаинов К. Русские заимствования в «Опыте словаря тюркских наречий» / К.Хусаинов // Проблемы русско-казахских языковых контактов. – Караганда, 1979. – С. 3 – 10.

117. Чарыялов С. Туркменская лексикография / С. Чарыялов, С. Алтаев // Советская тюркология. – 1976. – №3. – С. 120–122.
118. Чеснокова Л.Д. Русский язык. Лексикография / Л.Д.Чеснокова, Е.С.Гришанина. – Таганрог: ТОО «Образование», 1997. – 131 с.
119. Шарафутдинова К.А. Раскрытие значений слова в двуязычном словаре / К.А.Шарафутдинова. – Ташкент: Фан, 1968. – 83 с.
120. Шарахмедова Н.И. Словарь «Халиса ба Халли Лугат» как источник узбекской исторической лексикографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.И.Шарахмедова; – Ташкент, 1990. – 25 с.
121. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии / Л.В.Щерба // Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.
122. Юлдашев А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей / А.А.Юлдашев. – М.: Наука, 1972. – 416 с.
123. Юсупов Ф.Ю. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка./ Ф.Ю.Юсупов. – Казань: изд-во Казан. ун-та, 1985. – 317 с.
124. Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола / Ф.Ю. Юсупов. – Казань:Татар. кн.изд-во, 1986. – 287 с.
125. Юсупова А.Ш. Двуязычные словари XIX века как источник изучения устаревшей лексики татарского языка / А. Ш. Юсупова // Бодуэновские чтения: труды и материалы. – Казань, 2001. – Т. 2. – С.97–98.
126. Юсупова А.Ш. Самоучители татарского языка XIX века. Лексика. / А.Ш.Юсупова. – Казань : РИЦ «Школа», 2002. – 140 с.
127. Юсупова А.Ш. Двуязычные словари татарского языка XIX века как свидетельство взаимосвязи двух этносов / А.Ш.Юсупова // Язык и этнос: материалы Первой выездной академической школы для молодых лингвистов-преподавателей вузов РФ 30 ноября – 2 декабря 2001 г. – Казань: РИЦ «Школа», 2002. – С.268–270.
128. Юсупова А.Ш. Европеизмы в русско-татарских и татарско-русских словарях XIX века / А.Ш.Юсупова // Сопоставительная филология и

полилингвизм: материалы Всерос. науч.-практ.конф. (г. Казань, 29-31 октября 2002 г.) – Казань: РИЦ «Школа», 2002. – С. 316– 317.

129. Юсупова А.Ш. Историко-лингвистический анализ двуязычных словарей татарского языка XIX века (на примере словаря И.Гиганова) / А.Ш.Юсупова // Сравнительно – историческое и типологическое изучение языков и культур. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2002. – С. 242 – 244.

130. Юсупова А.Ш. Принципы перевода слов в двуязычных словарях татарского языка XIX века / А.Ш.Юсупова // Сборник статей учёных Казанского университета (на русском и французском языках). – Казань: Казан.гос. ун-т, 2005. – С.228– 231.

131. Юсупова А.Ш. Татарско-русские и русско-татарские словари XIX века в сравнительном аспекте / А.Ш.Юсупова // Теория перевода, межкультурная коммуникация, сопоставительная лингвистика. – М., 2003. – С.364 – 366.

132. Юсупова А.Ш. Татарско-русские словари XIX века как одно из направлений издательской деятельности Казанского университета / А.Ш.Юсупова // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство. – Казань, 2005. – С.106– 110.

133. Юсупова А.Ш. Татарско-русские словари XIX века как одно из направлений издательской деятельности Казанского университета/ А.Ш.Юсупова // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство. – Казань: Казан.гос. ун-т, 2005. – С. 106 – 110.

134. Юсупова А.Ш. Двуязычные словари тюркских языков / А. Ш. Юсупова // Цивилизации народов Поволжья и Приуралья Т. 3. «Проблемы языка и этноса на рубеже веков». – Чебоксары, 2006. – С.146– 154.

135. Юсупова А.Ш. Татарско-русские словари XIX века, изданные в типографии Казанского университета / А.Ш.Юсупова // Этнодидактика народов России: деятельностно-компетентностный подход к обучению.

Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. – Нижнекамск: Изд-во Нижнекамского муниципального института, 2007. – С.95–96.

136. Юсупова А.Ш. Татарско-русские и русско-татарские словари XIX века (на примере словарей К.Насыри) / А.Ш. Юсупова // Проблемы филологии народов Поволжья. – М.; Ярославль: Ремдер, 2007. – С.28–34.

137. Юсупова А.Ш. Казань – центр издательства татарско-русских и русско-татарских словарей XIX века / А.Ш.Юсупова // Казань и алтайская цивилизация. – Казань, 2007. – С.232–233.

138. Юсупова А.Ш. Словари православных миссионеров / А.Ш.Юсупова // Восточная коллекция. – 2007. – №3. С.34–38.

139. Юсупова А.Ш. Двухязычные словари татарского языка XIX века как лексикографические памятники двух народов/ А.Ш.Юсупова // Вестник Челябинского государственного университета – 2007. – № 22 (100). –С. 169-177.

140. Юсупова А.Ш. Исторический контекст татарско-русских и русско-татарских словарей XIX века / А.Ш.Юсупова // Ученые записки Казанского государственного университета – 2008. –Том 150, Книга 2. Серия Гуманитарные науки. – С. 134 - 142.

141. Юсупова А.Ш. Словарь М. Юнусова как лексикографический памятник / А.Ш.Юсупова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета, 2008. № 7. – С.261 – 270.

142. Юсупова А.Ш. Дискрептивная характеристика татарско-русских и русско-татарских словарей XIX века / А.Ш.Юсупова // Ученые записки Казанского государственного университета – 2008. –Том 150, Книга 8. Серия Гуманитарные науки. – С. 153 – 159.

143. Юсупова А.Ш. Деятельность А.Троянского в области татарской лексикографии / А.Ш.Юсупова, Г.С.Усманова // Ученые записки Казанского государственного университета – 2008. –Том 150, Книга 8. Серия Гуманитарные науки. – С. 160-166.

144. Юсупова А.Ш. Двухязычные словари татарского языка XIX века как средство обогащения духовной жизни народов Поволжья/ А.Ш.Юсупова // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.). – Казань: Изд-во Казанск.ун-та, 2008. – С.423–429.

145. Юсупова А.Ш. Словари Н.Ф.Катанова как лексикографические памятники // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России. – Абакан: Изд-во Хакасск. гос. ун-та, 2008. – С. 108–111.

146. Юсупова А.Ш. Из истории становления татарской лексикографии в Казани в XIX в. / А.Ш.Юсупова // Образование и просвещение в губернской Казани. Выпуск 1. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2008. – С.184–193.

147. Языки мира: Тюркские языки. – М.: “Индрик”, 1997. – 544 с.

148. Якупова Г.К. Библиография по татарскому языкознанию / Г. К. Якупова. – Казань, 1988. – 98 с.

На татарском языке

149. Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге / Р.Г.Әхмәтъянов. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. – 272 б.

150. Батыршина Г.Г. Каюм Насырның лексикографик эшчәнлеге / Г.Г.Батыршина. – Казан:КДАТУ нәшр., 2007. – 171 б.

151. Баязитова Ф.С. Керәшеннәр. Тел үзенчәлекләре һәм йола ижаты / Ф. С. Баязитова. – Казан: Матбугат йорты, 1997. – 248 б.

152. Беркутов В.М. Бизмәннәрдә вакыт / В.М.Беркутов. – Казан: Тат. кит.нәшр., 1992. – 78 б.

153. Кәримуллин Ә.Г. Китап дөнъясына сәяхәт / Ә.Г.Кәримуллин. – Казан: Тат. кит.нәшр., 1979. – 208 б.

154. Госманов М.Г. Гасырдан гасырга / М.Г.Госманов. – Казан: татар. кит. нәшр., 2004. – 488 б.

155. Жәләй Л.Ж. Татар теленең тарихи морфологиясе / Л.Ж.Жәләй. – Казан: Фикер, 2000. – 288 б.
156. Мансуров Г. Татар провокаторлары / Г.Мансуров // Аргамак. – №.5–6, 1992. 108 – 109 б.
157. Мәхмүтов Х.Ш. Ел тәүлеге 12 ай / Х.Ш.Мәхмүтов. – Казан: Татар. Китап нәшрияты, 1991. – 128 б.
157. Мәхмүтов Х.Ш. Борынгылар әйткән сүзләр / Х.Ш.Мәхмүтов – Казан: Фикер, 2002. – 256 б.
158. Мәһдиев М.С. Ачы тәҗрибә / М.С.Мәһдиев. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1993, – 384 б.
159. Миңнегулов Х. Й. XIX йөз татар хрестоматияләре / Х. Й. Миңнегулов, Ш. Садретдинов. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1982. – 133 б.
160. Миңнуллин К.М. Татар теле — сүзлекләрдә. Библиографик күрсәткеч / К. М. Миңнуллин, Р. Вәлиуллин. – Казан, 1998. – 42 б.
161. Мөгьтәсимова Г.Р. Татар халык мәкальләренең лексикасы / Г.Р.Мөгьтәсимова. – Казан: В.И.Ульянов-Ленин исемендәге Казан дәүләт университеты, 2005. – 192 б.
162. Мөслимов А. Беренче русча-татарча басма сүзлек (1785 елда С. Хәлфин тарафыннан төзелгән) / А.Мөслимов // Сов. мәктәбе. – Казан, – 1988. – № 12. – Б. 55.
163. Мөхәммәдиев М. Г. 3 томлык “Татарча-русча сүзлек”не төзү турында / М. Г. Мөхәммәдиев // Азат хатын. – Казан, 1979. – № 4. – Б.12.
164. Мөхәммәдиев М. Г. Татар теле лексикографиясенең һәм лексикологиясенең үсеше / М.Г.Мөхәммәдиев // Актуальные вопросы грамматики и стилистики татарского языка. – Казань, 1986. – Б.16– 25.
165. Ногман М. XVII–XVIII йөзләрдәге русча-татарча кулъязма сүзлекләр / М. Ногман. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1969. – 112 б.
166. Нуриева А.Х. Татар теле тарихыннан материаллар / А.Х. Нуриева. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1975. – 97 б.

167. Саттаров Г.Ф. Татарстан АССРның антропотопонимнары / Г.Ф.Саттаров. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1973. – 305 б.
168. Саттаров Г.Ф. Мәктәптә туган як ономастикасы / Г.Ф.Саттаров. – Казан: Тат. кит.нәшр., 1984. – 208 б.
169. Сатаров Г.Ф. Татар исемнәре сүзлегә / Г.Ф.Саттаров. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1981. – 255 б.
170. Саттаров Г.Ф. Татар антропонимикасы / Г.Ф.Саттаров. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1990. – 278 б.
171. Саттаров Г.Ф. Атамалар дөнъясына сәяхәт / Г.Ф.Саттаров. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1992. – 240 б.
172. Саттаров Г.Ф. Татар топонимиясе / Г.Ф.Саттаров. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1998. – 438 б.
173. Сафиуллина Ф. С. Ижтимагый тормыш һәм хәзерге татар теле (“Русча-татарча ижтимагый-сәяси сүзлек” чыгу уңае белән) / Ф.С.Сафиуллина // Мәгариф. – 1998. – № 8. – Б. 38–42 .
174. Сафиуллина Ф.С. С. Хәлфин сүзлегә һәм Ф. Гельтергофның рус целлариусы / Ф. С. Сафиуллина // Мәгариф. – 2000. – № 10. – Б. 49–52.
175. Сафиуллина Ф. С. С.Хәлфин сүзлегендә гарәп-фарсы алынмалары /Ф.С.Сафиуллина, Э.Н.Фёдорова, Ч.Р.Саттарова // Мирза Казем-Бек и отечественное востоковедение: докл. и сообщения науч. конф. – Казань:Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Б. 290 – 295.
176. Сафиуллина Ф. С. Сүзлектән карыйм әле... / Ф. С. Сафиуллина // Сов. мәктәбе. – 1986. – № 8. – Б. 59 .
177. Сафиуллина Ф. С. Телебезгә чын ихтирам белән / Ф. С. Сафиуллина // Татарстан. – 1995. – № 1–2. – Б.99 – 101.
178. Сафиуллина Ф. С. Тукай теленең ешлык сүзлеген төзү тәҗрибәсеннән / Ф.С.Сафиуллина, Л.М.Ризванова // Тукай и духовная культура XX века // Материалы науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения Г. Тукая. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1997. – Б. 297–303.

179. Сафиуллина Ф.С. Хәзерге татар әдәби теле / Ф.С.Сафиуллина, М.З.Зәкиев. – Казан: Мәгариф, 1994. – 320 б.
180. Сафиуллина Ф.С. Хәзерге татар әдәби теле. Лексикология / Ф.С.Сафиуллина. – Казан: Хәтер, 1999. – 288 б.
181. Сафиуллина Ф.С. Ф. Гельтергофның «Рус целлариусы...»нда төрки һәм гарәп-фарсы алынмалары / Ф.С.Сафиуллина // Мәгариф. – 2001. – № 2. – Б.11– 14
182. Татарстан тарихы : төп мәктәп өчен уку әсбабы. – Казан: ТаРИХ, 2001. – 544 б.
183. Фәтхи А.С. Татар әдипләре һәм галимнәренә кулъязмалары / А.С.Фәтхи. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1968. – 84 б.
184. Хаков В.Х. Татар әдәби теле тарихы буенча очерклар / В. Х. Хаков. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1965. – 119 б.
185. Хаков В.Х. Татар милли әдәби теленен барлыкка килүе һәм үсеше / В. Х. Хаков. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1972. – 224 б.
186. Хаков В.Х. Татар әдәби теле тарихы / В. Х. Хаков. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1993. – 325 б.
186. Хаков В.Х. Тел – тарих көзгесе / В.Х.Хаков. Казан. Татар.кит.нәшр., 2003. – 295 б.
187. Халит Г. Татар теленә сүзлек составында гарәбизм һәм фарсизм / Г. Халит // Совет мәктәбе. – Казан, 1939. – № 8. – Б.57– 63.
188. Хангилдин В. Н. Каюм Насыри һәм татар лексикографиясе / В.Н. Хангилдин // Каюм Насыри: 1825– 1845: Тууына 120 ел тууга багышланган гыйльми сессия матер.: Мәжмуга. – Казан: Татгосиздат, 1948. – Б.78– 91.
189. Хәкимжан Ф.С. Татар тел белеме библиографиясе (1981 – 1997) / Ф.С.Хәкимжан, Т. Х. Хәйретдинова. – Казан: ТДГИ нәшр., 1998. – 202 б.
190. Хисамова Ф.М. XVIII йөздәге татарча эш кәгазе язмаларының тел үзенчәлекләре / Ф. М. Хисамова. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1981. – 162 б.
191. Юсупов Ф.Ю. Татар теленә диалектлары. Урал сөйләшләре / Ф.Ю.Юсупов – Казан: Мәгариф, 2003. – 351 б.

192. Юсупов Ф.Ю. Сафакүл татарлары: тарих, тел, халык ижаты / Ф.Ю.Юсупов. – Казан: Татполиграф, 2006. – 607 б.

193. Юсупова Ә.Ш. А.Троянскийның тел белеме өлкәсендәге эшчәнлеге / Ә.Ш.Юсупова // Татар теленең лексикасы һәм грамматикасы. – Казан: РИЦ «Школа», 2003. – Б. 36 – 43.

194. Юсупова Ә.Ш. М.Юнысов – сүзлекче / Ә.Ш.Юсупова //Казан дәүләт университеты татар филологиясе һәм тарихы факультеты укытучыларының фәнни язмалары. – Казан: Гарт, 2002. – Б. 260 – 272.

195. Юсупова Ә.Ш. Миссионерлар жәмгыяте төзегән сүзлекләр / Ә.Ш.Юсупова // Милли мәдәният. – 2003. – № 3. – Б. 37 – 40.

196. Юсупова Ә.Ш. С.Кукляшев сүзлеге / Ә. Ш. Юсупова // Фәнни язмалар – 2004. – Казан: РИЦ «Школа», 2005. – Б.363–367.

197. Юсупова Ә.Ш. Сүзлекләр тарихыннан / Ә.Ш.Юсупова // Мәгариф. – 2004. – № 2. – Б.14.

198. Юсупова Ә.Ш. Ш.Габделгазиз сүзлеге / Ә.Ш.Юсупова // Фәнни Татарстан. – 2003. – № 3–4. – Б.120–125.

199. Юсупова А.Ш. XIX гасыр сүзлекләре / Ә.Ш.Юсупова // Мәйдан. – 2006. –№ 4. – Б.158–160

200. Юсупова Ә.Ш. Башка төрки телләр сүзлекләре / Ә.Ш.Юсупова// Фәнни язмалар – 2006. – Казан: В.И.Ульянов-Ленин исемендәге Казан дәүләт университеты, 2007. – Б.547 – 555.